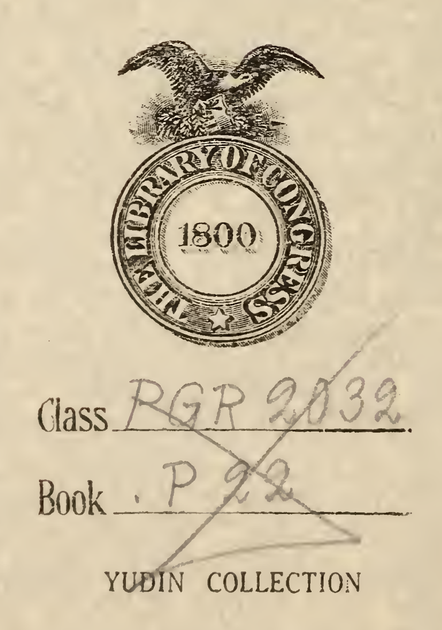

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г. В. ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ВИНОВАТЫЕ И ПРАВЫЕ.

РАЗСКАЗЫ

СУДЕБНАГО СЛѢДОВАТЕЛЯ.

Соч. К. Попова.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Большая Дмитровка, № 7.
1871.

ВИНОВАТЫЕ И ПРАВЫЕ.

РАЗСКАЗЫ

СУДЕБНАГО СЛѢДОВАТЕЛЯ.

Посвящается А. В. Аароновой.

Соч. К. Попова.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Большая Дмитровка № [illegible].
1871.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I.

Кончина грѣшницы.

— Вотъ и въ Низовье прикатили, ваше высокоблагородіе, объявилъ мнѣ ямщикъ, отдергивая занавѣску моей рогожной кибитки.

— Хорошо! А огонь на станціи есть? отозвался я.

— А вонъ ужь Михайло съ теплиной *) на крыльцѣ васъ дожидается.

— Ну, такъ выносись.

— Ладно, хорошо, ваше высокоблагородіе.

— Здравствуй, Михайло Трофимовичъ! обратился я къ свѣтившему мнѣ содержателю Низовской обывательской станціи.

— Добро пожаловать, ваше выс—іе!

— Каково живется-можется?

— А все ровнако, ваше выс—іе: одной рукой запрягаю, другой — выпрягаю; извѣстна ужь наша ямщичья должность. Михайло Градо́въ на ко́злахъ родился у ко́зелъ и умретъ. Пожалуйте, ваше выс—іе, продолжалъ онъ, отворяя мнѣ дверь въ комнату для проѣзжающихъ. Ужь не взыщите... въ шомнышѣ-то **) не обиходно; старуха-то съ дочушкой вечеровать уползла, такъ...

---

*) Горящая лучина.

**) Чистая комната при избѣ.

— А что, не много еще времени? спросилъ я.

— Да, не надо быть много-то, отвѣтилъ Градовъ: только, только-что передъ вами огни вздули.... дни-то нонѣ короткіе... Съ часами-то у меня какая-то притча,—не ходятъ! Сулился отецъ дьяконъ наладить, да все не удосужится. А часовъ шесть, надо быть, будетъ. Да не сбѣгать ли въ приказъ, али на почтовую? Тамъ дородно ходятъ.

— Нѣтъ, не нужно.

— А, поди, самоварчикъ про вашу милость прикажете поставить?

— Да; не мѣшало бы.

Градовъ взялъ съ лежанки самоваръ и вышелъ изъ комнаты.

Ввалился ямщитъ съ моимъ багажомъ.

— Вотъ, ваше выс—іе, постеля, вотъ подушка, вотъ одѣяло шубное, вотъ чеботанъ, вотъ погребецъ; порфель, кажись, вы сами вынесли?.. Больше никакъ ничего нѣтъ?

— Все. Спасибо, братъ!

Затѣмъ, какъ водится, ямщикъ попросилъ на водку.— Вмѣстѣ съ гривенникомъ я далъ ему порученіе отыскать и позвать ко мнѣ десятскаго, а самъ, въ ожиданіи самовара и десятскаго, занялся разсматриваньемъ висѣвшихъ по стѣнамъ комнаты картинъ, до которыхъ содержатели всѣхъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстныхъ, обывательскихъ станцій большіе охотники. На одной изъ нихъ изображенъ Петръ Великій: на конѣ, въ шлемѣ съ перьями, въ латахъ и съ зрительною трубой въ рукѣ. На другой— Паскевичъ-Эриванскій шпагою указываетъ непріятеля, который, какъ будто, находится за плечами зрителя, а между тѣмъ войска маршируютъ въ противоположную сто-

рону. На третьей—на вершинѣ обрывистой горы стоитъ атлетическаго сложенія огромный мужикъ, съ поднятымъ вверхъ страшнымъ кулачищемъ, и тузитъ Англичанъ и Французовъ—маленькихъ, уродливыхъ; тѣ летятъ съ горы, какъ мухи, а изъ глубины картины непріятельскій генералъ въ треуголкѣ наблюдаетъ эту битву въ зрительную трубу. — На четвертой картинѣ кипитъ сраженіе съ Турками: всѣ Турки подняли вверхъ руки и сами собой падаютъ назадъ, а казаки бьютъ ихъ, кто чѣмъ попало, шашками, пиками и т. д.

Далеко еще не дошелъ я до конца картинъ, какъ Градовъ явился съ самоваромъ.

— Вотъ какъ обывательскіе-то, ваше выс—іе, кипятъ! замѣтилъ онъ.

— Да, дѣйствительно, скоро.

«Посуду-то, ваше выс-іе, поди, свою употреблять станете?

— А пожалуй, сказалъ я, отпирая погребецъ; только я, вѣдь, старовѣръ: для себя ты свою приноси.

— Благодаримъ покорно, ваше выс—іе, про свое-то рыло найдемъ.

Градовъ сходилъ за чашкой себѣ, а я тою порой сдѣлалъ чай и налилъ.

— Со свиданіемъ, ваше выс—іе, сказалъ Градовъ, принимаясь за чай.

— Кушай на здоровье.

— Кушайте сами-то, ваше выс—діе, проговорилъ онъ, ожигаясь.

Послѣ небольшой паузы, Градовъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Видно по Матюгину дѣлу пріѣхали, ваше выс—іе!

— Да, по кражѣ... у Матвѣя Негодяева.

— Такъ. А ловко его охолостили крещеные, ваше в—діе!

— Да... А что это десятскаго долго нѣтъ?

— Сряжается, поди, ваше в—діе. Баба, вѣдь, нонѣ у насъ десятникомъ-то стоитъ.

— Да зачѣмъ вы бабъ отъ десятничества не освобождаете?

— Нельзя, ваше в—діе, на двѣ души пашетъ. Да вы не сомнѣвайтесь, эта лучше иного мужика отстоитъ... Что это старухи долго нѣтъ? Ужь вѣсть-то про ваше в—діе, поди, дошла. — Все дѣвчушка-то просится вечеровать... Ваша-то невѣста. У нея, вѣдь, всякій баринъ, ваше в—діе, женихъ; а васъ больше всѣхъ любитъ. Смѣемся мы этта надъ ней: гляди ты, говоримъ, онъ рыжій какой!—Нѣтъ, говоритъ, бѣлый. — Рожа-то, говоримъ, какая страшная, ровно у лѣшаго!—Нѣтъ, говоритъ, онъ мнѣ сладкаго даетъ, бѣленькую денежку далъ, а лѣшакъ-отъ не далъ. Такая заглумная *), право! Будетъ живуча, такъ воръ-дѣвка выроститъ. А я все про Матюгу-то думаю, ваше в—діе: вотъ, думаю, копилъ, копилъ мужикъ, пасъ, пасъ, а про кого припасъ? А вонъ и десятникъ готовъ, ваше в—діе.

Въ комнату вошла женщина среднихъ лѣтъ.

— Арсютка прибѣгалъ, начала она, помолившись сперва на иконы, а потомъ низко поклонившись мнѣ и не столь низко Градову, слѣдователь, говоритъ, тебя зоветъ, его благородіе...

— Не благородіе, глупая, а высокоблагородіе; у него писарь благородіе-то, замѣтилъ Градовъ.

---

*) Замысловатая, забавная. Это слово употребляется исключительно, когда говорятъ о дѣтяхъ.

— Не обезсудьте, ваше клагородіе, тьфу ты... Большое благородіе...

— Опять большое! Высокоблагородіе! вмѣшался Градовъ.

— Ну, высокое благородіе; наше бабье дѣло,—такъ...

— Не баба ты, опять замѣтилъ Градовъ, коли десятникъ!

— Да какъ же, Михайло Трофимовичъ: хошь прозвище-то попѣ и не бабье у меня, да, вѣдь, ужь не во всемъ же я мужикомъ стала. Отойдетъ моя недѣля, такъ опять бабой обернусь, сказалъ десятскій, скромно улыбаясь.

— Ну, матушка, обратился я къ ней, хотя и не хотѣлось бы мнѣ посылать тебя въ такую пору, да что дѣлать, нужно!

— Что дѣлать, ваше... высокое... благородіе? Мы отъ начальства не прочь. Такое ужь наше дѣло... Мнѣ, какъ-то, все по ночамъ приходится: въ ту тамъ недѣлю тоже о эку пору становой подъѣхалъ.

— Ну, что дѣлать! Прежде всего ты достань мнѣ сотскаго.

— Ой, да вѣдь никакъ онъ въ приказъ прошелъ съ Викторомъ Ивановичемъ, съ казначеемъ.

— Ну, такъ иди скорѣй, не опусти; да, если нѣтъ въ приказѣ другихъ старшинъ, такъ позови и казначея.

— Тотчасъ сбѣгаю, в. в. Ужь эту-то ночку я отслужу тебѣ, кормилецъ; а завтра-то, тако милость будетъ, не уволишь-ли? Дома то малъ-мала меньше.

— Хорошо, только иди, не зѣвай.

— Духомъ сбѣгаю, в. в.

Десятскій ушелъ. Вмѣсто него явилась Градова съ дочерью.

— Здравствуйте, кормилецъ, в. в!—Кланяйся дядюшкѣ, сказала она дочери.

— Здравствуй, матушка.—Иди-ко ко мнѣ, невѣста!

— Не обезсудьте, кормилецъ в. в., больно ужь у меня необиходно: ишь ты, старый охлупень, и стола-то не накрылъ и шомныша-то не выпахана *)!

— Ничего, матушка!

Той порой невѣста моя помѣстилась рядомъ со мной.

— Что, ты любишь меня? спросилъ я.

— Юбью.

— Да, вѣдь, я рыжій?

— Бѣій.

— Похожъ я на лѣшаго?

— Нѣть.

— Отчего?

— Ти биеньку денезку давъ.

— Умница! Вотъ тебѣ сахару за это.

— Кланяйся-же барину. сказала Градова.

Дѣвочка кивнула головой.

Явились сотскій съ Викторомъ Ивановичемъ.

— А что, Викторъ Ивановичъ, ты можешь находиться у меня депутатомъ?

— Какъ прикажите, только можно ли мнѣ? Если по негодяевскому дѣлу пріѣхали, такъ подсудимымъ-то я по своимъ буду... все наша Негодяевщина!

— Тѣмъ лучше! На то и есть депутатъ, чтобы защищать подсудимыхъ; такъ кому-же и быть депутатомъ, какъ не родственнику?

---

*) Выпахать—вымести.

— Какая ужь мы защита, в. в! А можно, такъ... я то же и въ приказѣ-то ничего не дѣлаю.

— А подсудимые-то, кажется, не далеко отсюда?

— Да прямо-то такъ и версты не будетъ.

— Значитъ сегодня я успѣю допросить ихъ?

— Да нашихъ-то какъ неуспѣть, в. в. Только вотъ Государевича-то какъ? Онъ, вѣдь, не близко отсюда, да и не той волости, хоть нашего-же приказу.

— За этимъ я ужь послалъ. Это Лютиковъ такъ празывается?

— Такъ точно, в. в. Вотъ вы догадались: знаете наши порядки. Удивительное это дѣло... какъ это у насъ повелось? Видно, какъ-нибудь начальство надавало эти фамиліи. Ей-Богу, в. в., иной мужикъ у насъ и родится и умретъ, а не знаетъ своей настоящей фамиліи... по писаному-то. Вотъ насъ... неодна деревня Негодявы пишемся; Ивановъ Ѳедоровыхъ Негодяевыхъ трое въ нашей деревнѣ: а инаго промежъ себя зовемъ Журичъ—это значитъ у его отца прозвище было Жура, инаго Палкичъ, инаго опять Дуничъ—это значитъ мать у него Авдотья была, а по просту—Дунька.

— А вотъ по этому случаю ты и растолкуй сотскому, кого нужно позвать, а я пожалуй перепутаю: знаешь, вѣдь, кого нужно?

Какъ же, в. в., при мнѣ, вѣдь, Михайло Сенотосовичъ дознаніе, то дѣлалъ.

Изъ объясненія Виктора Ивановича съ сотскимъ я узналъ, что Матвѣй Негодяевъ, по случаю кражи у него, получилъ прозваніе Матюги Холощенаго.

— Такъ вотъ ты за этими, что сказалъ тебѣ Викторъ

Ивановичъ, сейчасъ же пошли десятскаго; а самъ побудь здѣсь... тамъ подожди, сказалъ я сотскому.

— Слушаюсь, в. в.

Сотскій вышелъ.

— Теперь, Викторъ Ивановичъ, сдѣлай-ка реэстрикъ-кого падобно вызвать на завтрашній день: фамиліи, по-писаному, я подчеркнулъ въ актѣ дознанія карандашемъ: вотъ бумага и чернила.

Пока Викторъ Ивановичъ дѣлалъ выписку, я распорядился объ ужинѣ.

Выписка готова. Явился сотскій.

— Вотъ по этому реэстру всѣхъ вызови завтра утромъ рано, да чтобы для повальнаго обыска о подсудимыхъ было человѣкъ десятка два изъ сосѣдей... знаешь какихъ?

— Знаю, в. в.. не въ первой при слѣдствахъ-то бывать! Чтобы не было родни, штрафованныхъ, да малолѣтковъ.

— Да. Да чтобы наполовину было мужиковъ, да наполовину бабъ.

— Слушаюсь, в. в.

Сотскій вышелъ.

— Вотъ, в. в., замѣтилъ Викторъ Ивановичъ, угостите-же вы бабъ-то нашихъ.

— А что?

— Да, извините, в. в., у насъ до того на повальныхъ обыскахъ все однихъ мужиковъ допрашивали.

— А чѣмъ-же бабы, особенно о бабѣ, не свидѣтели?

— Это такъ, в. в. Да и о мужикѣ баба все лучше знаетъ мужика. А опять, в. в., вѣдь мужикъ скорѣе

бабы душой попретъ. Это вѣрно, в. в.; а только что прежде-то этого у насъ не водилось.

— Ну, пусть съ этой поры будетъ.

— А, извините, в. в., это вы ловкую штуку придумали: ей Богу, мужики того не скажутъ!

— Вотъ, увидимъ. А ты садись-ка, такъ гость будешь.

— Покорнѣйше благодарю, в. в.

— Скажи пожалуста,—вамъ, вѣдь, ближе знать:—что это за люди, которыхъ Негодяевъ обвиняетъ? Хоть Лютиковъ?

— И, в. в! Да вѣдь это золотыя руки! Широко надо искать такого плотника... Кому поденщины платятъ полтину, а ему три четвертака, восемь гривенъ, а не то и весь рубль отдай!

— Такъ что-же онъ?...

— А слухи худые. Да, видно, сами увидите, в. в.

— Ну, а другой... Иванъ Негодяевъ?

— Этотъ, в. в., парень еще молодой... изъ прожиточнаго дому... и глупостей за нимъ никакихъ не слыхать было... а, при томъ, кто его знаетъ? Чужая душа—потемки.

— Ну, а Ирина?

— Да какъ вамъ сказать объ Иринѣ, в. в. Вѣдь и за ней большихъ-то глупостей не слыхать. Изволите видѣть, еще въ дѣвкахъ связалась она съ этимъ Лютиковымъ; родители ея люди—прожиточные... ну, а выдали ее по этой причинѣ въ бѣдный домъ... ну, и приданымъ обдѣлили. Вотъ въ новой-то семьѣ и не красно житье стало: разъ, недостатки, а другой разъ—и укорятъ; иной разъ и недоѣстъ—не допьетъ; ну, и тычекъ лишній до-

станется... Да все-таки пойдетъ-ли, в. в., баба въ ночную пору въ чужую клѣть ломиться! Развѣ Лютиковъ какъ подвелъ?... Да опять тотъ самъ лучше ея всѣ норы въ матюгиномъ-то домѣ знаетъ: самъ рубилъ, такъ... да и животы-то матюгины тоже.—Богъ ихъ разберетъ!...

— Ну, да какъ по крайней мѣрѣ въ народѣ-то говорятъ?

— Да всяко врутъ, в. в., и толку не дамъ; а все больше на этихъ на троихъ ляпаютъ. Да вотъ и сами увидите, в. в.

— А самъ-то Матвѣй Негодяевъ—что за человѣкъ?

— Этотъ, в. в., мужикъ просужій: эдакихъ и по волости-то не много сыщешь. Обидѣли сердечнаго!.. Да вотъ и онъ! Легокъ на поминѣ.

Въ комнату вошелъ крестьянинъ лѣтъ подъ пятьдесятъ. Какъ водится, помолился на иконы и раскланялся.

— Ты Матвѣй Негодяевъ?

— Я, я, в. б., проговорилъ, задыхаясь и близко подходя ко мнѣ Негодяевъ... Учулъ про ваше бл., такъ прибѣжалъ.

— Да что ты, дядя Матвѣй, замѣтилъ ему Викторъ Ивановичъ, къ рылу-то его выс—ія лѣзешь! Вѣдь онъ не глухой.

Матвѣй немного отодвинулся.

— Это тебя обокрали? спросилъ я.

— Меня, меня... Охолостили, в. в., отвѣчалъ онъ жалобнымъ голосомъ.

— Да какъ же это?

— Да какъ? Извѣстно какъ! Взяли, да и...

«Ну, да мы начнемъ по порядку: вотъ я тебѣ прочитаю что написалъ становой въ дознаніи...

— Вычитай, вычитай, в. б.

Я прочиталъ. Оказалось, что Матвѣй Негодяевъ заподозрѣлъ Лютикова потому, что тотъ строилъ его домъ: слѣд. знаетъ всѣ ходы, по всей вѣроятности, имѣетъ коловоротъ, которымъ просверлена дверь въ клѣть, и притомъ онъ и раньше слылъ воромъ; Ивана Негодяева—потому, что этотъ въ тотъ вечеръ, когда Матвѣй Негодяевъ уѣзжалъ съ женой куда-то на свадьбу на нѣсколько дней, приходилъ къ нему, опять, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы удостовѣриться, что его не будетъ дома, и наконецъ Ирину Негодяеву—потому, что она имѣла любовную связь съ Лютиковымъ.

— Кромѣ этого ты не можешь ли представить еще какихъ-нибудь уликъ?

— Да что еще больше, в. б.? Окромя ихъ не кому! Вы, в. б., понажмитеко ихъ хорошенько.—Послѣднія слова Негодяевъ проговорилъ, опять близко подойдя ко мнѣ и тихо, чуть не шепотомъ.—Особливо Ириху-ту... прибавилъ онъ.

— Отчего-же это особливо Ириху?

— А вотъ что, в. б., отвѣчалъ Матвѣй все тихимъ голосомъ: этта, какъ становой-отъ, Михайло-то Сенотосовичъ, напéрво пріѣзжалъ по моей потеряхѣ, такъ какъ поѣзжалъ, такъ говорилъ мнѣ: «ну, братъ, дядя Матвѣй, не сыскать говоритъ, твоей потеряхи, коли ты болѣ того не докажешь. Жаль, говоритъ, мнѣ тебя! Ты, говоритъ, вотъ что: ты, говоритъ, къ Ирихѣ-то присусѣдься: она говоритъ о своемъ-то дружкѣ не проляпаетъ-ли, говоритъ, чего. А чтó, говоритъ, выпытаешь у ее, такъ то и скажи, говоритъ, слѣдователю, какъ онъ наѣдетъ... Это, говоритъ,

я тебѣ любя говорю. Да, говоритъ, коли слѣдователь.... ваше-то благородіе... не такой же дуракъ,—это становой-то говоритъ,—какъ ты, такъ онъ и самъ тебя про это поспрошаетъ.»

— Ну такъ ты что же?

— А вотъ я, в. б., отвѣчалъ Матвѣй все тѣмъ же тономъ, и сталъ я этта ей, Ирихѣ-то копаться: попровѣдай говорю. Она говоритъ: ладно, дядюшка Матвѣй, да мнѣ, говоритъ, не чѣмъ подняться. Онъ, говоритъ, Государевичъ-отъ это въ Вакоминѣ нонѣ. и вѣдь безъ вина, говоритъ. не шибко къ нему подползешь.—Вотъ я говорю ей: на, говорю. А самъ и подалъ ей четвертакъ... она и сама не попрется... еще въ ту пору прилучились у меня все пятаки серебры, такъ я и подалъ ей пять пятаковъ. Ладно, она говоритъ, сбѣгаю. Вотъ хорошо; сбѣгала она это и ляпаетъ: Государевича, говоритъ, это дѣло, да Ваньки Долговязаго (Ивана Негодяева), а животовъ своихъ, говоритъ, дядюшка Матвѣй, видно, и не ищи: въ Чушевицахъ, говоритъ, у Ольки Приспича, да у Ваньки Оленича.

— Ну что же еще она сказала?

— Ничего больше, в. б., не сказала.

— Ну, и ты провѣдывалъ про Ольку Приспича да про Ваньку Оленича?

— А вотъ ужь и не провѣдывалъ, в. б.

— Такъ какъ-же?

— А видно ужь такъ, в. б.; видно ужь вправду Михайло Сентосовичъ смѣялся; говоритъ, коли ты такой же дуракъ, какъ слѣдователь... Ваше благородіе, такъ...

— Ой ты, Омеля! вмѣшался Викторъ Ивановичъ.—Развѣ такъ тебѣ становой говорилъ? Онъ сказалъ «не такой дуракъ».

— Не прогнѣвайтесь, в. б., поправился Матвѣй,—я это только съ глупа рѣчи переставилъ... смѣшался.

— Ну, да не въ томъ дѣло. Ты больше ничего ни можешь сказать? спросилъ я Матвѣя Негодяева.

— Да видно все... Эка паре, Викторъ Ивановичъ, обратился Матвѣй къ депутату,—вѣдь не по скусу это я изладилъ... объ Олькѣ-то, да Ванькѣ не провѣдалъ? Эка ты втора какая!—При послѣднихъ словахъ Матвѣй почесалъ въ затылкѣ. Да не провѣдаешь ли ты самъ, в. б.? прибавилъ онъ.

— Провѣдать-то я провѣдаю; только не поздно-ли ужь будетъ?

— А быватъ и найдется.

— Посмотримъ. А теперь пока ступай, да не отлучайся. Да пошли сюда, если кто пришелъ изъ этихъ, Ирину или Ивана Негодяева.

— Ладно, в. б., надо ужь быть: десятникъ-отъ бѣжитъ... мнѣ на встрѣчу попался, такъ...

Матвѣй Негодяевъ вышелъ.

— Вонъ, в. б., съ той стороны колокольцы слышно: не Лютикова-то-ли везутъ? сказалъ Викторъ Ивановичъ.

— А можетъ-быть: разсыльный впередъ меня за нимъ поѣхалъ.

Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ очень высокаго роста, съ энергическимъ и до крайности черствымъ выраженіемъ лица.

— Кто ты такой?

— Иванъ Негодяевъ.

— Говорятъ, что ты обокралъ Матвѣя Негодяева.

— Да кто говоритъ-то?

— Во-первыхъ, самъ онъ.

— Мало-ли что онъ ляпаетъ! Языкъ-отъ безъ костей, вѣдь.

— Зачѣмъ ты приходилъ къ нему передъ его отъѣздомъ?

— Да такъ. Мало ли другъ къ дружкѣ ходимъ?... Не все воровать...

— Ты можешь доказать, что въ ту ночь дома ночевалъ?

— Да какъ доказать? Дома ночевалъ, да и все тутъ...

— Не можешь ли указать свидѣтелей?

— Да, пожалуй, вся семья скажетъ.

— Нѣтъ, изъ постороннихъ.

— Да какіе по ночамъ сторонніе. Вотъ въ лонской годъ? о эту пору, такъ швецы жили, сапоги робили; потомъ катальщики, а нонѣ не привелось.

— Ступай, только пока домой не уходи.

— Ладно, поманю *).

Онъ вышелъ. Вошелъ мой разсыльный.

— Лютикова привезъ, в. в.; прикажете позвать?

— Да.

— Слушаю-съ.

Лютиковъ вскорѣ явился.—Наружность его бросилась мнѣ въ глаза своими особенностями. Это человѣкъ лѣтъ 35, большаго средняго росту; очень темные мягкіе волоса его, хотя и длинные, но подстрижены и причесаны не по-крестьянски; кожа на лицѣ тонкая, очень бѣлая, покрытая матовою блѣдностью; вообще лицо умное и красивое, но спокойные глаза его не имѣли никакого выраженія. Костюмъ его отличался оригинальностью: онъ былъ и не

*) Манить—ждать; отсюда проманка—напрасная потеря времени.

крестьянскій, и не городской; всякая принадлежность его, казалось, была приготовлена соотвѣтственно его своеобразнымъ вкусамъ и привычкамъ. Вся фигура его просвѣчивала какимъ-то утомленіемъ, какою-то вялостью. Вообще съ виду онъ нисколько не похожъ былъ на плотника—поденщика.

— Тебя обвиняютъ въ кражѣ у Матвѣя Негодяева, сказалъ я.

— По насердкамъ, ваше в—діе, спокойно и сдержанно отвѣчалъ Лютиковъ. Я, вѣдь, и Михайлу Сенотосовичу указалъ посредственниковъ: тѣ не попрутъ душой — скажутъ, гдѣ я былъ въ ту ночь. Онъ записывалъ это.

— Я переспрошу твоихъ посредственниковъ. Но, говорятъ, будто ты Иринѣ Негодяевой сказывалъ, въ Вакоминѣ, что это дѣло твое и...

— Да я и не видалъ ее... потаскухи.

— Не хочешь ли чего еще сказать къ своему оправданію.

— Нѣтъ, ваше в—діе, не въ чемъ мнѣ и оправдываться-то... сами видите. Такъ вотъ попусту ляпаютъ; нечего имъ, видно, дѣлать-то, такъ... одна проманка!...

— Ну, ступай пока, только не отлучайся.

— Слушаю, ваше в—діе.

Я велѣлъ позвать Ирину Негодяеву.—Вошла женщина еще молодая. На красивомъ и симпатичномъ лицѣ ея видны были слѣды тяжкихъ страданій. Костюмъ ея обличалъ привычку къ опрятности и даже щегольству.

— Ты Ирина Негодяева?

— Я, ваше благородіе.

— Ты какъ будто нездорова?

— Ой шибко, ваше б—діе, нездорова, на силу на великую приползла...

— Если очень нездорова, такъ зачѣмъ же шла? Я бы могъ...

— Какъ можно, ваше б—діе, коли начальство требуетъ!

— Ну, по крайней мѣрѣ, садись.

— Ой, спасибо тебѣ, ваше б—діе. А то моченьки моей не стало: еле-еле ноженьки держатъ.

— Чѣмъ же ты нездорова?

— Да чѣмъ? Продала я тѣло свое бѣлое дьяволу, такъ, видно онъ, окаянный, и терзаетъ его.

— Вотъ тебя винятъ въ кражѣ у Матвѣя Негодяева.

— Ой, не вѣрь имъ, ваше б—діе! пойду ли я экая, о эку пору, на экое дѣло! Продала я тѣло свое бѣлое дьяволу, да душеньку упасла. Это все дядюшка Матвій съ вѣтру ляпаетъ... за спасибо, видно, что я ему слѣдъ указала. Для его потеряхи, самъ видишь, ваше б—діе, здоровье-то мое, въ ночную пору, по буторѣ *), по непогодѣ, за 5 верстъ на Вакомино бродила, а онъ?.. Богъ ему судья да Мати Троица Пресвятая Богородица... Трехъ скорбящихъ Радости!

— Это такъ... Но ты не можешь ли представить положительныхъ доказательствъ, что...

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше б—діе, не могу, перебила меня Ирина. Не изъ какихъ достатковъ мнѣ положить тебѣ: развѣ ниточекъ, али груздочковъ... да этого то не примешь, поди?

— Не о томъ я говорю тебѣ, голубушка...

---

*) Бутора—снѣжная мятель.

— Ну, быватъ, и не о томъ: это я по своему по глупому разуму такъ... а груздочки-то такіе бѣленькіе, малехтинные!..

— Не то ты говоришь; ты не поняла меня.

— Такъ, видно, не поняла.

— Я хочу сказать: можетъ-быть, ты въ эту ночь, когда...

— Какъ дядюшку-то Матвія холостили?

— Да. Можетъ быть эту ночь ты не дома, въ другой деревнѣ ночевала?

— Нѣтъ, почто не дома, ваше б—діе! Хоть и продала я дьяволу тѣло свое бѣлое, да душеньки не продала: не опоганила я честна вѣнца... Нѣтъ, какъ не дома,—дома, ваше б—діе!

— Ну, можетъ быть, ты тогда больна была... лежала?

— Нѣтъ! Почто я бухтину экую на себя наляпаю? И такъ ужъ продалась на потерзанье дьяволу. А тутъ еще другую болѣсть напускать на себя! Нѣтъ, ваше б—діе, не лежала я въ ту пору. Тяжко мнѣ и теперечи, да все ползаю.

— Не можетъ ли кто изъ постороннихъ сказать, что ты тогда ночью дома была?

— Какъ это изъ стороннихъ, ваше б—діе?

— Ну, напримѣръ, не стояли ли у васъ въ то время швецы, катальщики?..

— Ой, ты опять за то, ваше б—діе: не вѣришь мнѣ, такъ вѣрь нездоровью моему: ну, свяжусь ли я экая со швецами, али съ катальщиками?.. До того ли мнѣ! И съ мужемъ-то такъ...

— Ой, ты глупая сестреница! вмѣшался тутъ Викторъ Ивановичъ. Не то говоритъ его высокоблагородіе. Онъ не

говоритъ тебѣ, не спала ли ты съ швецами, али съ катальщиками, а, можетъ, ты ночью не вставала ли за чѣмъ, такъ они не примѣтили ли?

— Да почто это мнѣ ночью вставать?

— Ну, да хоть провѣтриться изъ избы выйдти, смѣясь, сказалъ Викторъ Ивановичъ.

— Почто это?.. Да никакихъ у насъ въ ту пору и швецовъ не ночевало. Не разумѣю я, что экое вы и пытаете-то у меня?

— Глупая! опять вмѣшался Викторъ Ивановичъ, вѣдь, отъ добра тебя это его в-діе спрашиваетъ.

— Не знаю я! Вѣстимо, отъ добра.

— Ну, оставимъ это, сказалъ я.

— Одно слово: не виновата я въ матюгиномъ дѣлѣ. Виновата я, грѣшница, что въ дѣвкахъ обходилась съ Государевичемъ: продала лукавому тѣло свое бѣлое, а не опоганила честна вѣнца... упасла свою душеньку чистую. Да вотъ я тебѣ, ваше б—діе, все съ краю разскажу... а ты все пропиши...

— Да мнѣ до этого нѣтъ никакой надобности.

— Нѣтъ, видно, есть, коли все о швецахъ, да о катальщикахъ допрашиваешь.—А ты лучше напиши все съ краю: облегчи ты мою душеньку чистую!

Ирина повалилась ко мнѣ въ ноги, рыдая.

— Хорошо, я напишу все; только теперь отвѣчай на мои вопросы и успокойся.

— Ладно, ваше б—діе.

— Посылалъ тебя Матвѣй Негодяевъ въ Вакомино... разспросить Государевича?

— Посылалъ, посылалъ, ваше б—діе! Какъ не посылать?

— Ну, какъ же было дѣло?

— А вотъ какъ, ваше б—діе. Повстрѣчался, этта со-мной дядюшка-то Матвій, да и говоритъ: «вотъ что, гово-ритъ, не доползешь ли, говоритъ, до Вакомина? Госуда-ревичъ-отъ, говоритъ, тамотко нонѣ».—Ну, такъ что, го-ворю, дядюшка Матвій? А онъ говоритъ: «не проляпается ли онъ тебѣ чего о моей-то потеряхѣ?» А я говорю:—дя-дюшка Матвій, мнѣ не съ чѣмъ подняться: вѣдь надо... «Да ну,» говоритъ дядюшка Матвій, а самъ, эдакъ, выво-локъ мошну-то, да и говоритъ: «вотъ тебѣ!» А самъ отвѣ-силъ пять пятаковъ серебровъ... Иди! говоритъ. Вотъ, это, я и поползла... Бутора такая! Свѣту божьяго не ви-дать... Вотъ съ этой поры, ваше б—діе, и ноженьки-то свои я отходила. Прихожу, это, я на Вакомино.—Здрав-ствуйте, говорю я, Иванъ Васильевичъ! Это, будто, Госу-даревичу-то я говорю. А онъ говоритъ: «добро пожало-вать,» говоритъ, а самъ, эдакъ, ухмыляется. «Не Матюга ли, говоритъ, подослалъ?»—Почто, говорю, Матюга? Сама пришла. «А коли есть, говоритъ, что, такъ выкладывай!» говоритъ.—Есть, говорю. «Ну, такъ пойдемъ; только, го-воритъ, понапрасну ищетъ Матюга: хошь и наше дѣло, говоритъ, да не найдти.»—А гдѣ же, говорю, я? А онъ го-воритъ:» пойдемъ, такъ, говоритъ, все разскажу.» Вотъ пошли. Приходимъ, это, мы въ кабакъ къ Егору Про-копьевичу. Сѣли, эдакъ. «Вотъ, говоритъ... это, Госуда-ревичъ-отъ говорйтъ... Егоръ Прокопьевичъ! Матюга съ подсыломъ послалъ ее... про потеряху. Давай, говоритъ!» Это мнѣ опять говоритъ, а самъ, эдакъ, мигнулъ Егору-то Прокопьевичу.—Да что давать-то... на сколько? гово-ритъ Егоръ Прокопьевичъ.» А на всѣ, говоритъ Госуда-

ревичъ, а самъ меня, смѣючись, обнялъ, а я отвернулась. это.—Давай, говоритъ, такъ все разскажу. Я отдала четыре пятака серебра. — Нѣтъ, врешь, говоритъ, еще давай!— На, говорю, только скажи.—Ладно, говоритъ. Скажи ты Матюгѣ поклонъ, да скажи, говоритъ, что не искалъ бы животовъ... Въ Чушевицахъ, говоритъ, у Ольки Приспича, да у Ваньки Оленича, говоритъ... а тамъ ужь, говоритъ... А на слѣдствѣ этого не ляпай: запрись, говоритъ; а не то хуже будетъ: меня, вѣдь, тебѣ не доличить! Егоръ Прокопьевичъ не свидѣтель, а Олька съ Ванькой свое дѣло знаютъ тоже.—Съ тѣмъ я и домой пошла. А дядюшка Матвій еще лается... деньги назадъ проситъ... «Что́ ты, говоритъ, сука, эко мѣсто ворамъ пропоила?» А я говорю:—хотѣла было хошь одинъ пятакъ слизнуть, да и тотъ выпросили.

— А кромѣ Егора Прокопьевича не видалъ ли кто тебя съ Лютиковымъ въ Ваноминѣ?

— А видѣли меня темная ночь да бутора.

— Да гдѣ ты его встрѣтила?

— А на улицѣ встрѣтила, да и все тутъ.

— Ну, не хочешь ли еще чего сказать?

— Какъ не хотѣть! А вотъ какъ я дьяволу-то, окаянному-то продалась...

— Ну, объ этомъ я тебя ужь завтра разспрошу.

— Смотри, только не обмани, ваше б—діе?

— Ты бы здѣсь ночевала.

— Да и то здѣсь: куда я экая поползу? Тетушка-то Офимья Петровна, хозяйка-то здѣшняя, мнѣ божатка будетъ, такъ у нея я переночую.

— Ну, такъ прощай.

Тутъ отпустилъ я и Виктора Ивановича и отдалъ приказаніе сотскому на слѣдующій день. Между тѣмъ Градова накрыла столъ и принесла мнѣ ужинъ.

— Не обезсудь, кормилецъ, ваше в—діе, проговорила она, кланяясь, не ждали... такъ...

— Полно, матушка! Ты всегда такъ вкусно кормишь... Вотъ я-то тебѣ надоѣдаю.... въ такую пору хлопочешь...

— Ой, кормилецъ, в. в., ужь весь вѣкъ свой около станціи трусь, такъ....

— Ну, да, по пословицѣ, соловья баснями не кормятъ. Вотъ выкушай-ко на здоровье, сказалъ я, наливая ей свой дорожный стаканчикъ.

— Покорно благодаримъ, в. в., сказала Градова, принимая стаканчикъ. Пе обидѣть бы вашу-то милость?

— И, не безпокойся!

Градова не выпила, а высосала водку съ гримасами, какъ будто пьетъ какую-то отвратительную микстуру.

— Ну, теперь садись, такъ хозяйка будешь.

— Покорно благодаримъ, кормилецъ, коли не погнушаетесь. Дочушка-то уснула, такъ.... горе такое!

— А что?

— Да все, кормилецъ, на животикъ жалится.

— А что ты ее лѣкарю не покажешь? Вѣдь, не давно здѣсь былъ Александръ Петровичъ?

— Показывала, кормилецъ, показывала. Носила къ нему на почтовый.

— Ну, что же?

— Лѣкарство далъ, кормилецъ.

— И помогаетъ?

— Помогаетъ, кормилепъ, помогаетъ: нонѣ получше стало.

Дай Богъ ему самому добраго здоровья. Добрый этотъ баринъ у насъ! До того, что́, что лѣкаря тоже были! Я, вѣдь, кормилецъ, какъ за Михайла-то вышла, такъ все около обывательской трусь; ну, такъ всѣ господа-то наши примѣтны намъ. Въ ту пору, какъ стала я помнить, лѣкаремъ-то, уѣзднымъ-то, былъ у насъ, — долго таково,— Карло Игнатьевичъ.... изъ поляковъ, сказывали. И такой былъ немилостивый: хоть какой больной приходи—прогонитъ! У васъ, говоритъ, свой удѣльный лѣкарь есть. А удѣльный-то лѣкарь гдѣ? Въ тѣ поры контора-то въ губерніи была. Нашъ-отъ лѣкарь въ 3 года разъ проѣдетъ, да и то только лошадей перемѣнитъ. А вѣдь этотъ Карло-то Игнатьевичъ, ину пору, недѣлю и больше выживетъ. Прежде, вѣдь не то, что нонѣ. Вотъ и ты, кормилецъ, сегодня пріѣхалъ, а завтра и норовишь куда-нибудь далѣ, а до того не то; да еще какъ голову подымутъ.... своей-ли смертью умретъ человѣкъ-ли, баба-ли,—все потрошатъ! И со всякой головы волость лѣкарю окупъ подай. Наперво Карло-то Игнатьевичъ по пятидесяти ассигнацій бралъ, а послѣ, какъ на серебро пошло, такъ по 25 цѣлковыхъ стало... надбавилъ!

— Да зачѣмъ же платили?

— Ой, кормилецъ! Не дай, такъ всю волость испоганитъ.

— Какъ это испоганитъ?

— А вотъ какъ, кормилецъ. Увидитъ лѣкарь который домъ получше—и велитъ туда покойника волокчи. Вотъ хозяинъ и откупится. Тутъ поволокутъ въ другой домъ, въ третій, да такъ всѣхъ и очистятъ, а ино, бываетъ, и потрошить то не надо, либо на улицѣ выпотрошатъ; а, глядишь, сойдетъ и болѣ пятидесяти-то рублей. Али Божьей

милостью человѣка зашибетъ: сгонятъ всю волость стрѣлу искать, и ни одинова не нахаживали! А нонѣ о такихъ и слѣдства нѣтъ: становой духомъ велитъ схоронить; только развѣ попы поперечатъ.... да то что? А дивно это, в. в! Этотъ Карло-то Игнатьевичъ: и рѣчь у него русская чистая, и обличье русское, а полякъ!

— Ну, а какъ же все это вывелось?

— А ужь и не знаю какъ это, кормилецъ, вывелось: какъ-то помаленьку. А все же оно велось. А вотъ нынче, какъ настали, вашъ братъ, слѣдователи, такъ Александръ-отъ Платоновичъ, что передъ вами былъ, тотъ и въ конецъ вывелъ. Утопленика въ ту пору подняли у насъ. Онъ это и наѣзжаетъ. Созвалъ это онъ мужиковъ, да и говоритъ: лѣкарь, говоритъ, у васъ денегъ будетъ просить, такъ не давайте: не надо, говоритъ! Ужъ не знаю, зналъ ли онъ, что лѣкарь станетъ просить, али что.... только и въ правду лѣкарь сталъ было подлѣзать такъ и сякъ,—да, говорятъ, нѣтъ! Смѣшной такой этотъ лѣкарь былъ; только не долго былъ. А шибко смѣшонъ былъ! Изъ жидовъ, сказываютъ, вотъ что Христа-то распяли....

— Чѣмъ же онъ смѣшонъ былъ?

— Да съ рожи-то, кормилецъ, какъ-то неприглядeнъ былъ... живейный такой.... долгоносый; а самъ до нашего брата, до бабъ, падокъ былъ; а того не разумѣетъ: кто же на поганаго полѣзетъ, прости Господи? Нашъ-то молодяжникъ, промежду себя смѣются; говорятъ: у нихъ и мужики-то не такъ, какъ наши, ходятъ. А отецъ дьяконъ поддакиваетъ, говоритъ: они подрѣзанные какіе-то. Дивлюсь я этому, кормилецъ: какъ это у нихъ бабы-то ребятъ носятъ? Вѣдь, не сами-же о себѣ... Развѣ какъ въ нечистаго-то вѣруютъ,

такъ это онъ, окаянный, какъ-нибудь.... А Богу онъ никакъ не молился: ни-по ихнему, ни по-нашему. Вотъ поляки—солдаты ономнясь съ арестантами приходили, тоже съ поляками, такъ тѣ молятся и кстятся, только не смыслятъ, какъ кститься-то.... всей пятерней..... ровно на балалайкѣ играютъ. Не знаю ужь, развѣ не декуются ли они это?

— Ну, а теперь у васъ и свой лѣкарь не далеко.

— Не далеко, да что въ немъ проку? У него вѣришка-то и есть помогчи, и, сказываютъ, знающій; да что въ немъ? Придешь къ нему, а его лишо корпежитъ.

— Отчего же корпежитъ?

— Да ишь ты, кормилецъ, онъ изъ нѣмцей: что́ мы говоримъ ему—онъ не понимаетъ; а опять что́ онъ по-своему-то лепечетъ—мы не разумѣемъ. Ему это забѣдно, а намъ-то ину пору и смѣшно покажется. А онъ-бы, сердечный, радъ.... Да нѣтъ! Нонѣ не то: и Александръ Петровичъ и нашъ-то лѣкарь пріѣдутъ, такъ не то, что на домъ ко хворому сходятъ, а не далеко-то, такъ и въ другую деревню съѣздятъ. Нѣтъ, нѣтъ ужь не то нонѣ стало! Вотъ и закалякалась я, кормилецъ, а тебѣ, поди, и на покой надо?

— Ну, такъ покойной ночи.

Только-что проснулся я на другой день, Матвѣй Негодяевъ ужь стоялъ въ моей комнатѣ.

— Что тебѣ? спросилъ я.

— Да вотъ что, ваше выс—іе, проговорилъ онъ, наклоняясь къ моей постели, почти шепотомъ: Кипрюха ляпаетъ: Ириха-то, говоритъ, ему созналась....

— Въ чемъ же она ему созналась?

— А говоритъ, какъ они дверь-то вертѣли, такъ она, потаскуха, имъ теплину держала.

— Будто такъ она ему и сказала?

— Такъ, такъ, в. в! Его бы къ присягѣ притянуть, такъ, бываетъ, и не отопрется.

— А Кипрюха-то здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь: привелъ.

— И опять, я думаю, поплатился?

— Да что дѣлать, в. в., хоть и охолостили, а все мошну выворачивай: косушку посулилъ!

— Хорошо, спрошу; а ты пока ступай, да пошли сюда сотскаго.

— Ладно, ладно, в. в....

Вошелъ Викторъ Ивановичъ.

— Здорово ночевали, в. в.! привѣтствовалъ онъ меня.

— Покорно благодарю. Садись, такъ депутатъ будешь. Хочешь чаю, такъ самъ наливай.

— Былое дѣло, в. в. А народъ-то не какъ весь собрался: людно что-то.... и бабья понабралось!...

Вошелъ сотскій.

— Да вотъ я посылаю за священникомъ; а той порой сдѣлаемъ очные своды и допросимъ неприсяжныхъ. Ты, сотскій, сходи, попроси сюда священника, чтобы пожаловалъ съ Крестомъ и Евангеліемъ.

— Тотчасъ, в. в.

На очныхъ сводахъ всѣ свидѣтели были допущены къ присягѣ. Неприсяжные же семейники Ивана Негодяева и Ирины показали, что тотъ и другая въ ту ночь, когда была сдѣлана кража, видно, дома ночевали: «Почто-де не дома? Куда нужно сходить—на то день есть».

Явился священникъ.—Я позвалъ сотскаго, съ тѣмъ, чтобы приказать ему послать въ мою комнату свидѣтелей, которые должны дать присягу, и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ.

— А вотъ этого человѣка, сказалъ священникъ, указывая на сотскаго, я покорнѣйше прошу, в. в., предать суду: онъ еретикъ!

— Не знаю, батюшка, замѣтилъ сотскій, который изъ насъ еретникъ есть: ты, али я?

— Ты будь вѣжливѣе со священникомъ! замѣтилъ я сотскому.

— Да, вѣдь, онъ наперво облаялъ хрестьянина богомерзкимъ назвищемъ... своего сына духовнаго: чѣмъ бы благословить, а онъ еретникомъ обзываетъ....

— Нѣтъ тебѣ моего благословенія! Ты не только еретикъ, а и ересіархъ. Я прошу васъ, в. в., поступить съ этимъ человѣкомъ по всей строгости законовъ!

— Мнѣ, батюшка, кажется, что это меня не касается, да, признаться, я и не понимаю, въ чемъ тутъ дѣло.

— А вотъ какое дѣло, в. в.! сказалъ сотскій.

— Ну, ну! Пусть самъ разскажетъ, замѣтилъ священникъ. Вы увидите, в. в., что онъ самъ себя обвинитъ.

—Вотъ какое дѣло в. в., стряслось у насъ съ отцемъ I.—, началъ сотскій. Ономедни Богъ послалъ мнѣ сына. Вотъ я и пошелъ по его благословеніе на погостъ... молитву родильницѣ дать, а младенцу имя нарекчи. Въ ту пору шугу *) несло, такъ пѣшкомъ пошелъ. Дожи-

*) Шуга—осенній ледъ или, правильнѣе, густѣющая на днѣ рѣки отъ холода вода, которая, иногда вмѣстѣ съ пескомъ, охладѣвая, вслѣдствіе расширенія, поднимается на поверхность въ видѣ мокрыхъ комьевъ снѣга, плыветъ по теченію и, отъ дѣйствія холодной атмосферы, превращается въ ледъ.

дался этта я его благословенія, дожидался! Чуть не цѣлый день проманилъ. Передъ вечеромъ ужь собрались. Доходимъ до рѣки. А я это съ той стороны, съ нашей-то, про его благословеніе и лодку привелъ. Какъ дошли мы это до рѣки, онъ и говоритъ: «знашь ли что Кузьма? Больно, говоритъ, мнѣ за рѣку попадать не охота!.. не равно захлебнетъ... ишь какъ шуга-та валитъ, говоритъ.» И я-то это вижу: шибко шуга напираетъ!—Да какъ же, говорю, в. бл.! Вѣдь, надо же хрестьянскій долгъ исполнить? Вѣдь она у меня не какая нибудь!... «А вотъ что, говоритъ, Кузьма: я молитву-то этта вычитаю, а ты ее родильницѣ-то самъ отнеси.»—Да какъ же это, я говорю, батюшка? «А вотъ какъ, говоритъ,... это по правилу можно... Слыхалъ, поди, что какъ нѣтъ попа да воды, такъ повитухи сами въ пескѣ кстятъ?»—Это точно, говорю, батюшка, баютъ про это; да то кстить, а это молитву дать! «Ой ты, говоритъ, голова, не сумнѣвайся! Давай-ко, говоритъ, шапку-то сюда!» Я это далъ. Вотъ онъ перекстилъ ее эдакъ, да и пробормоталъ въ нее молитву-ли что-ли, прости Господи!.. Потомъ опять перекстилъ; зажалъ края-то, да и говоритъ: «на, говоритъ, да только не разжимай до дому-то!» Вотъ это, взялъ я, а самъ сомнѣваюсь... дѣло экое не бывалое! Подумалъ я это, да и говорю: а какъ же, батюшка, я черезъ рѣку-ту попадать буду? Одной-то рукой въ лодкѣ, да еще по шугѣ и простой не попадешь, а опять молитва-та, вѣдь, не зашита? «Ну, говоритъ, молитва-та, вѣдь, не лягуша.... не ускочитъ!»—Нѣтъ, говорю я, батюшка, какъ хошь, эдакъ, по моему скусу, не ладно. «Экой ты, Кузьма, говоритъ, безсребренникъ! Ну не хочешь, такъ вотъ какъ,

говоритъ, сдѣлаемъ: эдакъ-то, говоритъ, пожалуй, еще складнѣе будетъ.» Тутъ онъ выволокъ изъ кармана полъ—просвиры да опять и вычиталъ на нее что-то. «Ну вотъ, говоритъ, неси эту просвиру домой, а какъ принесешь, такъ разломи по поламъ: одну часть пусть родильница скуситъ, благословясь, а другую—пусть на воротъ повѣситъ: это, говоритъ, и отъ глазу еще помогаетъ. А эту, говоритъ, что́ въ шапкѣ-то, пожалуй, и выпусти.» Это мнѣ и самому складнѣе показалось. Взялъ я, и говорю: а какое же имя-то нарекъ? «А кого, говоритъ, она принесла: парня или дѣвку?»—По-что, говорю, дѣвку? Извѣстно, парня. «Смотри, говоритъ, какъ бы намъ не обмишулиться... нонѣ, вѣдь, строго стало. — Да что ты, говорю, батюшка: неужто я ужь этого-то не разумѣю, что парень, что дѣвка! «То-то, смотри! говоритъ.» Не сомнѣвайтесь говорю, в. бл. «Георгій, говоритъ, осенній будетъ.»—Это по ихнему Георгій, а по нашему Егоръ. Ну ладно, думаю, пусть Егорко будетъ... имя не худое! Передъ осеннимъ Егорьемъ и дѣло было. Да ужь послѣ спохватился, что не слѣдъ-бы и на просвиру-то начитывать. Вонъ, вѣдь, оно какое дѣло, в. в.: вѣдь, мнѣ отъ малыхъ робятишекъ проходу не стало!... Зубоскалятъ! Какъ, говорятъ, дядюшка Кузьма, молитву-то въ шапкѣ изъ-за рѣки перепроваживалъ?

— Борони, борона! борони, да добаранивай! перебилъ о. I.

— Ладно, ладно, батюшка, и до конца дойдемъ! Ну, а потомъ, в. в., привожу я это младена то на погостъ... кстить то-есть. Ну, видно, и тутъ не безъ проманки обошлось. Ну, вотъ окстили... безъ меня дѣло было. А какъ окстили, мнѣ кумъ-отъ Митрей Ивановичъ и говоритъ:

«вѣдь не ладно, паре, окстили!» А что, говорю? «Да попъ-отъ парня-то, вѣдь, Пудомъ, говоритъ, назвалъ.»—Какъ такъ, говорю? «Да такъ, говоритъ: крещается, говоритъ, рабъ божій Пудъ!»—Да ты-то, кумъ, что же, говорю?—«А мнѣ, говоритъ, что: отплевался такъ»...—Ну, говорю я, в. благосл., я-тѣ самъ 500 пудовъ отвѣшу! Это точно что я сказалъ эти слова. Помянешь, говорю, ты меня! Объявилъ это я по сосѣдямъ; а тѣ говорятъ: да что это и въ правду? Подадимъ на него всѣмъ миромъ просьбу, а не то онъ всю волость во всѣ роды перепакоститъ. Ужь коли одного Пудомъ назвалъ, такъ иного и аршиномъ назоветъ. Вотъ и послалъ я прошеніе. Нарочно на посадъ ѣздилъ... къ ссыльнымъ: славно таково все выписали!.. Такъ вотъ отъ чего, в. в., я нонѣ еретникомъ сталъ!

— Доборонила борона? спросилъ сотскаго батюшка.

— Да, видно, доборонила, в. благосл.

— Такъ вотъ, в. в., сказалъ мнѣ священникъ: я—говорилъ, что онъ самъ себя обвинитъ: при васъ онъ кощунствуетъ.—Глупая голова! обратился онъ къ сотскому:—вѣдь ты произносишь хулу на единаго отъ 70!

— Да хошь бы отъ 80.

— Ну, вотъ, в. в., и еще прибавилъ! Не угодно ли вамъ его арестовать!

— Батюшка! отвѣтилъ я,—это не мое дѣло.... тѣмъ болѣе, что оно ужь, какъ видно, идетъ по вашему вѣдомству...

— Какъ угодно, а по-моему слѣдовало бы его...

Я велѣлъ сотскому позвать людей, которые должны присягнуть и находиться при присягѣ. — Обрядъ присяги

кончился. Отецъ!... уходя, пригласилъ меня къ себѣ, когда буду свободенъ. Я пообѣщался. За тѣмъ, я приступилъ къ допросамъ обыскныхъ людей, и началъ съ женщинъ.

Вошла молодая, съ привлекательнымъ лицомъ, женщина, усердно крестясь на образа.

— Смотри же, матушка, сказывай все по совѣсти... помни: ни для дружбы, вражды, ниже страха ради...

— Точно такъ, в. б.

— Иначе, на страшномъ судѣ отвѣтъ дать должна.

— Должна, должна в. б!

— Помни, что ты сказала: Аминь!

— Помню, в. б., помню: велико слово «аминь»!

— Какъ ты думаешь: кто обокралъ Матюгу?

— Какъ кто? Развѣ ты не знаешь?

— Не знаю

— Ой, вре! Знашь, быватъ, отвѣчала мнѣ, лукаво улыбаясь, допрашиваемая.

— Ну, знаю ли или нѣтъ, а ты должна отвѣчать... по присягѣ...

— Ой ты! Да совру-ли я? Изъ чего мнѣ врать-то?

— Ну, такъ кто же?

— Да кто? Вѣстимо кто: кромѣ Государевича да Ваньки Долговязаго не кому! Это не я одна говорю.

— Ну, а Ирина?

Допрашиваемая подошла ко мнѣ очень близко, толкнула меня въ плечо и въ полголоса проговорила:

— Что Ирина? Съ вѣтру ляпаютъ на Ирину! А ты, Викторъ Ивановичъ, смотри не проляпайся, что̀ я скажу... мужики заѣдятъ...

— Что ты, милая, отозвался Викторъ Ивановичъ:—я, вѣдь, самъ присяжный человѣкъ.

— То-то смотри, а не то, вѣдь, я и сама Настасьѣ-то Аверьяновнѣ.... помнишь?...

— Ну, ну, пробормоталъ Викторъ Ивановичъ:—отвѣчай въ-правду, что его выск—іе спрашиваетъ.

— Что Ирина! Не пойдетъ на такое дѣло Ирина: бабье ли это дѣло?

— Да, вѣдь, вонъ говорятъ.... замѣтилъ я.

— А что говорятъ? Говорятъ, что она у насъ садки *) повыѣла.... а врутъ все! Я сама, грѣшница, наперво на нее думала.... Думаю, больше некому.

— Отчего же думала ты, что больше некому?

— А изъ-подъ неволи, думала.

— Какъ это?

— Какъ? А вотъ какъ. Вѣдь, ее сердечную за голяка выдали, приданымъ обдѣлили.... сама, вишь, виновата: почто на Государевича полѣзла? Ну, а тѣмъ.... новой то семьѣ... забѣдно стало, что приданымъ обдѣлили... Ину пору и ѣсть не дадутъ. Такъ вотъ и думали.... а это не она. Въ дѣвкахъ-то, в. б., какая умница была: ласковая, привѣтливая... вотъ экого парнечка худымъ словомъ не обзоветъ!.. Ну, а теперь по-что-то зубаста стала... Богъ ее вѣдаетъ! А это на нее такъ.... съ вѣтру ляпаютъ....

— Ну, ступай съ Богомъ домой, да посылай поскорѣе другую. Да нужно руку приложить!

— Ладно. Ты, Викторъ Ивановичъ, вели за меня заручить.... только, чтобы писарь не зналъ, что тутъ написано,—не проляпался бы!

*) Огороды.

Вошла съ такими же церемоніями другая женщина. Она дала такое же показаніе, но съ нѣкоторыми подробностями.

— Говорятъ, спросилъ я ее, что Иринѣ въ мужнином семействѣ житье худо?

— Ну, да какъ на-перво́ не худо: учатъ!

— Какъ это учатъ?

— А какъ учатъ нашего брата? Всяко учатъ: ино за волосицы... *), болѣ за волосицы, а ино и инымъ чѣмъ: всякъ по своему скусу. Вонъ меня такъ... да ну его, прости Господи, красную рожу!... А вонъ Иришку-ту, ляпаютъ, ногами-то къ грядкѣ притянутъ, да кто чѣмъ попало... Всякомя учатъ нашего брата, кормилецъ... Нельзя!

— Отчего же нельзя?

— Да, вѣдь, ужь это не нами повелось: видно, ужь по правилу такъ.

— Да, вѣдь, это нехорошо.

— Да для нашего-то брата. вѣстимо, не больно-то хорошо; да ужь коли законъ такой, такъ что!..

Большинство женщинъ подтвердили показанія двухъ первыхъ, и только три послѣднія остановились на «знать не знаю». Вѣроятно, содержаніе показаній первыхъ дошло до мужиковъ, и тѣ напомнили имъ о томъ, что наука и правило не пустые звуки, что у всякаго свой скусъ есть.

Мужики дали показанія совершенно въ другомъ, отзывающемся дипломатіею, скусѣ. Всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, сказали, что далеко живутъ отъ обвиняемыхъ—иной сажень за 30, другой—за ручьемъ; что слыхомъ они увѣряются, будто дѣло Лютикова, Негодяева, а, пожалуй, и Ирины, а окромя того не знаютъ: сами-де тутъ руки не

*) Волоса на вискахъ.

прикладывали; что о Лютиковѣ они ничего сказать не могутъ... не нашей-де волости; что Иванъ Негодяевъ напредь того ни въ какихъ глупостяхъ замѣченъ не былъ; что Ирина Негодяева имъ ужь надоѣла: изъ за нея-де вотъ колькой день проманки.... какъ бы не проляпалась бы, такъ, быватъ, и слѣдства не было бы; что не надо имъ ее: сама виновата.... почто съ воромъ обходилась.... у ней ли жениховъ не было; что если ее и учатъ, такъ такъ и слѣдуетъ: на то законъ, на то правило есть!...

Послѣ того я допросилъ свидѣтелей. Свидѣтели Лютикова сказали, что дѣйствительно въ тотъ вечеръ онъ бывалъ у нихъ по дѣлу, но въ какое время, того сказать не могутъ: часовъ-де мы не знаемъ. Тотъ свидѣтель, у котораго Лютиковъ будто бы ночевалъ, заявилъ, что уходилъ ли его ночлежникъ ночью, онъ не знаетъ: спалъ, такъ....

Свидѣтель Матвѣя Негодяева Кипрюха, при допросѣ, подтвердилъ заявленіе перваго; но на очной ставкѣ съ Ириной оказалось, что Кипрюха далъ фальшивый смыслъ ея фразѣ. Ирина на вопросъ его: не была ли и ты съ ними? сказала ему: да, видно съ теплиной стояла... На что имъ я?

На этой очной ставкѣ, Ирина, несмотря на явно болѣзненное состояніе, возвысила голосъ, а Кипрюха уступилъ передъ ея мѣткими аргументами. Ирина раскраснѣлась, и только временемъ замѣтно было, что недуги напоминаютъ ей о себѣ.

Вошелъ Лютиковъ.

— Здравствуйте, Иванъ Васильевичъ! начала Ирина иронически.

Лютиковъ не отвѣчалъ ей и даже отвернулся отъ нея.

— Что, Иванъ Васильевичъ, продолжала она: на одной-

тэ половицѣ стоять, видно, не подъ елочкой сидѣть? Что молчишь.... лицо-то свое бѣлое отворачиваешь? Видно не тѣ рѣчи, Ванюшка, нонѣ услышишь! Видно не съ молочкомъ я, не подъ елочку... на егубово задворье пришла?

— Отвяжись! Знать я тебя не знаю, потаскуха!

— Такъ ты, Иванъ Васильевичъ, не знаешь меня? сказала Ирина, близко подступая къ Лютикову.

— Почемъ я знаю, что ты за бухтину несешь? Доличи: когда я съ тобой сволочился?

— А какъ дядюшкѣ Матвію хоромы робилъ.

— Врешь ты все.

— А съ кѣмъ же я въ дѣвкахъ-то обходилась?

— Видно съ лѣшимъ, коли подъ елочкой.

— А развѣ лѣшій училъ меня, какъ младена-то извести?

— А то кто?

— Кто? крикнула Ирина, выходя изъ себя. Она приготовилась плюнуть на Лютикова.

Я удержалъ ее, и она чуть не повалилась на полъ.

Скоро пришла она въ себя, но физическія силы явно измѣняли ей. Я предложилъ ей сѣсть и быть храднокровнѣе.

— Ладно, в. б.... Онъ говоритъ—не онъ; а спроси ты его, в. б., кто посылалъ меня на Вакомино? Сходи ты, говоритъ, къ Григорью Яковлевичу, да попроси ты, говоритъ, мѣлу бѣлаго, да купоросу синяго, да бѣли *); да возьми ты, говоритъ, вина, гдѣ знашь; да сботай это въ бутылкѣ все вмѣстѣ; да поставь на три дня въ навозъ; да потомъ и ней на здоровье, говоритъ. — Ишь ты, в. б., онъ не токмя что младена хотѣлъ извести, да и меня-то: это ужь я послѣ расчухала ...

*) Мышьякъ.

Тутъ Ирина, повидимому хладнокровная, плюнула Лютикову въ лицо. Лютиковъ утерся и замѣтилъ мнѣ, что я напрасно допускаю такія безчинства въ моемъ присутствіи. Я предложилъ составить объ этомъ особый актъ; но Лютиковъ отказался, а Ирина требовала. Я согласилъ ихъ на томъ, что въ протоколѣ очной ставки упомяну о томъ. Лютиковъ, до сихъ поръ сдержанный и хладнокровный, видимо измѣнился въ лицѣ. Онъ не ожидалъ, какъ видно, удара съ этой стороны.

— Ишь какъ онъ сблѣднѣлъ, в. б.! Рожа-та какая стала!... Трясется! Да постой! Ты говорилъ, что у тебя коренья есть; что какъ воровать пойдешь, такъ всѣ уснутъ, что ты и начальство опоишь. В. б., обыщи его! Отбери у него эти коренья! У него въ лѣвомъ карманѣ лежатъ.

Я призвалъ сотскаго и постороннихъ, и у Лютикова дѣйствительно оказались въ лѣвомъ карманѣ разныя травы и бумажки съ заговорами.

— Это что? спросилъ я Лютикова.

— Это вотъ отъ мурашей, это отъ крови, какъ посѣчешься, а траву отъ костолому пью.... прихватываетъ, такъ....

— Врешь! крикнула Ирина. А покажи-ка долонь *).

Растерянный Лютиковъ показалъ. На ладони оказался рубецъ.

— Это онъ, в. б., траву-силу врѣзывалъ.

— Врешь, сказалъ Лютиковъ. Это у меня съ-измалѣтства такъ.

— Нѣтъ, ты врешь! Ты мнѣ самъ проляпался.

---

*) Долонь — длань — древній первообразъ употребляемаго нынѣ въ искаженномъ видѣ «ладонь».

— Коли?

— А у меня не записано. Вотъ не правду ли я. в. б., говорю?

— Ну, вотъ она говоритъ, вмѣшался я, что ты видѣлся съ ней въ кабакѣ у Егора Прокопьевича и говорилъ....

— Не видалъ я ее: все она вретъ. Спросите хоть самого Егора Прокопьевича!

— Да спрашивай—не спрашивай, а были мы, дядюшкины матвѣевы пятаки-то серебры пропивали.

— Врешь ты!

— Его благородіе видитъ, какъ вру я.

Я кончилъ очную ставку. Послалъ за Григорьемъ Яковлевичемъ и Егоромъ Прокопьевичемъ; а самъ, вмѣстѣ съ Викторомъ Ивановичемъ, пошелъ къ священнику. Тамъ я засталъ накрытый столъ и всю низовскую аристократію: тутъ были о. дьяконъ, фельдшеръ приказа Василій Устиновичъ и еще какой-то хорошій прихожанинъ.

На накрытомъ столѣ вскорѣ появились водка, красное вино и разныя закуски: великолѣтные пироги съ сигомъ и палтусиной; грибы, яйца и разныя рыбы во всевозможныхъ видахъ и сочетаніяхъ.

Всѣ мы выпили по рюмкѣ водки. Послѣ того, какъ водится въ порядочномъ обществѣ, завелись рѣчи о высокихъ предметахъ. Отецъ дьяконъ сообщилъ о нѣкоторыхъ изобрѣтеніяхъ своихъ по части механики. Потомъ Василій Устиновичъ перетянулъ нить разговора на свою медицинскую сторону. Упомянувъ о хитрости Англичанъ по машинной части, онъ разсказалъ весьма поучительный анекдотъ о французахъ такого содержанія.

«Какъ-то пріѣзжаютъ въ Парижъ наши русскіе какіе-то

князья ли, графы ли... только люди образованные... расшаркиваются, говорятъ на разныхъ на ихнихъ языкахъ, все въ носъ эдакъ... А тамъ у нихъ дома не обѣдаютъ... все по трактирамъ. Вотъ приходятъ это они въ трактиръ обѣдать: давай-ка, братъ, говорятъ, мусью! Вотъ хорошо. Подаютъ имъ это битую говядину, биштеки, коклеты разные... ну, огурцы, горчицу... Вотъ отобѣдали это; спасибо братъ, мусью, говорятъ: хорошо приготовилъ!—А это нишаво, это онъ по ихнему-то, по-французски-то лепечетъ, таперечи. Ви старой капиль кушаль, а приходить трукой расъ, я фасъ малятой капиль поштуй. Это по-ихнему, а по-русски значитъ: теперь я васъ угостилъ старой лошадью, а въ другой разъ жеребенка зажарю, такъ не то будетъ.

Этотъ анекдотъ далъ поводъ къ самой оживленной бѣсѣдѣ. Отецъ дьяконъ выразилъ недоумѣніе.

— У насъ въ семинаріи, замѣтилъ онъ, профессоръ французскаго языка сказывалъ, что французскій языкъ то же, что латинскій, только въ носъ говорить нужно, напримѣръ: pons pontis, мостъ—pont; mons montis, гора—mont, meus мой—mon, fons fontvis источникъ, ручей—font и т. д. А нѣмецкій, говоритъ, языкъ чертъ знаетъ что такое: ни на латинскій, ни на греческій, ни на русскій не похожъ! Самъ, говоритъ, не могу примѣниться... да и вамъ не велю. А это что вы говорите, Василій Устиновичъ, больше на русскій похоже. Ну, вотъ вы говорите по-французски, капиль, а полатыни equus, equa... По моему капиль больше похожа на нашу кобылу, чѣмъ на equa.

— Да вѣдь въ носъ, отецъ дьяконъ! возразилъ Василій Устиновичъ.

— Да развѣ въ носъ; да и то никакъ не выйдетъ: equa, кобыла, капиль.

— Да не въ томъ дѣло, вмѣшался въ споръ отецъ І. Будь я на мѣстѣ государя, я бы именнымъ указомъ запретилъ это. Сами они хоть лягушъ жрите, а нашихъ кобылятиной не окармливайте.

— Нѣтъ, замѣтилъ Василій Устиновичъ,—это для здоровья не вредно. Давайте, зажарьте мнѣ лошадинаго мяса, а еще если молодаго!... Тутъ Василій Устиновичъ чмокнулъ языкомъ.

— Ну, а приди-ка ты у меня тогда къ причастью: не допускаю, скажу: кобылье рыло!

На эту тему споръ долго не могъ истощиться. Хотя все общество шло противъ Василья Устиновича, но онъ чувствовалъ, что, въ теоріи, онъ стоитъ выше предразсудковъ. Когда отецъ І. замѣтилъ, что все онъ вретъ, хвастаетъ, что дай ему самому кобылятины, либо кобыльяго молока, такъ и его бы вырвало, Василій Устиновичъ поднялся на хитрость.

— Отчего же, батюшка, васъ-то не вырвало, когда вы принимали въ послѣдній разъ порошокъ, что я вамъ давалъ? спросилъ онъ.

— А оттого, что одно—порошокъ, а другое—кобылятина.

— Да, вѣдь, это экстрактъ кобылятины въ сухомъ видѣ.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Это вѣрно.

Отца І. при этихъ словахъ Василья Устиновича стало коробить: какъ будто онъ муху проглотилъ. Впрочемъ особенно вредныхъ послѣдствій не случилось. Между тѣмъ мнѣ дали знать, что явились свидѣтели изъ Вако-

мина, и я отправился на станцію, пригласивъ и О. І. придти туда черезъ нѣсколько времени съ Крестомъ и Евангеліемъ.

Дѣйствительно, на станціи меня ожидали цѣловальникъ Егоръ Пропьевичъ и торгующій крестьянинъ Григорій Яковлевичъ. Цѣловальникъ показалъ, что не помнитъ, была ли у него Ирина съ Лютиковымъ: народу-де у него много бываетъ, такъ... Григорій Яковлевичъ припомнилъ, что дѣйствительно далъ Иринѣ сколько-то купоросу и мѣлу; но бѣли, хоть и держитъ ее для заводу, на сторону онъ никому не отпускаетъ. Очныя ставки съ Ириной ни въ чему не повели: всякій остался при своемъ.

Спрошенная послѣ того мать Ирины подтвердила слова послѣдней, сказавъ, что когда замѣтила, что ее тошнитъ, отыскала въ навозѣ бутылку и вылила зелье, а бутылку разбила.

Покончивъ всѣ эти допросы и очныя ставки, я призвалъ Ирину, чтобъ исполнить обѣщаніе свое—выслушать ея разсказъ. Она опять потребовала, чтобы я писалъ все «съ краю». Я согласился; и она начала:

«Вотъ, какъ еще въ подросточкахъ-то я была, ваше б—діе, такъ тоже по вечерованьямъ ходила. Въ тѣ поры Государевичъ-отъ этотъ все болѣе въ нашей волости робилъ. Зеленый, пригожій въ ту пору былъ онъ такой изъ себя! И теперь самъ видишь: изъ лица бѣлый, кудри черныя... А рѣчи?.. Хохотомъ дѣвки хохочутъ, какъ онъ слово какое этакое скажетъ!.. Ужь и въ ту пору любъ онъ мнѣ былъ, да мала была... зелена. А вѣришка-то ужь была, какъ бы поиграть съ нимъ... Вотъ это въ долги ли, въ коротки ли, вечеруемъ мы, этакъ, тоже; а онъ

какъ-то и подсусѣдился ко мнѣ, а я про себя-то и рада. Вотъ онъ хлесть меня по крыльцамъ-то!.. Лихо таково! А я ему и говорю: «Ну, ты лѣшій, вавило!» Вотъ, ничего. Онъ взялъ, да и пересѣлъ къ Машкѣ Кособрюхой. Бѣдно таково стало мнѣ!.. видно ужь время мнѣ пришло... Вотъ, ваше б—діе, съ тѣхъ поръ какъ отрѣзало! Прихожу, это, домой-то, да и не знаю, что это со мной дѣется. Всю ноченьку не спала: чего, чего я и не передумала? То будто голосъ его услышу: посмотрю въ очошечко на улицу, а его нѣтъ. Поутру встала сама не своя: за что̀ ни хвачусь—все изъ рукъ вонъ падаетъ! Видитъ это матушка. Любила она меня въ ту пору, сердечная... сжалилась, видно, надо мной: сама печетъ блины, да и говоритъ: «вотъ я тя, плеха, сковородникомъ-то какъ одѣну, такъ ты, говоритъ, перестанешь у меня, какъ во хмѣлю ходить!» Да не помогчи ужь, видно, было мнѣ ни сковородникомъ, ни инымъ какимъ пристрастьемъ. За завтракомъ мнѣ и ѣда на умъ нейдетъ: черезъ силу черезъ великую съѣла ли я, не съѣла ли два блинка, а самой такъ вотъ и плакать бы! Вотъ какъ отзавтракали мы, это, матушка-то и говоритъ: «Прогони, говоритъ, скотину за осѣкъ»! Больно это мнѣ понутру пришлось! Такъ бы вотъ изъ избы-то и выскочила! А сама обманываю: мѣшкотно стала оболокаться... ровно не охота. Инда матушка взъѣлась: «Ишь, говоритъ, ровно подъ вѣнецъ собираешься!»—Иду, иду, говорю я. Вотъ, это, погонила я скотину-то. Гоню, а все думаю... Да что̀ думала я?.. Ничего не думала.... шла я безъ ума, безъ памяти. А на то, видно, хватило разуму-то, чтобы, какъ взадъ-то пойду, такъ не обойти того мѣстечка, гдѣ Государевичъ робилъ. Издалека, это, за-

примѣтила его... Сидитъ, бревно обтесываетъ. А какъ запримѣтила, такъ и ёкнуло у меня сердечушко! Тутъ и совсѣмъ съ ума спятила. Ой, думаю, идти, али своротить? А сама все иду на него... ровно кто подталкиваетъ. Гляжу—и онъ видитъ меня. Будто лѣсину прилаживаетъ; на меня поглядываетъ, а самъ пѣсеньку припѣваетъ:

Назови меня сестрой родной,
Красивой дѣвушкой!
Ужь какъ нѣтъ у меня сестры родной,
Красивой дѣвушки...

Люба мнѣ показалась эта пѣсенька: про меня, думаю, поетъ... ко мнѣ прикладываетъ. Вотъ и послѣ того, какъ услышу ее, хошь и другой кто поетъ, такъ чуть не заревлю... ровно льдомъ сердце-то обложитъ!.. Вотъ подхожу я къ нему, сама не своя....

— Богъ на помочь, говорю, Иванъ Васильевичъ! Это, языкъ-отъ самъ собою ляпнулъ. А онъ положилъ, этакъ, топоръ-отъ, поклонился, да и молвилъ:

— Покорно благодаримъ, Ирина Прохоровна, говоритъ. Какъ это? говоритъ.

— Да за осѣкъ, говорю, скотину прогонила, такъ опять домой ползу; а сама остановилась. Устала, говорю. Это опять самъ о себѣ языкъ ляпнулъ. Только то правда, что въ ту пору, какъ косой подсѣкло мои ноженьки... инда трясусь вся, а саму всю, какъ огнемъ, палитъ. А онъ и молвилъ:

— Присядьте, говоритъ, отдохните!

— Нѣтъ, говорю, Иванъ Васильевичъ, не заругалась бы матушка.

— Почто, говоритъ, ругаться! Говоритъ, это, онъ, а самъ беретъ меня за руку, да и садитъ возлѣ себя.

— Ой, говорю, Иванъ Васильевичъ! а сама сажусь... и охота, и страшно! Дивно лишь то мнѣ показалося: моя рука ровно въ огнѣ горитъ, а у него холодная, ровно лягуша. Ужь послѣ того вдолги говорю ему: «почто это у тебя Ванюшка рученьки-то такія холодныя?» а онъ говоритъ: Такъ, видно...

«Ну, только какъ сѣла я возлѣ него, ровно прилѣпило меня. Вотъ те Христосъ, ваше б—діе, хоть бы и захотѣла встать, не встать бы. Тутъ, это, онъ, какъ обнялъ меня рукой-то,—меня въ конецъ изъ ума вышибло. Схватила его за шею-то, да и ну цѣловаться; да не такъ, какъ на игрищахъ цѣлуются, а другомя какъ-то. Что послѣ того дѣялось—и самой толкомъ не разсказать, да и не надо. Только въ тотъ часъ, видно, продала я дьяволу тѣло свое бѣлое.

Здѣсь Ирина задумалась, какъ будто собираясь съ мыслями, но скоро снова начала.

«А только что́ ты не говори, ваше б—діе, а Государевичъ знаетъ... При послѣднемъ словѣ она понизила голосъ.

— Что знаетъ? спросилъ я.

«Ну знаетъ по-своему-то, отвѣчала Ирина. При тебѣ, вѣдь, коренья-то обыскали у него. А то какъ же, какъ сѣла я возлѣ него, ровно приковало меня. А опосля того онъ и самъ мнѣ много разъ говаривалъ, что знаетъ... Есть у него, ваше б—діе, и трава сила: сами видѣлъ на рукѣ-то. Ни одинъ человѣкъ не устоитъ супротивъ ему. Вонъ, проворенъ Ванька Негодяевъ Долговязый, товарищъ-

отъ его: даромъ что молодъ, а во всей волости не выищется такой. А какъ связался одинова съ Государевичемъ, такъ нѣтъ. Давай, говоритъ... это, Ванюшка-то, говоритъ... кто кого перебьетъ?—Давай, говоритъ, это, Государевичъ-отъ, а самъ ухмыляется. Начинай, говоритъ, хошь ты не вый. Ладно. Вотъ это ляпнулъ его по рылу-то Ванюшка, а онъ лишь пошатнулся, да послѣ подглазницу разнесло. А какъ Государевичъ чикнулъ потомъ Ванюху, такъ тотъ какъ щи пролилъ... ровно кряжъ повалился! Есть опять у Государевича и приворотное. Говорю я одинова ему: Ванюшка, говорю, вѣдь, ты приворотилъ меня? —Приворотилъ, говоритъ; а хошь отворочу? Подумала я, это, подумала, да нѣтъ, говорю: мнѣ, Ванышка, безъ тебя тоскливо станетъ!—Ну такъ какъ хошь, говоритъ. О другу пору говорю опять: Ванюшка! не воруй ты, говорю: грѣхъ, вѣдь, великій воровать! А что, говоритъ, грѣхъ? Попу покаюсь, да и все тутъ. А мнѣ, говоритъ, воровать-то просто: какъ ворую, говоритъ, такъ у меня всѣ хозяева спятъ, всѣ собаки спятъ,—хошь топоромъ руби, не услышатъ, говоритъ.

«Ну, какъ связалась я съ нимъ, такъ наперво-то и ничего было: какъ два голубчика воркуемъ! Принесу ему молочка, грѣшница... яичковъ напечемъ. Только безъ него-то ужь шибко тоскливо было. Одно дѣло, разумѣю я, что не ладно дѣлаю, а другое дѣло—стыдъ одолѣлъ. Все это мнѣ чудится, что всѣ на меня не такъ посматриваютъ; всякій кусточекъ, какъ живой, глядитъ на меня... и радостно-то мнѣ, и страшно-то! Ну, вѣстимо, все крадучись дѣлала, а все думала, какъ бы свои-то не узнали. Да видно шила въ мѣшкѣ не утаишь. Вижу я, что не проста стала. Прихожу, это, къ Государевичу, да и говорю:

— Ванюшка! говорю, вотъ, вѣдь, что со мной доспѣлося!

— А что? говоритъ. Это ничего... надо вывести.

— Нѣтъ, говорю, Ванюшка! Какъ вывести! А быватъ, на тебя похожъ?

— А что, говоритъ, что и похожъ: воромъ меньше будетъ!

— Да ты женись, говорю, на мнѣ, Ванюшка!

— Не отдадутъ, говоритъ.

— Да ты хошь попробуй!

— Что пробовать-то? Не отдадутъ, я знаю, говоритъ.

— Ой, тошнехонько! говорю я. Загубила я свою головушку безотвѣтную! Продала я дьяволу тѣло свое бѣлое! А онъ все свое.

— Выведемъ, говоритъ.

«Какъ гора послѣ того налегла мнѣ на сердце. Долго я не слушалась его. А ужь и свои крѣпко замѣчать стали: все промежь себя что-то думаютъ. Съ той поры, ваше б—діе, не спала я сномъ ни одной ноченьки; всякій кусокъ поперекъ горла шелъ! И послушалась я Государевича: болѣ не съ кѣмъ мнѣ посовѣтовать... да и кто бы что присовѣтовалъ? Каково мнѣ было, дѣвкѣ молоденькой, бѣгать за снадобьями къ Григорью Яковлевичу на Вакомино? Каково мнѣ было въ кабакъ ходить?... все воровски. Ужь легче бы было мнѣ повѣситься, да жаль было загубить свою душеньку чистую. Каково мнѣ было, ваше б—діе, это зелье пить... страшное? Какъ стала я пить его, какъ дошло до полу́груди,—страшно стало мнѣ таково, да все вонъ и выхлестало!

«Вотъ ужь видитъ матушка, что со мной доспѣлося. Не красно съ той поры стало житье мое дѣвичье... поучи-

ли меня родители уму-разуму! А не жалюсь я: не отъ зла сердца они учили меня.... меня же жалѣючи.

«Вотъ это распросталась я. Наперво радостно было таково.... паренекъ такой бѣленькій, такой пригоженькій! Ну, и матушка имъ не брезговала. У меня, в. б., отъ горято ужь груди высохли, такъ въ молочкѣ отъ нея про младена мнѣ запрету не было. Ну и батюшка то тоже ... А потомъ опять я думаю: не родился ты, а родилась ужь твоя доля—горе горькое! И эту долю, не гадавши не думавши, я. великая грѣшница, тебѣ уготовила!... Какъ поднять мнѣ его на ноги?

«Вотъ прибралъ его Богъ, Пресвятая Богородица. Опять рада я тому, что взяла его Богородица въ Царство Небесное, а у самой ужь въ конецъ сердце разорвало.... Бывать, онъ, какъ выросъ бы.... и меня любить бы сталъ. А окромя его меня любить не кому: всѣ отъ меня отступилися! Куда ни погляжу, какъ ни подумаю—а все одна одинешенька!

— Ну, а Государевичъ-то что же? перебилъ я ее.

— Ой, в. б., что Государевичъ! Не показался мнѣ онъ съ той поры, какъ младена я принесла. Самъ видишь, каковъ онъ есть!

«Только вотъ, какъ схоронила я своего яснаго соколика, и говорятъ мнѣ батюшка съ матушкой: мы-де тебя просватали. Воля ваша, говорю я, родительская; а сама это думаю: ужь какая я замужница! А потомъ опять думаю: какъ продала я свое тѣло бѣлое дьяволу, такъ ужь пусть онъ окаянный потѣшается; лишь бы мнѣ упасти мою душеньку....

«Вотъ прикрыли мою бѣдную головушку златымъ

вѣнцомъ, и не испоганила я, в. б., его. «Робь не лѣнись, ѣсть не стыдись!» встрѣтила меня свекровка-матушка. И ранѣ того не лѣнива я была, да рученьки не подымаются; не люта была и на ѣжу я, а ужь тутъ,—до того ли тутъ!

Тутъ Ирина, до тѣхъ поръ сидѣвшая, встала, обратилась къ образамъ и, осѣнивъ себя большимъ крестомъ, проговарила:

— Мати Пресвятая Богородица.... Трехъ Скорбящихъ Радости! Помолись за мою душеньку грѣшную, чистую! В. б.! Обратилась она ко мнѣ потомъ: не сади меня въ острогъ докамечи!

— Я и не думаю тебя садить.

— Почто не думаешя? Наши-то сказываютъ, что посадишь: говорятъ, ты младена хотѣла вывести... такъ за то.

— Нѣтъ я не думаю.... мнѣ жаль тебя: я хочу отдать тебя на поруки....

— Да никто не возьметъ, кормилецъ! Коли вправду жаль тебѣ меня, такъ возьми ты самъ!

— Мнѣ нельзя. Въ такомъ случаѣ я могъ-бы тебя совсѣмъ оставить па свободѣ.

— Ну такъ ослободи, кормилецъ, в. б.!

— Да тебѣ отъ этого хуже будетъ: если я тебя не отдамъ на поруки, такъ судъ тебя въ острогъ посадитъ.

— Да, вѣдь, какъ ты напишешь, в. б., такъ и судъ такъ присудитъ....

— Ну, это еще Богъ знаетъ Да отчего тебя на поруки не возьмутъ?

— Да всѣ нонѣ налегать на меня стали: никто не возьметъ! Да вѣдь и мнѣ-то, в. б., еще и лучше-бы въ ост-

рогѣ сидѣть, али въ каторгѣ; только то́ я думаю, что вѣдь ужь не жилица я на бѣломъ свѣтѣ.... ужь кончина моя за мной стоитъ!... Такъ умереть бы мнѣ на своей сторонѣ, поглядѣть бы еще вонъ на эту елочку, повыть бы мнѣ на могилушкѣ моего соколика яснаго!...

— Такъ ты не можешь представить по себѣ поруки?

— Нѣтъ, нѣтъ, в. б.!

— А вотъ что, обратился я къ Виктору Ивановичу: по закону, удѣльныхъ крестьянъ могутъ брать на поруки удѣльная контора и приказы. Я васъ бумагой спрошу: не-возьметъ ли ее приказъ на поруки?

— Какъ прикажете, в. в.!

— Я не приказываю, а спрашиваю.

— Да коли есть законъ, такъ отчего же?

Я показалъ законъ; написалъ предложеніе и передалъ Виктору Ивановичу. Тотъ пошелъ въ приказъ за отвѣтомъ.

— А какъ же Ирина Прохоровна, спросилъ я Ирину по уходѣ Виктора Ивановича,—говорятъ, будто ты у сосѣдей всѣ садки повыѣла?

— Ой, врутъ, в. б.! Не вѣрь ты имъ: мнѣ и свой-то кусокъ поперекъ горла идетъ.

— Ну, вотъ ты останешься на волѣ.

— Спасибо тебѣ, в. б.! На томъ свѣтѣ помолюсь за тебя Матушкѣ Пресвятой Богородицѣ.... Трехъ-Скорбящихъ Радости.

— Присядь.... Сей часъ Викторъ Ивановичъ съ бумагой придетъ.

Я позвалъ Градова:

— А схлопочи-ко о лошадяхъ мнѣ, сказалъ я ему.

— А въ кую сторону?

— Да хоть до Чушевицъ, напримѣръ.

— Ой, в. б., розыщи ты тамъ этихъ Ольку-то Приспича, да Ваньку Оленича! обратилась ко мнѣ Ирина.

— Хорошо.

Пока я дѣлалъ окончательныя распоряженія, Викторъ Ивановичъ возвратился съ отвѣтомъ.

Я выѣхалъ изъ Низовья.

Въ Чушевицахъ я нашелъ Приспича и Оленича. Сосѣди отозвались объ нихъ, какъ о людяхъ дурнаго поведенія; но поличнаго у нихъ не оказалось. На обратномъ пути я заѣзжалъ въ дер. Капустинскую, чтобы сдѣлать повальный обыскъ о Лютиковѣ. Сосѣди его сказали, что хоть онъ дома и не воруетъ; но они желаютъ его сослать, такъ какъ объ немъ слухи самые худые; общество же ихъ честное.... ни одинъ человѣкъ въ магазинѣ не бывалъ *).

Врачебная управа, куда я посылалъ для изслѣдованія взятыя у Лютикова травы, отозвалась, что онѣ къ числу вредныхъ не принадлежатъ, а зелье, которое пила Ирина, безусловно смертельно, и если она осталась жива, то, вѣроятно, потому, что, вслѣдствіе усиленнаго пріема, ее вырвало.

По полученіи заключенія управы, я представилъ дѣло въ судъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я узналъ, что дѣло это уголовною палатой рѣшено. Ирина за покушеніе вытравить беременность приговорена въ каторжную работу; Григорій Яковлевичъ за продажу ядовитыхъ веществъ—къ штрафу

---

*) Это лучшая похвала крестьянину, такъ какъ, обыкновенно, если отпускается хлѣбъ изъ магазина одному, двумъ, дѣйствительно нуждающимся, требуетъ ссуды все общество: «выдавать одному, такъ и всѣмъ выдавать».

въ 10 рублей, а Лютиковъ и Негодяевъ отъ суда остались свободны.

Опять мнѣ случилось быть въ Низовьѣ, вскорѣ послѣ того, какъ узналъ я о рѣшеніи дѣла. Снова чаюемъ мы съ Михайломъ Градовымъ.

— А что, в. в., матюгино-то дѣло рѣшено, али нѣтъ? спросилъ онъ.

— Рѣшено. Ирина въ каторжную работу.

— Да, вѣдь, она ужь покоенка, в. в. Дивились мы этта! Наперво думали, вы бабѣ поблажку дѣлаете, а она въ недѣлю послѣ васъ и душу Богу отдала. А Лютикова то, в. в., Капустинцы въ ссылку ладятъ: крѣпко напираютъ. Климовскіе тамъ, да Ивойловскіе... мужики добрые... прожиточные!...

Я поѣхалъ дальше.

— Ишь ты какъ дорога-та измялась! сказалъ мой ямщикъ, поправляя запряжку. А вонъ, в. в., и кладбище-то! Иринушку-то, вѣдь, схоронили!

— Слышалъ я.

— Да вотъ, вѣдь, и нашего-то брата нельзя похвалить, в. в., продолжалъ ямщикъ, садясь на козлы.

— А что?

— Да какъ что? Баютъ, какъ учили-то ее, какъ замужъ вышла, такъ не по тому мѣсту унровили.

— А ты женатъ?

— Нѣтъ еще, а тоже лажу.

— Будешь жену учить?

— Да, вѣдь, безъ этого нельзя, в. в.,... только надо половчѣе какъ-нибудь.

— Ступай!...

II.

Паточка.

Какъ-то въ послѣднихъ числахъ мая 186. года въ неклубный день, вечеромъ, сидѣлъ я у в. исправника, съ которымъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ,—на ты, какъ говорится. Исправникъ этотъ былъ вообще человѣкъ не глупый, но имѣлъ два недостатка: во-первыхъ, онъ любилъ похвастать и разсказать какую-нибудь ерунду—небылицу, а во-вторыхъ, былъ страстно влюбленъ въ свою наружность, воображая, что въ ней соединены обаятельныя прелести Марса и Купидона и что ни одно женское сердце неспособно противостоять такимъ прелестямъ. На этотъ разъ онъ разсказывалъ мнѣ объ одномъ удивительномъ любовномъ приключеніи въ Петербургѣ. Его разсказъ прервалъ дежурный полицейскій:

— Что тебѣ? спросилъ его исправникъ.

— Патка опять пришла, выше высокоблагородіе, доложилъ тотъ.

— Хорошо, пусть подождетъ минутку.

Полицейскій вышелъ. Исправникъ началъ потирать руки

и его стало подергивать отъ удовольствія, какъ куклу на пружинахъ.

— Ты не знаешь ее? спросилъ онъ меня, продолжая кривляться.

— Кажется, нѣтъ, отвѣчалъ я.

— А прелесть что такое! Пойдемъ, я тебѣ покажу ее.

Мы вошли въ залу. Тамъ дожидалась молоденькая, лѣтъ не болѣе 18, женщина или дѣвица,—я не зналъ ее въ то время,—блондинка, съ голубыми глазами. Тонкія черты ея нѣжнаго, бѣлаго и замѣчательно красиваго лица играли лукавымъ кокетствомъ, и въ нихъ не замѣтно было ни капли теплаго чувства. Она старалась казаться печальною; но печаль не могла держаться на этомъ личикѣ, и такъ же быстро смѣнялась улыбкою, какъ слѣды пышковъ на хорошо отполированной стали. Наточка игриво улыбалась при каждомъ, часто не остроумномъ, словѣ исправника.

— Ну, что тебѣ опять, душенька? спросилъ онъ ее шутливо-ласковымъ тономъ, близко подходя къ ней и вперивъ въ нее, по обыкновенію, страстный и пронзительный взоръ.

— А я все, выше высокоблагородіе, о мужѣ-то безпокоюсь: не случилось бы, думаю, несчастья какого!

— Полно, полно, душенька! Мужъ твой коновалъ: ну, и ушелъ на промыселъ.... это такое ремесло... зашелъ куда-нибудь далеко—вотъ и все! А ты вотъ ужь въ третій разъ приходишь съ объявленіемъ. Я не имѣю средствъ, да и не въ правѣ разыскивать и приводить къ женамъ мужей.—Ты, просто, недавно замужемъ.... Давно ли ты вышла?...

— Да вотъ послѣ Петрова дня годъ будетъ.

— Ну, такъ и есть. А какъ поживешь съ нимъ года три, такъ и привыкнешь къ отлучкамъ.

Паточка оффиціально улыбнулась.

— А давно ли онъ ушелъ? спросилъ я въ свою очередь посѣтительницу.

— Да вотъ ужь недѣля. А говорятъ, какъ нѣтъ человѣка три дня, такъ объявлять нужно, отвѣтила она.

— Ну, ты чрезъ три дня и объявляла; такъ чего же больше безпокоиться!... сказалъ исправникъ.

— А прежде развѣ онъ не отлучался? снова спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, не отлучался.... то-есть отлучался, какъ будто спохватившись, отвѣтила Паточка... и дольше хаживалъ; только все какая-нибудь вѣсть приходила объ немъ, а нынче—какъ въ воду канулъ-съ!

— Успокойся, выплыветъ! замѣтилъ исправникъ.—Сначала онъ больше о тебѣ думалъ, такъ и посылалъ о себѣ извѣстія, а теперь сталъ равнодушнѣе: вотъ и все тутъ!

— Да и со стороны-то нѣтъ вѣстей, ваше высокоблагородіе!

— Это оттого, что сторонніе не интересуются твоимъ мужемъ: онъ имъ не нуженъ. Для тебя—дѣло другое. Да придетъ, придетъ! Успокойся, и иди съ Богомъ!

Паточка ушла.

— А?.... Какова? обратился ко мнѣ исправникъ.

— Очень недурна; только, мнѣ кажется, она отъявленная кокетка.

— Этого-то намъ и нужно! Ты, вѣдь, слѣдователь—деревенщина: ты думаешь, что она и въ самомъ дѣлѣ о мужѣ безпокоится?

— Сомнѣваюсь.

— Ну, такъ вотъ то-тоже и есть! Ты и не знаешь, что здѣсь въ городѣ дѣлается: это, вѣдь, любовница А. И. Онучинова! Ее и замужъ-то насильно выдали; а мужъ у ней пьяный варваръ... ну—коновалъ! Объ немъ она не только не думаетъ, а рада-бы была, еслибъ онъ и совсѣмъ пропалъ. Нѣтъ, я знаю, зачѣмъ она ко мнѣ ходитъ: понимаешь?

— Догадываюсь. Только какже, если она Онучинова..,

— Да я то не хочу. Да, вѣдь, ты самъ говоришь, что она кокетка: ларчикъ просто отпирается...

— Можетъ быть.

— Не можетъ быть, а вѣрно. Я ужь эти дѣла произошелъ, какъ у насъ говорятъ. Вотъ я тебѣ разскажу какой случай. ..

Тутъ исправникъ разсказалъ мнѣ одно удивительное происшествіе: какъ онъ видѣлъ во снѣ одну аристократку; какъ она его видѣла тоже во снѣ; какъ потомъ они встрѣтились въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, и узнали другъ друга, и т. д.

Поутру на другой день мнѣ докладываютъ, что пришла Паточка и желаетъ меня видѣть.... Я вышелъ къ ней и спросилъ о причинѣ ея посѣщенія.

— А тоже объявить вашему высокоблагородію о мужѣ.

— Да, вѣдь, вы у исправника вчера при мнѣ были?

— Да они все шутятъ-съ. А я боюсь: не случилось бы чего!

— Въ такомъ случаѣ вамъ бы слѣдовало сдѣлать заявленіе не исправнику у него въ квартирѣ.... вечеромъ, а

въ полицейскомъ управленіи: тамъ есть книга для записки словесныхъ заявленій....

— Да мнѣ совѣстно: тамъ все чиновники... знакомые!

— Во всякомъ случаѣ вы напрасно безпокоились приходить ко мнѣ... это не мое дѣло. Развѣ вы имѣете подозрѣніе, что мужъ вашъ умеръ.... не своей смертью?

— Нѣтъ, я не подозрѣваю, а только боюсь... какъ бы не случилось чего.

— Хорошо-съ: я буду имѣть въ виду ваше заявленіе. Мужъ вашъ пьетъ?

— Пьетъ. Вотъ отъ того-то я и сомнѣваюсь. Сильно зашибается!... И на руку дерзокъ.... такъ, думаю, не задѣлъ бы кого, а другой, вѣдь, и не спуститъ... пожалуй, уходятъ гдѣ-нибудь, да и концы въ воду!...

— Денегъ онъ не бралъ съ собой?

— Нѣтъ-съ. Какія у него деньги!

— Хорошо-съ, я съ своей стороны буду имѣть въ виду ваше заявленіе, повторилъ я, желая отвязаться отъ странной просительницы.

— Покорнѣйше благодарю, сказала она и ушла.

Такія настойчивыя заявленія интересной коновальши показались мнѣ подозрительными, и я пожелалъ собрать болѣе подробныя о ея личности свѣдѣнія. Съ этою цѣлью я обратился къ своей кухаркѣ, которая могла разсказать подробнѣйшія біографіи не только жителей города, но и окрестныхъ волостей, которая знала, какія блюда были за обѣдомъ въ какомъ угодно домѣ, какое было дурно приготовлено и отъ чего, т. е. отъ того ли, что кухарка не знаетъ препорціи, сколько слѣдуетъ класть въ уху перцу и лавроваго листу, или же отъ того, что лѣсничиха купила у Демида надутаго теленка.

— Что это за Паточка? спросилъ я ее.

— Какъ что? Извѣстно что: Патка, такъ Патка и есть! Я, вѣдь, знаю зачѣмъ она къ вамъ приходила.

— Почему же ты знаешь?

— Да какъ не знать? Я ужь и раньше слышала, что она къ исправнику съ объявленіями бѣгаетъ, а тутъ, какъ къ намъ-то пришла, такъ я у дверей послушала.

— А, вѣдь, подслушивать-то не годится.

— Знаю я, что не годится; попу каждый годъ на духу каюсь; и онъ говоритъ, что грѣхъ. Да, видно, такъ ужь человѣкомъ повелось: отсохни мой языкъ, если я въ постъ молочнаго когда лизну! Разсыпли передо мной золотыя горы—пальцемъ не дотронусь!—А тутъ не стерпѣть!

— Ну, такъ что же-за человѣкъ эта Патка?

— Какой она человѣкъ! Патка—Патка и есть! Да какъ это вы ее не знаете? А еще другой годъ въ городѣ живете!.. Это Крючихина дочь... вотъ что домишко-то на форштатѣ. Мужа, говоритъ, жаль ей, а третъ все: на что онъ ей? Какъ бы и вѣкъ его не было! Она еще въ дѣвкахъ съ Алексѣемъ Ивановичемъ, съ Онучиновымъ, сволочилась; Алексѣй Ивановичъ ее и одѣлъ, а то бы гдѣ ей въ этакихъ платьяхъ, да въ платочкахъ ходить! За коновала-то ее старуха силой выдала. А этотъ коновалъ—пьяница, сущій разбойникъ: за нимъ много дѣлъ бывало.... Какъ свадьбу-то играли прошлаго лѣта, черезъ недѣлю послѣ Петрова дня, такъ коновалу-то ссыльный Лещевскій записку прислалъ, что Патка съ Алексѣемъ Ивановичемъ живетъ; за большимъ столомъ и читали ее; смѣшно, говорятъ, таково все описано.... а самой мнѣ тогда не довелось быть. Да и послѣ Патка къ Алексѣю Ивановичу на заводъ хаживала...

я сама видала. Коновалъ-то однажды самъ поймалъ ее на заводѣ, да оттуда черезъ весь городъ на форштатъ сквозь строй прогналъ: гонитъ ее, а самъ изо всей силы двумя вѣниками хлещетъ.... такое было прочестье! *). Такого сраму я отъ роду не видывала. Такъ вотъ они голубки-то какіе сизые! А опять вотъ на той недѣлѣ въ пятницу Крючиха-та свои имянины справляла, а она съ солдатомъ Ивановымъ живетъ; такъ Иванова-то позвала, а онъ привелъ еще старшаго, да ефрейтела Чаплина. Ну, и коновалу какъ тутъ не быть! Тотъ опять тутъ Патку до полусмерти избилъ.... по всему форштату содомъ слышали. А на другой день, будто, коновалъ по волостямъ ушелъ, рано утромъ. Это онѣ-то говорятъ. А, по-моему, тутъ дѣло неладно. Да послѣ этакихъ побоевъ стала ли бы я съ объявленіями бѣгать!... Пропалъ, такъ и чертъ съ нимъ. Это не я, вѣдь, одна говорю: весь форштатъ этакъ же шушукаетъ.

— Что же такое шушукаетъ?

— А что дѣло не ладно, что не даромъ коновалъ пропалъ. Да я и сама въ воскресенье на рынкѣ кого—кого изъ деревенскихъ не переспросила, а всѣ говорятъ: нигдѣ не бывалъ. А изъ ихней деревни Алешка Горюновъ, пріятель его —такой же пьяница—сказывалъ, что онъ съ имянинъ хотѣлъ домой воротиться, да не бывалъ.... и на Васильевицѣ нѣтъ. Вотъ помянете меня, что будетъ слѣдствіе!.. Я не знаю, чего исправникъ-то смотритъ? Дуракъ, такъ дуракъ и есть: ему бы только на бабъ глазища выворачивать! Десятскій Дятлевъ, что дежуритъ у него, сказывалъ,

*) Проц ессія.

что Паткѣ онъ говоритъ: «не безпокойся, придетъ, а мнѣ дѣла нѣтъ!»

— Такъ не солдаты-то ли ти тутъ?..

— Нѣтъ, нѣт ! Не такіе это люди! Нынѣ и простые-то солдаты не то, что прежде: сами знаете, бывалъ ли хоть одинъ подъ дѣломъ какимъ?.. Посмотрите, какъ по вечерамъ по улицамъ гуляютъ! Точно господа... тихо таково выступають... выфантываютъ!.. У многихъ свои шинели есть... тонкія... Да то еще простые солдаты, а тутъ... Первой старшій: даромъ, что такимъ гвардейцемъ глядитъ, а смирнѣе всякаго теленка. И команда вся его любитъ, и начальство довольно Другой—Чаплинъ—ефрейтелъ: не даромъ и онъ начальникомъ сдѣланъ! Этотъ и вина-то, кажется, не пьетъ. Какъ можно, чтобы такіе люди!..

— Ну, а Ивановъ?

— И Ивановъ тоже перваго сорта солдатъ. Какъ бы худъ былъ, такъ команда не сдѣлала бы хлѣбопекомъ! Отъ этого, такъ и слово-то рѣдко услышишь, а не то, что...

— Такъ кто же?

— А кто ихъ знаетъ! Только не эти: этимъ не сумѣть!

— Да не Крючиха ли съ дочерью?

— Нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ имъ! Посмотрѣли бы вы на коновала-то! Вѣдь, такого здоровяка не только въ городѣ, такъ и во всемъ уѣздѣ другаго не найдти. Здоровъ Афанасій Васильевичъ, да и тотъ ему въ подметки не годится. Развѣ не поднесли ли чего? Да и то нѣтъ: не согрѣшу грѣшница. Куда имъ съ нимъ дѣваться! Да ужь какъ нибудь доберусь я!..

— Какъ же ты доберешься?

— Да какъ-нибудь надо. До другаго до чего допытывалась, а то этакой оказіи не разузнать!..

Факты и соображенія, сообщенныя мнѣ моею кухаркой, заставили меня задуматься. Я долженъ былъ отправиться въ уѣздъ по одному важному дѣлу, и возвратился въ городъ черезъ нѣсколько дней. Въ городкахъ, подобныхъ тому, въ которомъ я служилъ, вѣсти о пріѣздѣ и выѣздѣ чиновниковъ распространяются съ неимовѣрною быстротой. Едва успѣлъ я выбраться изъ повозки и разобраться съ своимъ багажемъ, какъ явился ко мнѣ полицейскій солдатъ съ пакетомъ и двумя арестантками. Одна изъ послѣднихъ была Паточка. Въ пакетѣ же заключался актъ полицейскаго дознанія, приблизительно, слѣдующаго содержанія:

«Съ нѣкотораго времени до свѣдѣнія уѣзднаго исправника начали доходить темные слухи объ исчезновеніи крестьянина В.. у. деревни Высокой, по ремеслу коновала, женатаго на незаконнорожденной дочери таковой же, по прозванію Крючихи, Клеопатрѣ, Александра Иванова Шерстяникова, имѣвшаго по сему случаю обычай, прибывъ въ городъ, приставать у вышепоименованной тещи своей, по прозванію Крючихи. Почему уѣздный исправникъ и приступилъ къ секретному дознанію о вышеупомянутомъ исчезновеніи крестьянина Шерстяникова, и оказалось: 26 истекшаго мая крестьянинъ Шерстяниковъ, пришедъ въ г. В., по случаю имянинъ тещи своей Елены Петровой по прозванію Крючихи; у коей въ то время, а съ котораго именно числа не упомнитъ, проживала уже жена Шерстяникова незаконнорожденная Клеопатра Егорова, присталъ, по обычаю, у тещи своей. Сія послѣдняя позвала

въ гости состоящаго съ нею въ преступныхъ отношеніяхъ рядоваго в... команды внутренней стражи Терентія Иванова Иванова, который привелъ съ собой той же команды старшаго унтеръ-офицера Якова Алексѣева Клеопатрова и ефрейтора Илью Ильина Чаплина, въ бытность коихъ въ домѣ незаконнорожденной по прозванію Крючихи произошелъ сильный шумъ, но отъ чего—не извѣстно; а потомъ они ушли: Клеопатровъ и Чаплинъ передъ вечерней или въ исходѣ четвертаго часа; Ивановъ же пробылъ до вечера. Никакихъ знаковъ насилія на нихъ не замѣчено, равно какъ и того, пьяны ли они были. На другой день, рано утромъ Шерстяниковъ, якобы, ушелъ неизвѣстно куда.—Вслѣдствіе сего уѣздный исправникъ, производя дѣятельныя розысканія, дознамъ, что утромъ 27 мая Шерстяниковъ никуда не проходилъ; почему и сдѣланъ былъ въ домѣ незаконнорожденной, по прозванію, Крючихи внезапный обыскъ, при чемъ никакихъ знаковъ не найдено. Спрошенныя же вышеупомянутая Крючиха и дочь ея, а жена Шерстяникова, Клеопатра Егорова, подтвердили вышеписанное съ таковою лишь отмѣною, что зять первой изъ нихъ, а мужъ послѣдней ушелъ неизвѣстно куда, пояснивъ, что шумъ произошелъ отъ битія Клеопатры Егоровой мужемъ ни съ чего. При произведенномъ же вслѣдъ за тѣмъ осмотрѣ двора и огорода оказалось, что позади послѣдняго находятся два неизвѣстные бугорка, насыпанные, въ видѣ могилъ, вновь вырытою землею. При разрытіи сихъ послѣднихъ, при понятыхъ, въ нихъ оказался по-поламъ разсѣченный человѣческій трупъ. Въ одномъ изъ нихъ, находящемся къ сѣверовостоку, оказалась голова съ верхнею частью туловища, т. е. съ грудью и частью живота

въ одной рубахѣ, при жилеткѣ, но безъ шапки; напротивъ же того въ другомъ бугоркѣ найдены ноги съ нижнею частію живота въ холщевыхъ портахъ и въ обыкновенныхъ крестьянскихъ нѣсколько поношенныхъ сапогахъ».

Я пропускаю слишкомъ мелкія подробности описанія каждой принадлежности костюма покойнаго. Послѣ этого описанія въ актѣ значилось:

«На самомъ тѣлѣ никакихъ знаковъ насильственной смерти не оказалось, кромѣ того только, что затылокъ разсѣченъ, якобы, нѣсколькими ударами топора съ разрубленіемъ шейной кости».

Опять пропускаю чрезвычайно обстоятельное описаніе того, по направленію къ какой странѣ свѣта простерта каждая часть тѣла. Далѣе я прочиталъ:

«Вновь спрошенныя незаконнорожденная по прозванію Крючиха и дочь ея крестьянка Шерстяникова, подтвердивъ прежде данныя ими показанія, пояснили, что въ умерщвленіи зятя первой и мужа послѣдней виновными себя не признаютъ и подозрѣнія ни на кого не изъявляютъ; причины же того, почему часть трупа найдена въ 16 саженяхъ отъ ихъ огорода, а другая часть въ 17½ объяснить не могли, отзываясь невѣдѣніемъ.—Спрошенные же за тѣмъ, при начальникѣ в... команды внутренней стражи подпоручикѣ Икрѣ, старшій унтеръ-офицеръ означенной команды Яковъ Алексѣевъ Клеопатровъ и ефрейторъ Илья Ильинъ Чаплинъ, при чемъ рядовой Ивановъ, за отлучкою, по случаю командировки въ г. Ш., какъ словесно пояснилъ подпоручикъ Икра, не спрошенъ, подтвердили вышеписанное о пребываніи ихъ въ домѣ незаконнорожденной, по прозванію, Крючихи, по случаю ея имянинъ, поясняя во-пер-

выхъ, что въ умерщвленіи Шерстяникова онѣ себя виновными не признаютъ, и во-вторыхъ, что, когда, при бытности ихъ, Шерстяниковъ началъ бить жену свою до полусмерти ни съ чего, то они оную отняли; подозрѣнія же въ умерщвленіи ни на кого изъявить не могутъ, что̀ и обязались подтвердить при производствѣ формальнаго слѣдствія надлежащими доказательствами. — Уѣздный исправникъ постановилъ: что хотя черезъ неспросъ находящагося въ отлучкѣ рядоваго Иванова актъ настоящаго дознанія оказывается неполнымъ, но какъ, и за симъ, преступленіе оказывается обнаруженнымъ, то передавъ оный, при личномъ предложеніи, уѣздному полицейскому управленію для препровожденія къ судебному слѣдователю, на предметъ производства формальнаго слѣдствія, незаконнорожденную по прозванію Крючиху и дочь ея крестьянку Шерстяникову, до прибытія въ городъ судебнаго слѣдователя, заарестовать при полицейскомъ управленіи; къ трупу же, для охраненія, приставить благонадежный караулъ, какъ и къ самому дому Крючихи».

Только-что прочиталъ я этотъ актъ, какъ пришли ко мнѣ исправникъ и начальникъ команды Икра. Первый, еще не поздоровавшись со мною, обратился къ Паточкѣ:

— Ну, вотъ, душенька: я говорилъ тебѣ, что ты напрасно заботишься о мужѣ?

— Точно такъ, в. в., отозвалась Паточка; — только я въ этомъ дѣлѣ не причинна.

— Ну, обратился ко мнѣ исправникъ: каковъ я приготовилъ къ твоему пріѣзду гостинецъ? То гостинецъ не простой: съ поля битвы кабардинецъ.... А каково я тебѣ дознаньице сдѣлалъ? А? Вѣдь это исторія! Все какъ было

дѣло! Только не взыщи, братъ, за правописаніе... не самъ писалъ. У меня этотъ Митрофанъ Иванычъ дѣло изложить молодецъ, а въ правописаніи, такъ сказать, своеобразенъ. Я замѣтилъ, что слово «на лошади» онъ въ одной бумагѣ и пишетъ «на лошади», а въ другой—«на лошадѣ». Спрашиваю его: отчего такъ? А онъ говоритъ: на лошади—такъ это представляется какъ бы верхомъ, а «на лошадѣ»—такъ въ саняхъ, либо въ телѣгѣ. Ну, да дѣло не въ томъ, а каковъ актикъ-отъ-съ? прибавилъ исправникъ, потирая отъ самоудовольствія руки.

— Актикъ-то очень хорошъ, сказалъ я, только отчего вы не распорядились послать за Ивановымъ?

— Да когда же, братецъ? Вѣдь, когда услышали твои колокольчики, такъ только что актъ дописывали. Теперь твое дѣло.

— Съ вашей стороны, поручикъ, обратился я къ подпоручику Икрѣ, не будетъ препятствій въ случаѣ, если я распоряжусь о взятіи Иванова?

— Почему препятствія? Нѣтъ.

— Такъ я буду просить полицейское управленіе послать кого-нибудь взять Иванова, сказалъ я исправнику.

Тутъ мы согласились о способѣ взятія Иванова. Исправникъ отправился съ цѣлью распорядиться объ этомъ. Начальникъ команды остался у меня въ качествѣ депутата со стороны прикосновенныхъ къ дѣлу солдатъ, за которыми онъ и послалъ.

Между тѣмъ, я приступилъ къ допросамъ приведенныхъ ко мнѣ арестантокъ. Старая Крючиха упорно уклонялась отъ дачи опредѣленныхъ и ясныхъ показаній. Напротивъ, Паточка была очень словоохотлива. Не столь опытная,

какъ мать, она слишкомъ много довѣряла своей изворотливости и хитрости. Несмотря на то, и отъ нея я не успѣлъ узнать ничего важнаго. Написанное въ актѣ дознанія она дополнила только тѣмъ, что̀ послѣ побоевъ, нанесенныхъ ей мужемъ, она ушла въ чуланчикъ на чердакѣ, почему и не можетъ знать, что происходило безъ нея внизу. Она сообщила мнѣ также, что ѣли они и гости ихъ на имянинахъ матери. Въ числѣ блюдъ были сморчки. Впрочемъ, допросы эти я сдѣлалъ лишь для формы, такъ какъ не успѣлъ еще сообразить всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и, притомъ, не имѣлъ понятія о мѣстѣ происшествія.

Я послалъ за лѣкаремъ для вскрытія трупа. Между тѣмъ, явились старшій унтеръ-офицеръ Клеопатровъ и ефрейторъ Чаплинъ. Я потребовалъ къ допросу перваго. Это былъ бравый, весьма высокаго роста человѣкъ, съ открытымъ и добродушнымъ лицомъ, выражавшимъ страшныя душевныя страданія. Войдя, онъ тотчасъ же упалъ на колѣни.

— Ваше высокоблагородіе, пощадите! Двадцать лѣтъ вѣрой и правдой прослужилъ государю... Начальство меня знаетъ и любитъ; вся команда мной довольна... Спросите обо мнѣ малаго ребенка... да что ребенка!.. Спросите щенка любаго: кому я что сдѣлалъ? Я не давно женился.... можетъ-быть скоро ребенокъ будетъ... Пощадите в. в.!

Несчастный зарыдалъ, ловя ноги мои и своего начальника, чтобы поцѣловать. Видалъ я убійцъ, чувствовавшихъ угрызенія совѣсти; но страданія тѣхъ были другаго рода, и иначе выражались. Мы съ начальникомъ команды не могли удержаться отъ слезъ. Наконецъ, увѣренія мои, что если онъ невиненъ, то ему нечего безпокоиться, и заявленіе подпоручика, что онъ сейчасъ готовъ письменно удостовѣрить

въ невинности его и что вся команда подпишетъ бумагу, привели бѣднягу, по крайней мѣрѣ, въ такое состояніе, что онъ получилъ возможность объясняться.

— Разскажи, что знаешь.

— Да что я разскажу, в. б? То же, что и всѣ тутъ говорятъ. Созвалъ насъ съ Чаплинымъ къ этой Крючихѣ Ивановъ. Пришли мы; выпили всѣ вмѣстѣ съ коноваломъ и съ Крючихой—Патка не пьетъ—два полштофа. Коновалъ привязался къ Паткѣ и сталъ ее бить немилосердо. Послѣ того коновалъ ушелъ спать въ заднюю горницу; мы съ Чаплинымъ пошли въ сборную, а Ивановъ остался... залѣзъ на печь спать.

— Не былъ ли ты выпивши? Можетъ-быть, и не помнишь чего-нибудь?

— Какъ не помнить, в. б! Выпили мы, да что-же—штофъ на пятерыхъ! Ну, коновалъ—тотъ раньше заправился, а мы пришли хоть бы росинка въ ротѣ была! Спросите хоть не насъ, а всю команду: мы оттуда прямо въ сборную пришли. Это-то меня и убиваетъ, в. в.: изъ всѣхъ сказокъ видно, что коновалъ убитъ, и какъ будто при насъ... шумъ былъ.... А невиноватъ я. Хоть разстрѣливайте,—то же скажу. Невиноватъ и Чаплинъ: мы вмѣстѣ ушли...

— А Ивановъ?

— Не подозрѣваю я и Иванова. Сохрани меня Господи!.. Я по себѣ сужу... а только онъ отъ насъ съ Чаплинымъ тамъ остался. Ивановъ честный, добрый человѣкъ.. . прямикъ! Вотъ и ихъ благородіе, господинъ подпоручикъ, и вся команда скажутъ, каковъ человѣкъ Ивановъ: этотъ человѣкъ, в. в., либо правду скажетъ, а не то, такъ промолчитъ—и слова изъ него топоромъ не вырубишь! Спросите его самого:

если онъ виноватъ, такъ не запрется... не такой человѣкъ!..

Послѣ Клеопатрова я призвалъ Чаплина. Это тоже былъ солдатъ видный, съ внушающею довѣріе физіономіею. Хотя, при входѣ, онъ тоже упалъ на колѣни, но не рыдалъ, и только слезы навернулись у него на глазахъ. Перекрестившись, онъ проговорилъ: «Буди воля твоя, Господи, на мнѣ грѣшномъ! Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его»!

— Ну, что-же ты скажешь о дѣлѣ?

— Да по всему кажется, что мы, а только не мы съ Клеопатровымъ.

— А Ивановъ?

— И Ивановъ добрый человѣкъ! Только онъ отъ насъ остался.—Виноватъ, в. б., обратился онъ къ подпоручику!.. Шумъ былъ, только не мы начинали... и не были пьяны: мы только Патку отъ коновала отняли.

— Подозрѣваешь или нѣтъ Иванова?

— Нельзя подозрѣвать, в. в.! Этотъ человѣкъ малаго ребенка не обидитъ... честный; добрый человѣкъ! Не возьму я на душу грѣха подозрѣвать его. Только онъ отъ насъ остался, такъ, можетъ-быть, и знаетъ что... Онъ не совретъ... извольте его допросить: скорѣе я совру, а онъ не совретъ. Ума не приложу, в. в.: какъ будто наше дѣло, а только не мы... Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!

Не вдаваясь въ подробные допросы, я поспѣшилъ осмотрѣть мѣсто происшествія.

Домикъ Крючихи состоялъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ саженъ въ пять квадратныхъ каждая. Онѣ отдѣля-

лись одна отъ другой узенькими сѣнцами, изъ которыхъ былъ ходъ на чердакъ. Въ передней, комнатѣ имѣвшей окна на улицу, Крючиха принимала въ имянины гостей, а въ заднюю, по единогласнымъ показаніямъ Крючихи, Паточки, Клеопатрова и Чаплина, ушелъ коновалъ спать, послѣ того какъ прибилъ жену. Ни въ той, ни въ другой, ни на чердакѣ, ни въ подпольяхъ ничего подозрительнаго не оказалось.

При вскрытіи трупа оказалось, что хотя рана на шеѣ сама по себѣ смертельна, но, кромѣ того, расколотъ черепъ. Въ желудкѣ найдены сморчки. Онъ издавалъ сивушный запахъ, но слѣдовъ отравы въ немъ не было.

Покончивъ эти слѣдственныя дѣйствія, я возвратился домой, чтобы облечь ихъ въ форму и распорядиться о такъ называемыхъ мѣрахъ къ пресѣченію обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, или, говоря проще, рѣшить, кого изъ нихъ посадить въ тюрьму, кого отдать на поруки и кого оставить вовсе на свободѣ. Я написалъ постановленіе о заключеніи Крючихи съ дочерью въ тюрьму и объ отдачѣ на поруки Клеопатрова и Чаплина начальнику команды, который настоятельно просилъ меня объ этомъ и чего я самъ душевно желалъ. Оно произвело различныя впечатлѣнія на лицъ, которыхъ касалось. Крючиха выслушала его, какъ камень, еслибы камни имѣли способность слышать и въ то же время не чувствовать; Паточкѣ оно доставило удовольствіе: она слушала его, я теперь увѣренъ, съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ; Клеопатровъ опять упалъ на колѣни, зарыдалъ и разсыпался самыми наивными выраженіями благодарности; Чаплинъ, явно просвѣтлѣвшій, опять пробормоталъ: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его»!

На слѣдующій день въ указные девять часовъ привели ко мнѣ арестантовъ и пришелъ начальникъ команды. Крючиха казалась такою же какъ и всегда; Паточка тоже: она весело улыбалась, но на лицѣ ея замѣтны были слѣды безсонницы. Ей, повидимому, нравился арестантскій костюмъ, въ который съ чего-то одѣло ее тюремное начальство; ей нравился звукъ ружей, опускаемыхъ конвойными солдатами на полъ. Я приступилъ къ допросамъ, и началъ съ старой Крючихи. Какъ и наканунѣ, она уклонилась отъ прямыхъ отвѣтовъ, и лишь однимъ, тоже уклончивымъ объясненіемъ, дополнила прежнія показанія: на доводы мои, что зять ея убитъ если не въ ея домѣ, то очень близко, она отвѣчала:

— Не знаю я,—пьяна была, такъ спать легла.

— Гдѣ спала?

— На печи, надо быть.

— Да тамъ, говорятъ, Ивановъ спалъ?

— Не знаю.... пьяна была.

Паточка, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась словоохотливѣе матери. Она ночью обдумала, что говорить ей на слѣдующій день.

— Вы раньше показали, началъ я допросъ, что вашъ мужъ, на другой день послѣ имянинъ вашей матери, рано утромъ ушелъ по волостямъ.

— Нѣтъ-съ....

— Какъ же нѣтъ? Вы къ исправнику и ко мнѣ приходили съ заявленіями объ этомъ....

— Такъ точно-съ: я приходила.... только я тогда не знала....

— Чего не знали?

— А что онъ тутъ найдется.

— Какъ же не знали? Это такъ близко отъ васъ.... иначе это не понятно. Зачѣмъ вы и исправнику, не одинъ разъ, и мнѣ объясняли, что онъ ушелъ?

— Да я вижу, что по утру его нѣтъ.... ну и вещей его нѣтъ, такъ и подумала, что онъ ушелъ, а тамъ....

— Теперь вы видите, что не тамъ, а здѣсь!

— Точно такъ-съ.

— Значитъ, не уходилъ?

— Значитъ, нѣтъ-съ.

— Вы видѣли, что онъ найденъ въ томъ платьѣ, въ какомъ ходятъ дома?

— Точно такъ-съ! Только безъ пояса. Да гдѣ же прочее-то платье? И пояса на немъ нѣтъ!

— Это обстоятельство не очень важное; притомъ, согласитесь сами, что поясу нельзя остаться на человѣкѣ, который перерѣзанъ пополамъ?

— Точно такъ-съ! только опять какъ же инструментъ пропалъ?

— Убійца могъ забросить куда-нибудь для доказательства того, что вы раньше говорили, т. е. что онъ ушелъ изъ дома.

— Это можетъ быть-съ. Видно ужъ этому человѣку не въ первый разъ такія дѣла дѣлать,—знаетъ какъ!

— Нѣтъ, почему-же? Для этого не нужно особенной опытности и много хитрости.

— Нѣтъ, мнѣ такъ этого не выдумать, замѣтила Паточка, улыбаясь.

— Потомъ опять вы видѣли, что въ желудкѣ вашего мужа найдена та самая пища, которую вы ѣли на имянинахъ вашей матери.

— Нѣтъ-съ не видала... страшно было смотрѣть.

— Все равно другіе видѣли. Это записано въ актѣ и протоколѣ вскрытія. Хотите я прочту?

— Нѣтъ-съ, я вѣрю.

— Согласитесь, что, судя по платью, онъ долженъ быть убитъ дома.

— Точно такъ-съ; только это можетъ-быть нарочно поддѣлано, чтобы подумали на насъ.

— Это мудрено. Но я согласился бы съ вами, только согласитесь и вы, что сморчки-то нельзя поддѣлать.

Паточка задумалась.

— Теперь я и сама вижу, что мудрено... Какъ-же такъ? какъ-будто сама себя спросила Паточка.

— Это еще не все. Вы, вѣдь, въ тотъ день не пьяны были?

— Нѣтъ-съ. Я никогда вина не пью; да не люблю, какъ и другіе-то пьютъ. Вотъ и мужа то когда я укладывала спать, такъ хоть и мужъ, а такой противный показался... Лучше бы я съ самымъ послѣднимъ ссыльнымъ...

— Ну, вотъ видите! А раньше вы говорили, что послѣ того, какъ васъ прибилъ мужъ, ушли на чердакъ въ чуланчикъ.

— Точно такъ. Мнѣ совѣстно было сказать, что я съ мужемъ... т. е. его укладывала спать. Это точно такъ; а потомъ и ушла въ чуланчикъ-съ.

— Что-же вы въ чуланчикѣ дѣлали?

— Да что дѣлать? Плакала.

— И не выходили оттуда все время, пока были у васъ гости?

— Нѣтъ-съ... не выходила.

— Смотрите: вы ужъ не одинъ разъ давали неточные отвѣты на мои вопросы; а это не служитъ въ вашу пользу. Что, если гости ваши скажутъ, что вы выходили къ нимъ?

— Это точно такъ-съ: можетъ-быть, и выходила зачѣмъ на минутку съ; только съ ними не сидѣла... я, вѣдь, вина не пью-съ... такъ что мнѣ съ ними сидѣть въ этакомъ разстройствѣ?...

— Это болѣе, нежели вѣроятно. Но послѣ того, какъ гости ушли, вамъ ужъ не было надобности отсиживаться въ чуланчикѣ.

— Точно такъ-съ. Только выйду, загляну въ заднюю горницу потихоньку, а какъ вижу, что мужъ лежитъ... спитъ, и затворю дверь опять потихоньку; думаю: ну, слава Богу, хоть проспится... А въ переднюю нельзя: тамъ маменька съ Терентьемъ Ивановичемъ спала... А потомъ я и сама легла спать. Встала по утру; вижу—нѣтъ! Ну, думаю, ушелъ, Богъ съ нимъ!.. Вотъ и все-съ.

— Нѣтъ, позвольте, еще не все.—Какъ же можно, чтобы мужъ вашъ ушелъ, не сказавшись ни вамъ, ни вашей матери? Такъ долго спавши, согласитесь, онъ не могъ уйдти, напримѣръ, не закусивши?

— А я думала... кто его знаетъ!

— Но вы согласитесь, что онъ убитъ у васъ въ домѣ и вытащенъ за огородъ, потому что подкидывать разрѣзанный трупъ чуть не къ самому дому неудобно: на это никто не можетъ рѣшиться.

— Да вѣдь...

— Нѣтъ позвольте мнѣ досказать. Вы говорите, что видѣли, какъ онъ день спалъ въ задней комнатѣ; слѣд.

могъ уйдти только ночью. Но куда же онъ могъ пойдти ночью?

— Да, вѣдь, Господь его знаетъ-съ!

— Но денегъ у него не было?

— Не было-съ.

— Къ этому времени онъ, конечно, проспался?

— Какъ не проспаться-съ!

— Слѣд. драки сочинить не могъ, да ночью и не съ кѣмъ?

— Точно такъ съ.

— Ну, такъ какъ-же?

— А вотъ что, в. в., не притащили ли его какъ-нибудь послѣ?

— Я ужь сказалъ вамъ, что это было бы чарезъ-чуръ рискованное дѣло.

— Да, вѣдь, какъ знать-съ!.. Найдутся отчаянные!

— А сморчки-то?

— Да-съ, это точно... Позвольте мнѣ, в. в., подумать.

— Очень хорошо-съ. Не угодно ли присѣсть, а мы съ поручикомъ удалимся.

— Знаете-ли что? сказалъ меня Икра. Вѣдь, исправникъ самъ поѣхалъ за Ивановымъ... отличиться хочетъ!.. а Ивановъ не виноватъ тутъ: это отличный солдатъ... я ручаюсь.

— А вотъ посмотримъ.

— Да чего смотрѣть? Вѣдь, ужь я знаю команду, какъ свои пять пальцевъ. Сами увидите: его скоро привезутъ, если не разъѣдутся, потому что онъ долженъ быть на обратномъ пути отъ Ш... близко отсюда... Этотъ человѣкъ не солжетъ.

Тутъ подпоручикъ разсказалъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ объ Ивановѣ, доказывающихъ, что онъ никогда не лжетъ, и въ случаяхъ, когда, чтобы не повредить товарищамъ, правды нельзя высказать, то всегда беретъ вину на себя, вслѣдствіе чего и не произведенъ до сихъ поръ въ унтеръ-офицеры.

Потомъ мы отправились къ Паточкѣ.

— Что-же вы надумали? спросилъ я ее.

— Да Ивановъ убилъ-съ: больше некому, отвѣчала она.

— Вы можете доказать это?

— Какъ не доказать-съ!

Въ это время вошелъ разсыльный полицейскаго управленія, весь въ пыли.

— Здраю желаю, в. в.! выкрикнулъ онъ. Отъ ихъ высокоблагородія къ в. в. съ пакетомъ-съ.... Иванова привезли-съ!

Разсыльный вынулъ изъ-за обшлага пакетъ и подалъ мнѣ.

— Побудь съ Ивановымъ въ другой комнатѣ, пока я прочитаю бумагу.

— Слушаю-съ, в. в., отвѣчалъ разсыльный, повертываясь налѣво кругомъ на каблукѣ.

Мы ушли съ Икрой въ другую компату, гдѣ я вскрылъ пакетъ исправника и прочиталъ:

«Вслѣдствіе личныхъ объясненій съ вашимъ высокобрагородіемъ, я счелъ нужнымъ лично отправиться для поимки рядоваго Терентія Иванова, дабы не допустить какихъ-либо въ семъ дѣлѣ упущеній. Затѣмъ, прибывъ на Луневскую станцію и, собирая подъ рукой свѣдѣнія, я дознал, что Ивановъ находится здѣсь, почему, взявъ понятыхъ, я отправился въ занимаемую квартиру, гдѣ засталъ Иванова

спящимъ. Сдѣлавъ же тщательный осмотръ, я нашелъ шинель Иванова мокрою и на ней кровавыя пятна, въ чемъ онъ, уступая моимъ убѣжденіямъ, и сознался, раскаяваясь въ содѣянномъ имъ преступленіи. Доносѧ, вмѣстѣ съ симъ, о такомъ происшествіи господину начальнику губерніи, я имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокоблагородію рядоваго Терентія Иванова и выше упомянутую шинель его, покорнѣйше прося о полученіи ихъ меня увѣдомить».

— Такъ вотъ какая исторія! сказалъ я подпоручику.

Тотъ пожалъ эполетами.

— Позвольте мнѣ переговорить съ Ивановымъ.... одинъ на одинъ.

— Нѣтъ, извините, этого нельзя. А вотъ лучше допросимъ его формально.

Выславъ Паточку, я велѣлъ позвать Иванова. Въ наружности послѣдняго не было ничего особеннаго. Развернувъ переданную мнѣ разсыльнымъ шинель, я нашелъ на пей кровавое пятно, очень полинявшее.

— Ну, вотъ ты сознался, сказалъ я ему; но этого мало: мнѣ нужно подробное показаніе. Ты долженъ обнаружить своихъ соучастниковъ.

— Въ чемъ-же я сознался, в. в.?

— Какъ въ чемъ?

— Точно такъ-съ. Я ни въ чемъ не сознался.

— Какъ-же исправникъ пишетъ, что ты сознался въ убійствѣ коновала Шерстяникова?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Да, вѣдь, это въ бумагѣ вотъ написано.

— Никакой я бумаги не подписывалъ.

— Ну, все равно говорилъ.

Я прочиталъ ему отношеніе исправника.

— Не правда! Я не сознавался.

Ивановъ сильно меня озадачилъ. Мы вышли съ подпоручикомъ въ другую комнату.

— Ну, не правъ ли я? сказалъ подпоручикъ.

— Да какъ-же, вѣдь не басню же написалъ исправникъ въ оффиціальной бумагѣ?

— Да вѣдь, вы его не первый день знаете: отличиться захотѣлъ! Видите, онъ ужь и губернатору донесъ, что открылъ преступленіе....

Мы послали за исправникомъ, который и не замедлилъ явиться.

— Ну, вотъ ты, составитель актовъ, Ивановъ-то запирается! Отчего не составилъ акта? обратился я къ нему.

— Да когда, братецъ, было! Да какъ-такъ?

— А вотъ посмотри.

Мы вышли въ комнату, гдѣ находился Ивановъ.

— Какъ же, братецъ, ты запираешься? обратился къ Иванову исправникъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣтилъ Ивановъ.

— А это что? спросилъ его исправникъ, развертывая шинель.

— Шинель № 2-й съ, в. б.

— Отчего она мокрая?

— Была мокрая

— Отчего?

— А лѣсъ Василья Аѳанасьевича подъ Копалихой выгружали, такъ и намокла.

— Отчего-же ты раньше мнѣ этого не говорилъ?

— Спрашивать не изволили, в. в.

— А это что? спросилъ исправникъ Иванова, указывая па кровавое пятно на шинели.

— Кровь, в. в.

— Отчего она?

— А волковъ свѣжу, такъ....

— Что-же ты прежде этого мнѣ не говорилъ?

— Спрашивать не изволили-съ, в. в.

— Ты врешь!

— Никакъ нѣтъ-съ, в. в. На то видоки есть.

— Это ты теперь выдумалъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Позвольте, господа, вмѣшался подпоручикъ Икра. Это шинель № 2-й; значитъ, Ивановъ не могъ быть въ ней на имянинахъ: въ старыхъ шинеляхъ въ гости не ходятъ. Такъ-ли Ивановъ?

— Точно такъ, в. б.

— Зачѣмъ же ты взялъ ее съ собой въ дорогу, когда при тебѣ была другая? спросилъ Иванова исправникъ.

— Точно такъ, в. в.! Въ этой дорогу шелъ, а № 1-й взялъ, чтобы въ Ш. по начальству явиться.

— Это правда, замѣтилъ подпоручикъ, самодовольно улыбаясь.

— Вы выходите изъ правъ депутата, замѣтилъ исправникъ подпоручику.

— Господинъ слѣдователь не находитъ этого. Меня законъ обязываетъ защищать солдата.

— Защищать-съ, но не подстрѣкать.

— Господинъ слѣдователь, не угодно ли вамъ составить актъ, подстрѣкаю-ли я Иванова. Я донесу начальству о вмѣшательствѣ г. исправника.

— А я донесу губернатору о поступкахъ вашихъ.

Тутъ произошла между исправникомъ и начальникомъ команды довольно продолжительная и крупная сцена, кончившаяся тѣмъ, что оба они рѣшились донести другъ на друга по начальству, и оба хотѣли уйдти; но подпоручика Икру я удержалъ.

Я приступилъ къ формальному допросу Иванова.

— Все-таки говорятъ, что ты убилъ коновала, сказалъ я ему.

— Кто говоритъ? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Напримѣръ, жена его Клеопатра.

— Патка? Пусть она при мнѣ скажетъ!

Я велѣлъ позвать Паточку. Ту привели.

— Вы сейчасъ говорили, что подозрѣваете Иванова въ убійствѣ вашего мужа, спросилъ я ее.

— Такъ точно-съ. Кромѣ васъ, Терентій Ивановичъ, некому! Обратилась она къ Иванову.

— Какъ некому? спросилъ Ивановъ, прислоняясь богатырскимъ плечемъ къ косяку двери, вопреки субординаціи.

— Солдатъ! Ты не умѣешь держать себя передъ начальствомъ, замѣтилъ ему подпоручикъ.

— Виноватъ, в. б.! отвѣтилъ, выпрямляясь, Ивановъ. Это оттого, что не слѣдъ бы ей этого говорить.

— Да вѣдь какъ же, Терентій Ивановичъ, отозвалась Паточка: кромѣ васъ некому.... это я къ тому примѣрно сказала....

— А кровь-то кто выносилъ.... примѣрно?... брякнулъ Ивановъ.

Какъ иглой укололъ Паточку этотъ вопросъ Иванова, на который она, какъ видно, не разсчитывала.

— Значитъ я, отвѣчала она.

Ивановъ опять оперся плечемъ на косякъ, и начальникъ его уже не сдѣлалъ ему замѣчанія.

— Гдѣ-же эта кровь? спросилъ я.

— Пусть она покажетъ, хладнокровно сказалъ Ивановъ, указывая на Паточку: она знаетъ.

— Я, значитъ, не знаю, Терентій Ивановичъ, возразила Паточка.

— Врешь, хладнокровно сказалъ Ивановъ, отворачиваясь отъ нея.

— То есть, в. в., я точно выносила, а только не я убила мужа, —гдѣ мнѣ!

Ларчикъ началъ открываться. Мы отправились на мѣсто. Въ понятыхъ не было надобности, такъ какъ полгорода сопровождало насъ. Пришли на мѣсто.

— Гдѣ-же искать кровь? спросилъ я, обращаясь къ Иванову и Паточкѣ.

Они указали мѣсто на дворѣ близь стѣны маленькаго сарайчика, гдѣ земля казалась нѣсколько разрыхленною. Стали рыть, но долго не могли ничего выкопать. Наконецъ Ивановъ самъ взялъ заступъ и скоро показались два огромныхъ куска спекшейся крови.

— А зобенька *) гдѣ? спросилъ Ивановъ Паточку.

— А значитъ я въ печи сожгла, отвѣтила Паточка.

На мѣсто пришелъ исправникъ, и, видя наше открытіе, спросилъ подпоручика насмѣшливо:

— Кажется кровь нашли?

— Кровь, да не на шинели, отвѣчалъ тотъ.

Мы отправились ко мнѣ, чтобы составить актъ о на-

*) Корзинка.

ходкѣ и снять новые допросы съ обвиняемыхъ. Такъ какъ къ дому Крючихи собралась огромная толпа любопытныхъ, то, чтобы избавить обвиняемыхъ отъ непріятныхъ для нихъ, какъ мнѣ казалось, наблюденій и публичности, я предложилъ идти не городомъ, а кратчайшимъ путемъ по задамъ; но Паточка стала упрашивать, чтобы ее провели улицами. Она видимо осталась довольна, когда нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ барынь попросили позволенія находиться при допросахъ, на что́ и получили согласіе. Я приступилъ къ допросу Иванова, предполагая, что теперь онъ будетъ словоохотливѣе, но ошибся.

— Разскажи-же теперь, какъ было все дѣло, по порядку! сказалъ я ему.

— Пусть сперва онѣ разскажутъ, отвѣчалъ онъ, разумѣя подъ словами «онѣ» Паточку съ матерью.

Дѣлать нечего: я позвалъ Паточку, и прежде всего обратился къ ней съ убѣжденіемъ, чтобы она говорила сущую правду, такъ какъ при томъ оборотѣ дѣла, какой оно приняло, всякое запирательство повлечетъ усиленіе мѣры взысканія. Паточка, рисуясь передъ посторонними свидѣтельницами, сказала:

— Точно такъ-съ! Я теперь сама вижу, что вертѣться нечего. Я, вѣдь, и раньше все разсказалабы, только все какъ-то-съ.... Исправникъ Егоръ Ивановичъ поначалу очень напугалъ-съ: говорятъ, за этакое дѣло, т. е. что человѣка по поламъ перерѣзали, и трехъ смертей мало... такъ, хоть и не я его рѣзала, а все страшно.... на меня бы не подумали!

— Ну, такъ какъ-же дѣло было?

— Значитъ, вотъ какъ было дѣло-съ, начала она, играя

босой ножкой со скинутымъ съ нея арестантскимъ котомъ. Послѣ того, какъ покойничекъ избилъ меня.... А избилъ онъ меня жестоко.... и теперь еще по всему тѣлу желтыя пятна отъ синяковъ остаются.... Не угодно-ли, в. в., освидѣтельствовать меня?

Отклонивъ такое предложен.., я попросилъ ее продолжать.

— Послѣ этого, я ужь вамъ сказывала, я уложила его спать... Такъ онъ противенъ мнѣ показался! Какъ уснулъ онъ, я и выхожу, а въ сѣняхъ повстрѣчался мнѣ этотъ Ивановъ-съ. Вотъ-съ я и говорю ему: «Терентій Ивановичъ! Скоро-ли избавитъ меня Царица Небесная отъ этого мучителя»? А онъ говоритъ: «Хочешь я избавлю»? Я говорю: «Ради Бога, избавьте»! А того я не понимаю, что онъ хочетъ дѣлать, и еще сказала: «я сама вамъ сослужу чѣмъ нибудь за это.....»

При послѣднихъ словахъ Паточка не могла не улыбнуться, хотя и старалась казаться разстроенною.

— Только онъ вошелъ въ заднюю горницу, т. е. гдѣ спалъ покойничекъ. Я не знаю, что онъ тамъ дѣлалъ. Вотъ онъ выходитъ и говоритъ мнѣ: «Иди, убирай»! Я вхожу и вижу: мужъ убитъ. Что дѣлать? Самъ Терентій Ивановичъ въ переднюю горницу къ гостямъ ушелъ, а я осталась одна. Придти къ нимъ и сказать—бѣда! Боюсь: думаю, на меня скажутъ. Было у насъ въ печкѣ горячей воды; я потихоньку взяла, да и захватила кровь-то: въ щель въ подполье спустила. А изъ него все сочится. Вотъ вижу, Яковъ Алексѣевичъ,.. старшій то-есть, и Илья Ильичъ ушли, а Терентій Ивановичъ на печь легъ спать-съ.... Я расказала все маменькѣ. «Не объявить-ли»? говорю. «Что ты, въ умѣ-ли? говоритъ: этакое дѣло объявлять! И насъ-

то съ тобой въ каторгу сошлють». Такъ я и сдалась на эти слова. Вотъ стали мы Терентія Ивановича будить; на силу растолкали.

— Пьянъ что-ли онъ былъ?

— Нѣтъ-съ; развѣ не много: онъ, вѣдь, крѣпокъ, и очень никогда не напивается.

— Раньше вы сказали, что не входили въ переднюю комнату, потому что тамъ Ивановъ съ вашей матерью спалъ.

— Нѣтъ-съ, это я такъ сказала: виновата-съ! Не хотѣлось мнѣ на нихъ говорить: вѣдь, онъ мнѣ то же, что и отецъ-съ. А маменька ужь послѣ къ нему прилегла, какъ пріубрали. День еще бѣлый былъ; изъ дому вынести нельзя; а маменька съ утра ухлопоталась, да и выпивши была, такъ тоже отдохнуть захотѣла.

— Ну что жь, Ивановъ всталъ, какъ вы его растолкали?

— Нѣтъ-съ: мнѣ, говоритъ, что за дѣло? Прячьте, какъ знаете! И опять уснулъ. Такъ мы и отступились! Пришли въ заднюю горницу, гдѣ покойничекъ лежалъ-съ. Маменька посмотрѣла, нѣтъ-ли чего въ жилеткѣ, въ карманахъ. Мы открыли подполье; только насилу вдвоемъ-то могли его, покойничка, спустить туда.... великъ онъ и тяжелъ былъ—сами видѣли, в. в.! Потомъ я опять замывать стала; а маменькѣ нечего дѣлать, такъ она ужь тогда къ Ивану Терентьевичу пошла. Вотъ ужь, замыла я, а времени все еще мало! Я прибралась, да и пошла по сосѣдямъ, значитъ, чтобы виду не показать. Какъ стало смеркаться, я прихожу домой, а они все еще спятъ. Только добудилась я: «Что же, говорю, Терентій Ивановичъ, какъ быть»? А онъ говоритъ: «Какъ хочешь, такъ и будь»? Тутъ и маменька стала до-

кучать ему. «Успѣете, говоритъ, не убѣжитъ. А мнѣ еще нужно въ сборную сходить.» Такъ и ушелъ, и не сказалъ, придетъ или нѣтъ.

Тутъ Паточка остановилась. Подождавъ немного продолженія разсказа, я предложилъ ей окончить его.

—Да тутъ ужь я и не понимаю, какъ случилось... оттого-то, в. в., я и думаю.... безъ меня дѣло было-съ.

— Какъ это безъ васъ?

— Значитъ, я взяла мужнинъ инструментъ, чуйку, шапку и все, и пошла на рѣку, утопить то-есть; значитъ, чтобы знаку не было. А какъ пришла, такъ у нихъ все ужь убрано....

— А какъ же вы сами сказали, что выносили кровь?

— Значитъ, я пришла, а Терентій Ивановичъ тутъ сидитъ. Я спрашиваю: «Убрали ли»? А они говорятъ: «Поди кровь-то вынеси»! Я взяла зобеньку, да и вытаскала.

— А яму кто рылъ?

— Терентій Ивановичъ, надобно быть. Я спросила, значитъ: «Куда убирать»? А они мнѣ и указали готовую.

— Да какъ же они успѣли вырыть три ямы, разрѣзать трупъ, вытаскать его по частямъ и потомъ зарыть, пока вы на рѣку ходили? Рѣка, вѣдь, не такъ далеко!...

— Значитъ, я въ обходъ, все лѣсомъ шла, чтобы кто не увидѣлъ... съ остановками. Я пришла, а маменька ужь козлуху доитъ.

— Гдѣ вы утопили вещи?

Паточка подробно описала мѣсто и разсказала, гдѣ и какъ шла. Дѣйствительно разстояніе было значительное; но, несмотря на то, трудно было предположить, чтобы въ отсутствіе ея Ивановъ, даже при помощи Крючихи, могъ успѣть упрятать трупъ коновала.

Вмѣсто Паточки я позвалъ Иванова.

— Вотъ, сказалъ я ему, Клеопатра все разсказала.

— Что она разсказала? спросилъ Ивановъ.

— Что бы ни разсказала, а ты долженъ мнѣ отвѣчать на мои вопросы, иначе ты отвѣтишь за упорство, да кромѣ того все, что она сказала противъ тебя, будетъ признано справедливымъ.

Начальникъ команды, чтобы заставить Иванова говорить, къ моимъ убѣжденіямъ присовокупилъ свои.

— Да что же мнѣ говорить-то, в. б.? сказалъ Ивановъ подпоручику:—вѣдь, я не запираюсь, что я убилъ; только крови на мнѣ не было.

— Какъ же ты его убилъ? Разскажи подробно, спросилъ я его.

— Да какъ убилъ?... Взялъ, да и убилъ.

— Что же онъ врагъ тебѣ былъ, или изъ-за денегъ?

— Кто это говоритъ изъ-за денегъ? спросилъ Ивановъ, выпрямляясь.

— Никто этого не говоритъ, а только я тебя спрашиваю, чтобы узнать, для чего ты это сдѣлалъ: вѣдь, нельзя же убить человѣка безъ причины.

— Развѣ это человѣкъ былъ?

— А то что же?

— Онъ и собаки не стоилъ.

— Поэтому ты и убилъ?

— Нѣтъ, я и собакъ не бью.

— Такъ за что же?

— Спросите у Патки: она знаетъ.

— Она ужь допрошена объ этомъ.

— Пусть еще при мнѣ скажетъ..

Депутатъ Иванова сталъ настаивать на исполненіи такого требованія его, и я согласился, не видя отъ того вреда для существа дѣла. Допросъ Иванова я обратилъ въ очную ставку его съ Паточкой, которую и велѣлъ позвать.

— Вотъ она показала, сказалъ я Иванову, что послѣ того, какъ мужъ ее при всѣхъ васъ прибилъ, она уложила его спать въ задней горницѣ. Выходя оттуда, она встрѣтила тебя въ сѣняхъ и сказала: «скоро ли Богъ избавитъ ее отъ этого мучителя, т. е. мужа» А ты сказалъ: «Хочешь, я избавлю»? Она на это отвѣтила: «Ради Бога, избавьте... я сама ослужу вамъ чѣмъ-нибудь за это». Сама же она, говоря это, не предполагала, что ты убьешь ея мужа.— Такъ ли, Клеопатра Шерстяникова?»

— Точно такъ-съ, в. в., отвѣтила Паточка.

— Ты что на это скажешь? спросилъ я Иванова.

— Вретъ! сказалъ тотъ.

— Какъ же, Терентій Ивановичъ? спросила Паточка.

— А такъ: врешь! А кто мнѣ топоръ подалъ? спросилъ Ивановъ, отворачиваясь къ косяку.

— Топоръ, значитъ, я подала.

— А, значитъ, кто держалъ дверь, какъ я рубилъ?

— Я, значитъ, Терентій Ивановичъ.

— Не знала ты!!.... промычалъ Ивановъ.

— Правда-ли, что ты убилъ Шерстяникова еще въ то время, когда Клеопатровъ и Чаплинъ въ передней комнатѣ сидѣли?

— Правда, только они ничего не знаютъ.

— Правда ли, что ты, убивши Шерстяникова, пошелъ спать.

— Правда.

— И уснулъ?

— Уснулъ.

— Правда ли, что Клеопатра съ матерью тебя будили, чтобы убрать трупъ, но ты не хотѣлъ встать?

— Правда.

— Почему же?

— А мнѣ что?

— Ты не желалъ скрыть слѣды преступленія?

— Да, вѣдь, и въ каторгѣ тѣ же люди живутъ.

— Правда ли, что Клеопатра тебя разбудила вечеромъ и вмѣстѣ съ матерью уговаривала тебя убрать трупъ, но ты ушелъ въ сборную, не сказавши, придешь опять или нѣтъ?

— Это правда.

— Правда ли, что на другой день рано утромъ приготовилъ яму для крови?

— Вретъ.

— Что вы на это скажете? спросилъ я Паточку.

— Нѣтъ, ужь это, значитъ, вы, Терентій Ивановичъ, сказала она. Вы мнѣ, значитъ, яму указали.

— Ахъ ты!... Да ты сама мнѣ показывала; только на третій день, а на второй я и не былъ у васъ.

— Были, значитъ.

— Перестань врать!... Всей командѣ больше повѣрятъ, чѣмъ тебѣ.

— Да, вѣдь, команды тутъ не было?

— Я былъ въ командѣ.

— Да кромѣ васъ не кому: гдѣ намъ вытащить этакую ношу!

Ивановъ зло улыбнулся.

— Для чего же бы я сталъ надъ покойникомъ издѣваться... разрѣзывать, да не отнести дальше.... а то подъ носомъ у себя?

— Значитъ, тяжело-съ.

— Тяжело! А не тяжело мнѣ изъ подвала 9 пудовые кули на себѣ таскать?

— Нѣтъ, значитъ, тяжело.

Ивановъ замолчалъ.

— Такъ кто же, по твоему мнѣнію, вырылъ ямы, разрѣзалъ трупъ и вытащилъ его?—спросилъ я.

— Я не видалъ. Спросите у нихъ. Онѣ показывали, такъ знаютъ.

— Кто онѣ?

— Она съ матерью, отвѣчалъ Ивановъ, указывая на Паточку.

— Это неправда, Терентій Ивановичъ!... Можетъ, вы ошиблись: можетъ, вамъ маменька только говорила....

— Обѣ вы говорили. Да что ты вертишься? Когда ты инструментъ утопила?

— Значитъ ночью, на который день вы покойничка зарубили.

— Значитъ, врешь.

— Значитъ, на другую ночь.

— То-то. А первую что дѣлали? Смотри, соври опять, такъ....

— Это точно; только, Терентій Ивановичъ, я не рѣзала.

— Я и не говорю, что ты. Только зачѣмъ на меня врать? Вѣдь, я на васъ не вру, чего не было.

— Мнѣ маменьки было жаль.

Ивановъ на это не возражалъ, хотя, мнѣ казалось, и могъ бы. Пользуясь тѣмъ, что у него немного развязался языкъ, я спросилъ:

— Скажи пожалуста, какъ ты его зарубилъ?

— Сперва по шеѣ ударилъ раза два или три, а потомъ обухомъ по головѣ одинъ разъ.

— Зачѣмъ-же еще по головѣ? Вѣдь, кажется, и по шеѣ было довольно.

— Осерчалъ.

— За что?

— А зачѣмъ онъ Патку безъ причины тиранитъ.... А она на меня же все сваливаетъ.

Послѣ этого я велѣлъ увести Иванова и Паточку и привести Крючиху. Отъ этой женщины и на этотъ разъ не могъ добиться никакихъ отвѣтовъ. Составивъ постановленіе о явномъ упорствѣ ея, я позвалъ Иванова, чтобы попытаться добиться чего-нибудь съ помощью очной ставки. Очная ставка вышла очень лаконична. Крючиха не произнесла ни одного слова, крамѣ «не знаю» и «не помню»; Ивановъ же твердилъ «врешь», легко, но постоянно возвышая голосъ. Только по двумъ пунктамъ онъ отъ себя сдѣлалъ Крючихѣ два вопроса: во-первыхъ, на отрицательный отвѣтъ ея на спросъ: разрѣзывала ли она трупъ? Ивановъ замѣтилъ: «надо поискать ножа»; и во-вторыхъ, на такой же отвѣтъ на спросъ: выносила-ли она трупъ, спросилъ: «а кто обрубилъ концы жердья въ огородѣ»?

Такія замѣчанія вынудили меня снова сдѣлать выемку въ домѣ Крючихи и осмотръ мѣста. Изъ всѣхъ найденныхъ въ домѣ ножей, Ивановъ не призналъ ни одного за тотъ, которымъ былъ разрѣзанъ трупъ.

— Не утопила-ли ты вмѣстѣ съ инструментомъ? спросилъ онъ Паточку.

— Нѣтъ, Терентій Ивановичъ: его куда-то маменька задѣвала.

Концы жердей, составлявшихъ одно прясло огорода, оказались дѣйствительно обрубленными, именно тамъ, гдѣ пересѣкала его тропинка, ведущая отъ дома къ тому мѣсту, на которомъ найденъ трупъ.

День начиналъ клониться къ вечеру, и я закончилъ слѣдственныя дѣйствія, составивъ постановленіе о заключеніи Иванова въ тюремный замокъ и сдѣлавъ предварительныя распоряженія на слѣдующій день.

Утромъ явилась ко мнѣ огромная толпа солдатъ и сосѣдей Крючихи, и я сдѣлалъ объ обвиняемыхъ большой повальный обыскъ.—Обыскные люди о Крючихѣ отозвались, что хотя она и промышляетъ нищенствомъ, разъѣзжая для этого по уѣзду на наемнымъ лошадяхъ, и не можетъ похвалиться соотвѣтствующимъ ея лѣтамъ цѣломудріемъ; но особенно дурныхъ поступковъ за ней не замѣчено. О Паточкѣ полученъ еще лучшій отзывъ: ея не совсѣмъ цѣломудренное поведеніе сосѣди оправдывали дурнымъ воспитаніемъ, бѣдностію и выдачею замужъ, противъ воли, за грубаго мужа—разбойника, отъ котораго ей житья не было. Отзывъ же объ Ивановѣ былъ рѣшительно въ его пользу. Всѣ солдаты единогласно показали, что это человѣкъ безукоризненной честности, никогда не измѣнявшій своему слову и никогда не солгавшій; что онъ много разъ, не желая сдѣлать вредъ товарищу, и

въ то же время солгать предъ начальствомъ, упорно молчалъ при разспросахъ и, безъ вины, равнодушно принималъ наказанія; что онъ всегда былъ незлобивъ, но его возмущала всякая несправедливость въ отношеніи къ слабымъ, на помощь которымъ онъ всегда являлся, если была къ тому какая-нибудь возможность; что онъ не могъ выносить, когда кто говорилъ ложь въ глаза. Точно также всѣ солдаты единогласно удостовѣрили, что онъ обладаетъ необыкновенной физической силой; а нѣкоторые сказали, что онъ въ тотъ вечеръ, когда убили Шерстяникова, пришелъ въ сборную и не отлучался ни ночью, ни въ слѣдующій день. Всѣ эти отзывы были высказаны не въ общихъ, заказныхъ, какъ это бываетъ при повальныхъ обыскахъ, выраженіяхъ, а подтверждались указаніями на факты и сквозили неподдѣльнымъ чувствомъ.

Не скоро я кончилъ повальный обыскъ и облекъ его въ форму. Ко мнѣ стала собираться вчерашная публика, чтобы узнать исходъ всѣхъ интересовавшаго слѣдствія. Между тѣмъ привели Крючиху и вслѣдъ за ней явилась Паточка, которую бралъ съ собой непремѣнный засѣдатель полицейскаго управленія, производившій, по моему требованію, поиски утопленныхъ Паточкою вещей мужа ея. Оказалось, что инструментовъ отыскать нельзя, такъ какъ они брошены въ самое глубокое мѣсто чрезвычайно быстрой съ песчанымъ и непостояннымъ дномъ рѣки, и, безъ сомнѣнія, замыты уже глубоко. Но найдена фуражка, которая, попавши на воду дномъ, поплыла и остановилась на отмели. Она признана принадлежащею покойному.

Мнѣ осталось, для округленія дѣла, дать очную ставку Паточкѣ съ матерью ея. На этой очной ставкѣ Паточка

обнаружила замѣчательныя сценическія способности. Ей хотѣлось порисоваться передъ публикой. Она упала передъ матерью на колѣни и, заливаясь слезами, стала умолять ее о сознаніи:

—Не запирайся, матушка! Не губи свое милое дѣтище, и т. д.

Драматическій монологъ глубоко тронулъ публику: барыни навзрыдъ плакали. Даже холодная Крючиха, повидимому, уступила мольбамъ дочери, которая въ эту минуту казалась истинно прекрасной грѣшницей: ни одной тривіальной фразой не испортила она своего монолога. Крючиха сказала:

— Ну, что дѣлать: сознаюся я.

— Спасибо тебѣ, моя голубушка! сказала Паточка, бросаясь на шею матери.

Сейчасъ же на лицѣ ея разцвѣла веселая улыбка. Но Крючиха продолжала оставаться холодною, и больше не проронила ни одного слова.

Арестантокъ увели. Публика стала расходиться, обвиняя во всемъ Крючиху и жалѣя бѣдную Паточку. Многіе пожалѣли Шерстяникова и никто—Иванова!

Какъ водится, я представилъ дѣло въ уголовную палату, а копію съ него начальникъ команды отослалъ въ военно-судную коммисію.

Пока дѣло ходило по инстанціямъ, мнѣ не разъ приходилось бывать въ острогѣ. Каждый разъ я освѣдомлялся о Паточкѣ и каждый разъ заставалъ ее въ веселомъ расположеніи духа: въ каморѣ своей она рѣзвилась, какъ беззаботная птичка въ клѣткѣ.

Въ острогѣ она родила недоноска, прижитаго уже въ заключеніи. На это обстоятельство никто не обратилъ вниманія, да и къ чему?

Наконецъ вышло окончательное рѣшеніе. Паточка приговорена въ каторжную работу на восемь лѣтъ. По счастію ея, ко времени приведенія въ исполненіе рѣшенія, отмѣнены были тѣлесныя наказанія, и она весело взошла на эшафотъ. — Не думаю, чтобы она очень внимала словамъ священника, потому что постоянно кивала головкой то тому, то другому изъ зрителей. Въ то время, когда читали приговоръ, она показала мнѣ мимически, будто куритъ, конечно намекая на то, что во время слѣдствія я иногда давалъ ей папиросы.

Въ то же время, на публичной площади другаго города, исполнялся такой же точно приговоръ надъ Ивановымъ. Я увѣренъ, что, сохраняя свою всегдашнюю флегму, равнодушно смотрѣлъ онъ на публику, быть-можетъ презирая ее; но не думаю, чтобы кто-нибудь изъ окружавшей его чуждой ему толпы выразилъ ему сочувствіе. Да и нуждался ли въ этомъ сочувствіи тотъ, который и въ каторгѣ думалъ встрѣтить такихъ же людей?

Найдетъ ли онъ тамъ такихъ людей, какъ самъ онъ? Вотъ вопросъ!

III.

Нѣжный отецъ и просужій братоубійца.

Сѣнокосъ — самое не сѣнокосное время для судебнаго слѣдователя, да и для всякаго другаго чиновника, имѣющаго дѣла въ уѣздѣ. Эта истина особенно даетъ себя чувствовать въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ тридцати-верстный волокъ *), раздѣляющій двѣ деревни, не считается еще больно великимъ, гдѣ сѣнокосы отстоятъ отъ селеній за цѣлые десятки верстъ, иногда многіе. Пріѣзжаешь въ деревню; ямщикъ подвозитъ къ обувательской, если таковая полагается, а если ея нѣтъ, что́, впрочемъ рѣдко случается въ краю, гдѣ такъ рѣдки населенныя мѣстности, то къ десятнику. Да и десятника-то какъ найдешь?.. Дома старый да малый.

— Чья нонѣ недѣля-то, бабушка Агафья? спроситъ ямщикъ у высунувшейся въ окно старухи.

— А безъ большаковъ-то ужь и не знаю, дитятко.

— А далеко ли большаки-то?

— А въ суземъ, нони за третью Погорѣлицу ушли.

---

*) Лѣсистое пространство между двумя селеніями.

— Экъ ихъ! скажетъ ямщикъ, недоумѣвая что́ ему дѣлать.

Между тѣмъ все, что́ есть въ деревнѣ живаго, окружаетъ повозку,—пузатые ребятишки въ засаленныхъ холщовыхъ рубашонкахъ и тощія сабаки; только равнодушныя свиньи продолжаютъ нѣжиться въ грязныхъ лужахъ. «Далеко ли у тебя отецъ?» спросишь какого-нибудь мальчишку; тотъ заревѣтъ благимъ матомъ и побѣжитъ, сломя голову, какъ отъ медвѣдя, а за нимъ и вся толпа его товарищей.

Вотъ тутъ и производи слѣдствіе.

Въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ находился я одинъ разъ, забравшись въ такую мѣстность, куда самъ Макаръ рѣдко телятъ гоняетъ, гдѣ развѣ отъ девяти десятый имѣетъ понятіе о своемъ уѣздномъ городишкѣ, и гдѣ появленіе чиновника считается событіемъ,—это потому, что въ деревнѣ, въ которую я прибылъ, находилось волостное правленіе, а между тѣмъ извѣстно, что при волостныхъ правленіяхъ всегда водятся люди: сторожъ, писарь или его помощникъ, засѣдагель и т. п., слѣд. есть черезъ кого распорядиться о сборѣ народа. Но, несмотря на эти счастливыя обстоятельства, въ рабочую пору, все таки приходится подолгу ждать.... скучать, и я скучалъ.

Но вотъ вваливается въ занятую мною въ правленіи комнату для пріѣзжающихъ чиновниковъ высокаго роста, но уже дряхлый, старикъ. Я обрадовался ему, какъ давно невиданному однокашнику или родственнику.

— Что тебѣ, дѣдушка? спросилъ я его.

— Молчи, ужо.... отвѣтилъ онъ, закашлявшись.

— Садись, дѣдушка!

— Ладно, ладно, дитятко.

Старикъ присѣлъ.... прокашлялся.

— А я все о Васькѣ-то, сказалъ онъ.

— А что о Васькѣ?

— Да какъ бы его опять домой.... большака-то?

— Въ солдаты что ли его взяли?

— Нѣтъ; почто въ солдаты: Богъ миловалъ!

— Такъ гдѣ же онъ?

— А въ ссылку сослали.

— Куда?

— Да куда? Извѣстно куда.

— Въ Сибирь?

— Нѣтъ, видно, маленько подалѣ будетъ.

— Такъ куда же?

— Да въ каторгу-то въ эту проклятую....

— Ну, дѣдушка, изъ каторги люди не выходятъ.... развѣ рѣдко.

— Почто нѣтъ! И изъ солдатовъ выходятъ. Нонѣ такъ сила стала выходить... и вскорѣ: все молодяжникъ такой!.. Новы́е и съ деньгами выходятъ!

— Да то изъ солдатъ.

— Что изъ солдатъ? А вонъ лони *) и изъ каторги Мишка Чиренокъ выбѣгалъ, а еще послѣ моего-то вдолги ушелъ.

— Что же, онъ и теперь здѣсь?

— Нѣтъ. Наши-то мужики по что-то изловили его, да въ городъ по десятникамъ и проводили. А оттудова, бають, опять на мѣсто увели...

— Какъ же такъ?

---

*) Прошлаго года.

— Да мужики-то врутъ: не спросясь съ мѣста ушелъ, паспорта не взялъ, глупый.... такъ за то.

— А твой-то надолго ли сосланъ?

— Да кто его знаетъ?.. Да, вѣдь, не на вѣки же вѣчные! Рѣшенье-то при мнѣ вычитывали, да не понятливо таково: слышали да слышали, указъ да указъ... А разы-то не однако вычитывали: то эстолько, то опять прибавятъ, то убавятъ,—кто ихъ разберетъ! По что-то раза по три про одно поминали, а все не однако. Я все болѣе про себя слушалъ. Наперво и мнѣ ссылку сказали... Видно, постращать хотѣли, а потомъ ужь и отказъ. А Васькѣ, кажись, все одно да одно: каторга да каторга, а на долго ли—я не расчухалъ.

— Такъ, значитъ, онъ былъ наказанъ?

— Какъ не наказанъ! Наказанъ—на кобылу въ городѣ клали.... у церквы ... на базарѣ.

— Ну, такъ сколько же ему разовъ дали?

— Да довольно дали-то: сполна, видно, отвѣсили!... Этакъ подъ сто будетъ.... А вѣрно-то незнаю: не я, вѣдь, стегалъ. Нонѣ, баютъ, ужь не стегаютъ на кобылѣ-то; а моего-то отстегали.... Эти въ ту пору плети вышли.... экія троехвостыя. А до того проще было: все болѣ кнутомъ. Ну, да сласть-то видно ровнакая же.

— Ну нѣтъ: видно, дѣдушка, не видать тебѣ большака.

— Да все вашъ братъ, начальство-то, экъ же баютъ; а я все думаю, не врутъ ли? Парня-то не по правилу сослали, такъ.... это меня еще въ ту пору ссыльный обнадеживалъ.

— Когда же это?

— А какъ рѣшенье-то вышло.

— Давно ли это было?

— Да не какъ давно: годовъ съ десятка полтора будетъ же, а не то немного и поболѣ. Да, вѣдь, ты лучше знаешь: какъ окружные-то настали... ой нѣтъ, постой ужо! какъ старыя-то ассигнаціи перестали ходить.... Мнѣ это памятно.... окружный меня шибко выстегалъ...

— За что?

— А податей не охота было класти. А онъ говоритъ: «клади».

— Отчего же ты не клалъ?

— А вотъ такъ... Думаю оттерплюсь. Да нѣтъ, не стерпѣлъ: отдалъ. А послѣ, какъ зажило-то, такъ опять и жаль стало. Да и Васька-то бранится: экой, говоритъ, голова! Ровно малой ребенокъ! Вѣдь, не дò смерти бы застегали.... Такъ, вотъ, оттого-то и памятно мнѣ это: подати новыми бумажками положилъ. А послѣ этого Васька-то вскорѣ и ушелъ.

— Да за что его?

— А, вотъ, постой. Дай съ краю разсказать. Какъ рѣшили дѣло-то, а оно долго таково куда-то... въ Питеръ-ли что-ли.... ходило, а мы съ Васькой все въ острогѣ сидимъ... Да, вотъ, постой ужо.... Вотъ вышло это рѣшеніе. Привели насъ въ судъ и вычитали: мнѣ вышелъ отказъ, а Ваську—на кобылу. Меня скоро отпустили: «Иди, говорятъ, домой». А Васька въ острогѣ остался.... палача т. е. дожидаться. Вышелъ это я изъ острога-то, а мнѣ на встрѣчу какой-то начальникъ идетъ,—по одеждѣ-то я въ ту пору подумалъ,—короткохвостый такой!

— Это твоего сына ссылать хотятъ? онъ говоритъ.

— А почемъ ты узналъ-то меня! я ему опять говорю.

— А по головѣ, говоритъ.

Въ ту пору арестантамъ полголовы брили. Не баско таково: на одной-то косицѣ ровно грива ботается, а на другой—чисто.

— Не по правилу, говоритъ, его ссылаютъ. Онъ, вѣдь, не сознался?

— Нѣтъ, по что сознаваться? говорю.

— Ну, такъ не пошто и ссылать, говоритъ: видно, въ бумагахъ не такъ написали.

— Я, говорю, и ранѣ слыхомъ увѣрялся, да и въ острогѣ православные сказывали, что какъ кто не сознался, такъ тотъ и правъ; да, видно, нонѣ новый указъ какой вышелъ....

— Нѣтъ, говоритъ, экого указу. А хошь, говоритъ, я тебѣ сына выстараю?

— А дородно бы, ваше благородіе.

— Пойдемъ, говоритъ, на фатеру.

Вотъ пошли. А онъ дорогой все про себя хвастаетъ: я, говоритъ, не простой человѣкъ; я, говоритъ, и въ Питерѣ всему начальству пріятель; я, говоритъ, и самого набольшаго тамъ, перваго послѣ царя.... «долги руки» какого-то..., знаю: колько разъ во дворѣ у него бывалъ.

— А по чтоже, говорю, ваше благородіе, ты съ экими людьми совѣтенъ, а въ нашемъ городѣ живешь?

— Не своей волей, говоритъ: меня тоже сослали.

— Такъ какъ же, коли себя не могъ отстоять, моего-то Васюху выстараешь?

— А то я... дѣло другое... Я самому царю сгрубилъ.

— Вре, ваше благородіе!

— А вотъ блажь нашла: не по что, говорю, указовъ вы-

давать, чтобы въ каторгу ссылать. А царь-отъ и говоритъ: «А? Коли ты такъ, такъ самъ въ ссылку пошелъ... вотъ тебѣ»! говоритъ.

«Я про себя думаю: все врешь, паре; а самъ говорю:»

— А что, тебя тамъ въ Питерѣ-то какъ ссылали, на кобылѣ, или инако какъ стегали?

— Что ты, говоритъ, глупый! Развѣ насъ, благородныхъ, стегаютъ?

— Да, вѣдь, ужь коли сослали, такъ какъ ни на есть, да вспрыснули же?

«Онъ осерчалъ; расходился.»

— Хошь ли, что ли, я тѣ бумагу напишу? говоритъ.

— Пиши! я говорю.

— А что дашь?

— Нѣтъ, ты, купецъ, скажи наперво цѣну, а я послѣ: такъ и станемъ торговаться.

«А онъ вдругъ и заломи:—три цѣлковые, говоритъ.» Это десять съ полтиной.

— Нѣтъ, говорю.

— А что? Ты давай свое!

— Нѣтъ, долга пѣсня намъ торговаться.

— Ничего. Ты давай свое.

— Ладно: хошь гривну?

«Онъ опять осерчалъ. А я все свое. А онъ давай сбавлять; сбавилъ ужь онъ до полтинника... рубль семьдесятъ пять копѣекъ.»

— Да постой, говорю, что это мы торгуемся: товаръ-отъ гдѣ? Ты наперво напиши, да вычитай; я еще, можетъ, тебѣ и надбавлю, какъ ладно напишешь.

«Вотъ онъ написалъ и вычиталъ. Дородно таково напи-

салъ: не по правилу, говоритъ, ссылаютъ. И жалостливо!.. Ну, и приавралъ небольцу: написалъ, будто мы со старухой сидимъ, да слезы проливаемъ.... ровно въ пѣснѣ. А какое: я отъ роду не плакивливалъ. Ну, да это что? Бывать, и повѣрятъ. Вотъ и говорю я: дородно, кажись, написалъ: хошь пятіалтынный (пятьдесятъ двѣ съ деньгой)? Онъ опять осерчалъ».

— Ты, говоритъ, видно тоже выжига. пошелъ вонъ!

«А я, какъ бы сбить, говорю»:

— Я, вѣдь, темный человѣкъ... Ты, говоришь, самому царю сгрубилъ, такъ боюсь: не написалъ бы ты и тутъ каверзы какой: не растянули-бы насъ съ тобой вмѣстѣ. Вотъ что, ваше благородіе!

«Какъ взъяритъ онъ тутъ; да меня по шеѣ. Хотѣлъ было я караулъ кричать, да, стерпѣлъ: думаю, какъ начальство узнаетъ, такъ и вправду не взбубетѣнили-бы».

«Такъ и не написали. Тутъ я пошелъ въ острогъ.... къ Васюхѣ».

— Домой, говорю, идти лажу.

— Такъ что. говоритъ? Иди! Что тутъ попусту-то проѣдаться!... И безъ тебя отзвонятъ. Только смотри: мнѣ Пашка глухой шесть гривенъ съ пятакомъ долженъ, такъ стребуй!... деньгами бралъ. А опять Мишкѣ Бочкаренку я полтину за сѣмя долженъ, такъ скажи: «онъ мнѣ не приказывалъ, а я не знаю»!

— Ладно, ладно, говорю.

— Только ты мнѣ денегъ оставь, говоритъ.

— А на что тебѣ, говорю, деньги? Житье тебѣ дородно будетъ: харчи, одежа казенныя, податей не спросятъ... а, бывать, и жалованье пойдетъ: робить сташь, такъ....

«Это все я его разговариваю».

— Да на, однако, говорю.

«Тутъ я и отсчиталъ ему три съ полтиной».

— Мало, говоритъ.

— Да на что тебѣ эко мѣсто?

— А палачу, говоритъ, дать надо.

— А по что?

— А помнишь какъ онъ этта хвасталъ?

— Полно! Все, вѣдь, ужь до смерти не застегаетъ. А и захлестнетъ, такъ одинова умирать: все къ тому же Богу угодишь.

— Ну, ладно. Только, Христа ради, загороди ты нашу полянку отъ Филяевцевъ. Осенью я свиней ихнихъ засталъ.

— Ладно: загорожу, говорю.—

«А я все таки денегъ болѣ не далъ: такъ съ рублемъ серебромъ и ушелъ. А нонѣ, поди, и самъ спасибо сказываетъ: и безъ денегъ отбоярился. А палачъ вралъ все... хвасталъ. Какъ мы въ острогѣ сидѣли, такъ его по другому дѣлу привозили; такъ сказываетъ: захочу, говоритъ, такъ сразу захлестну; моя, говоритъ воля; мнѣ никто не указъ; насъ говоритъ, во всей губерніи только трое такихъ: губернаторъ, архіерей да я—всякъ по своей части набольшій; всѣ начальники въ губерніи и самъ вица-губернаторъ губернатора боятся; а я? Ни я его не знаю, ни онъ меня не знаетъ.»

«А жаль мнѣ Васюхи-то! Все думаю, какъ бы его воротить.

— Да ты не разсказалъ все, за что онъ сосланъ.

— А вотъ постой Все скраю разскажу: не все вдругъ.—

«Ишь ты, снова началъ старикъ, собравшись съ мыслями,—у меня другой сынъ былъ... поменѣ. Крестили-то его Алешкой, а все болѣ Мухорой звали; оттого что изъ себя экая мухора былъ: черномазый, испитой, а самъ такой вертячій. А Васька тотъ дѣтина большой былъ... красный такой, и просужій былъ. Этотъ все около дому, все въ домъ, да въ домъ, а Мухора—тотъ не то: пѣсенникъ!— И съ измалѣтства все ихъ совѣтъ не бралъ... все дерутся! А такая заноза этотъ Мухора былъ. Даромъ, что Васька экой медвѣдь былъ, а Мухора все верхъ бралъ.... ино мнѣ бѣдно на него бывало. А тутъ еще у нихъ изъ-за дѣвчонки вышло. И дѣвчонка-то дрянь: только кости да кожа... такая же пѣсенница какъ и Мухора. Ужь не знаю, чѣмъ она Васюхѣ-то поглянулась. А она все къ Мухорѣ льнула: такъ вотъ отъ этого-то у нихъ еще болѣ пошло промежь себя. Васька сталъ похваляться: «Ужо говоритъ, каковъ-нибудь я тебѣ да буду».— Полно, говорю я, Васька! Не нажить бы бѣды.... да и грѣхъ.— «А что грѣхъ, говоритъ:—мнѣ отъ него терпѣть мочи не стало».— «Плюнь, говорю я, Васька. Право, плюнь! Смотри»... «А я ужь знаю, говоритъ». Ну, вотъ, ладно. Собрались они оба въ суземъ на верхъ Утицы. Васька въ лодкѣ поплылъ, а Мухора съ ружьемъ горой пошелъ,— не посѣда такая былъ. Вотъ Васюха выплылъ, а Алешки нѣтъ. «Гдѣ»,? говорю. — «А лѣшакъ его знаетъ: съ ружьемъ суземомъ пошелъ».— Вотъ день нѣтъ. и другой нѣтъ.—«Ой, опять говорю я, не нажить бы бѣды. Васюха! Нѣтъ ли на тебѣ примѣтины какой!»— «Мало ли, говоритъ,—какія примѣтины бываютъ? Не все отъ того: бывать, барана рѣзалъ».— «Такъ въ огнѣ бы сожегъ, говорю,—либо въ

водѣ утопилъ». Ишь ты, онъ говоритъ:—рубаха-то и всего два раза надѣвана; а съ этимъ топоромъ я въ вѣкъ не разстанусь»... ловкой такой!— Просужій былъ такой Васюха-то: не то, что пропить что безъ толку, а ино на свѣчку Богу не подастъ: такъ же, говоритъ, сгоритъ, а Богъ-отъ и въ потьмахъ видитъ».

«А тутъ и сосѣди стали приставать: «гдѣ у тя, дядюшка Еремѣй, малышъ-отъ?» —«А гдѣ, говорю: песъ его знаетъ, гдѣ шатается».— А промежь себя, вижу, шибко шушукаются. А потомъ вдругъ всѣмъ міромъ собрались: отдайте намъ Алексіюшка, говорятъ.— Мнѣ бѣдно это: до того все Мухора да Мухора, а тутъ вдругъ Алексіюшкомъ сталъ! А бабы такъ тѣ еще болѣ пристаютъ. Послали съ извѣстьемъ въ городъ: пропалъ, молъ, а меня съ Васькой въ правленье засадили, да и къ дому сторожей нарядили. До того, какъ начальство кого посадитъ, такъ ходи по волѣ; только какъ спросятъ, такъ тутъ будь. А тутъ и сторожу правленскому не вѣрятъ: своихъ сторожей приставили... никакой вѣсти не допускаютъ».

«Вскорѣ вдругъ по деревнѣ крикъ такой поднялся: мужики горланятъ, бабы воютъ, воютъ... ровно пожаръ. А это Мухору-то отыскали. Думаю, видно лѣшакъ пособилъ. Ребятишки въ стѣну-то камнями фуркать стали. Пришелъ, думаю, часъ смертный. А ужь и радъ, что запертъ... за сторожами сижу; а все боюсь: убить—не убьютъ, а изувѣчить—изувѣчатъ... Не что возьмешь»!

«Вотъ въ долги ли въ коротки ли, изъ города начальство наѣхало... людно таково. Исправникъ пріѣхалъ, пріѣхалъ становой, нашъ помощникъ окружнаго, стряпчій, лѣкарь, писарь городской съ ними же, а съ лѣкаремъ еще какой-

то, который потрошитъ. Вотъ сколько!—«Вотъ ты востеръ, ваше благородіе: все одинъ по экимъ дѣламъ ѣздишь; одному-то тебѣ и болѣ попадетъ, да и нашему брату легче: на одного-то все менѣ сойдетъ, а то на семерыхъ... чѣмъ соймешься?»

«Поплыли всѣ туда, гдѣ Мухору-то нашли. И насъ поняли съ собой, и народу людно. Гляжу — и Машка съ нами. Мухорина-то подружка. По что бы думаю? Вотъ пріѣхали. А Мухора лежитъ на бортинкѣ: листьемъ прикрытъ и сучьями заваленъ. Соръ-отъ духомъ разбросали. Вижу—Мухора и есть... весь въ крови... засѣченъ... и вонь такая!— «Твой это сынъ?» спрашиваетъ меня исправникъ, столь сердито. Я вижу, что запереться нельзя: сосѣди признаютъ, да и лопотина его.—«Да, мой, говорю, надо быть, ваше благородіе: ишь весь въ крови запачканъ, такъ не разберешь».— Потомъ Ваську спрашиваетъ: это твой братъ»? А тотъ въ одно слово говоритъ: «Мой, видно».—«Видно! надо быть!» передразнилъ исправникъ. А потомъ сосѣдей спрашиваетъ: «Онъ это»? А тѣ, какъ волки, завыли: «Онъ. онъ. ваше благородіе». Тутъ стали писать ... пень отыскали матерой. То исправникъ, то стряпчій скажутъ, а писарь все пишетъ... и все пустое: въ кую сторону голова загнулася, которая нога скорчилась, куда рука засунута, которое мѣсто просѣчено .. какія прорѣхи на рубахѣ—и тѣ всѣ выписали! Потомъ исправникъ позвалъ Алеху Долгаго: «Покажи, говоритъ, откудова ты увидалъ»? Тотъ отвелъ не такъ-то далеко: «Вотъ тутъ, говоритъ, я прилучился». Ишь, я думаю, куда его лѣшій занесъ! Опять исправникъ говоритъ: «А гдѣ онъ его засѣкъ»? Алеха опять показалъ: тутъ кровь нашли. Потомъ

Машку спросили. А она, потаскуха, близко Мухоры воетъ-лежитъ, причитаетъ; видно, жаль дружка-то. Привели ее. «Ты отколя видѣла»? И она отвела мѣсто: далеконько, а видно. «Я, говоритъ, корову искать ходила».... Лѣшакъ, видно, у нея корову-то унесъ. А просто: либо сама за нимъ, курва, пошла,—сговорились,—либо какъ пронюхала. У нихъ, вѣдь, у долговолосыхъ, гдѣ надо, такъ нѣтъ ума; а гдѣ не надо, такъ и нашему брату того не догадаться.—Только исправникъ ей и говоритъ: «Ты это послѣ разскажи». — А не по правилу, вѣдь, исправникъ молвилъ ей это, ваше благородіе?»

— Отчегоже не по правилу? спросилъ я въ свою очередь старика.

— А какъ бы она тутъ-то разсказала, такъ Васькѣ ловчѣе бы было отвѣты держать

«Вотъ подняли Мухору, какъ есть, на доски, да и въ лодку. Какъ приплыли въ деревню, Васюху прямо къ допросу и потянули. А ловко было онъ сперва отбояривался! Это онъ мнѣ послѣ сказывалъ: «Слыхано ли, говоритъ, чтобы братъ на брата руку поднялъ! Какъ бы я засѣкъ его, такъ трясся бы весь», говоритъ. Видно, Алехино съ Машкой дѣло, а они на меня повернули.» Какъ сказалъ онъ это, исправникъ-отъ и хотѣлъ было и ихъ засадить: быватъ, и правда, думаетъ; да этотъ стряпчій присталъ за нихъ. Онъ и послѣ не одинова дѣло портилъ. Онъ тутъ болѣ всѣхъ виноватъ. А Алеха съ Машкой всему дѣлу начальники: какъ бы не они, такъ, быватъ, такъ бы и прошло—пропалъ, да пропалъ. А это они наперво сосѣдямъ пролялались, а потомъ и доказывать стали.

— Да чѣмъ же они выноваты?

— Какъ чѣмъ? Почто врать?

— Да, вѣдь, они правду говорили?

— Да не почто ляпать! Имъ что́? Вѣдь, не ихъ...

— А присяга-то?

— А что присяга? Ину пору и въ пустомъ дѣлѣ подъ присягой врутъ; а тутъ такъ.... Нѣтъ, это у насъ народъ такой дикій.

«Послѣ Васьки меня привели. А я что? Знать не знаю, да и все: дома былъ. И я говорю: слыхано ли дѣло, что бы отецъ на свое дѣтище руку наложилъ?

«Тутъ стали Мухору потрошить; и насъ привели всѣхъ. Разболокли его. Да и разболокали-то не по-людски: чѣмъ бы стащить все, они всю лопотину ножницами изрѣзали.... чужаго-то не жаль! Только я смолчалъ. Одна рука у Мухоры сжата была, а какъ разжали—въ ней волосья. Ишь, вѣдь, какой, прости Господи! И тутъ еще чѣмъ-нибудь да надо! А волосья-то, какъ у Васьки. Тутъ этотъ стряпчій и говоритъ исправнику: «не правду ли я говорилъ? У Алехи черные волосья, а это рыжіе.... вонъ чьи»! А самъ на Васюху перстомъ-то тычетъ.—«Да», промычалъ исправникъ.—Примѣнили волосья къ Васькѣ: исправникъ опять промычалъ: «да». Тутъ потрошить стали,—а не по что бы: чего тутъ искать? Навозу ли что-ли? Вѣдь, и безъ того видно, что засѣченъ,—такъ нѣтъ! Сперва волосья обстригли; потомъ стали черепъ пилить.... пила такая ловкая. Въ кости-то опять нашли иверень отъ топора.... экой лобъ былъ! Сходили къ намъ, забрали всѣ топоры, а иверень-отъ къ одному и пришелся. Не послушалъ меня Васька: чѣмъ бы забросить куда, онъ сталъ оттачивать, да пожалѣлъ: отточить—не отточилъ,

а примѣтину, что было точено, положилъ.—Тутъ ужь и вовсе напали на насъ. Ваську въ желѣзо заковали, и колоды то на ключъ заперли; а меня—нѣтъ, не виноватъ, такъ... А Васька все на своемъ стоитъ: знать не знаю! Тутъ насъ обѣхъ по десятникамъ въ городъ, да и въ острогъ....»

— А тебя-то за чтоже?

«Да вотъ такъ! Все этотъ стряпчій виноватъ. Какъ шли эти спросы да переспросы, имъ все хотѣлось, чтобы Васька повинился; а онъ—нѣтъ! Они меня подущали уговорить его. А я сказалъ: по что я стану уговаривать на себя эко дѣло ляпать? А тутъ бабы опять соврали, будто моя хозяйка кровь на Васюхиной рубахѣ отстирывала. Я ничего не чулъ про это, а меня вдругъ и спрашиваютъ: «Коли Васюха барана рѣзалъ»? Я вспомнилъ, что Васька этакъ хотѣлъ про кровь сказать; подумалъ, да и говорю: передъ Успеньемъ. А и не ладно вышло. Этотъ стряпчій опять спрашиваетъ: «По что рѣзалъ: на кокорку *), али такъ ѣсть»? А я и ляпнулъ: задницу-то, вѣстимо, на кокорки, а передъ во щахъ съѣли. «А сало»? опять тотъ спрашиваетъ.—А про сало, говорю, не знаю. А Васька-то другомя показалъ; а хозяйка тоже опять другомя. Какъ бы меня не такъ спросили, а спросили бы: рѣзалъ барана Васька, али нѣтъ? такъ я бы и сказалъ, что запамятовалъ, а тутъ, видишь, я и не догадался. Такъ вотъ за это-то меня и посадили: ты, говорятъ, его покрываешь! А того не разумѣютъ: кому же и покрывать сына, какъ не отцу? Въ домѣ-то все перерыли,—ровно Мамай прошелъ! И все при

*) Вяленое мясо, преимущественно дичь.

мнѣ, да при Васюхѣ. Ну, да это-то, пожалуй, и ничего бы: безъ насъ-то, пожалуй, и уполовинили бы; да не хорошо то, что и до казны дорылись. А еще сосѣди про себя шушукаютъ: вотъ гдѣ горбуновскіе-то крестовики! говорятъ. А врутъ! У Горбунова и крестовиковъ-то не было... ассигнаціями все, старыми.

— А что это за Горбуновъ?

— А это пустое! Тутъ ранѣ того проѣзжалъ на ярмарку, на Евдокіевскую, устюжанинъ одинъ. Тамъ есть рѣчка этакая... Югомъ прозывается, такъ по этой рѣчкѣ все устюжане живутъ. Этотъ завсе у насъ приставалъ. А тутъ его пониже нашей-то деревни подняли: такъ на насъ ляпали. Только тогда слѣдство было по правилу... такъ и прошло! Да, вѣдь, и тутъ, какъ бы не этотъ стряпчій, такъ тоже бы ничего, бывать, не было бы. Онъ еще и послѣ, какъ въ судѣ намъ рѣшенье вычитывали, подошелъ ко мнѣ, да и говоритъ: «И тебя бы надо на кобылу вмѣстѣ съ сыномъ: ты всему дѣлу начальникъ»!—Вотъ какъ вретъ!

— Ну, а отчего же тебя посадили, а хозяйка твоя дома осталась?

— Да та, глупая, ловчѣе показала, какъ есть... Ну, да я ужь за то и отзвонилъ ей послѣ ..

— Ну, и не жаль тебѣ было малыша-то . Мухоры-то?

— А что его жалѣть-то? Вѣдь ужь не воротишь.

— И во снѣ онъ не снится тебѣ?

— Почто? Во снѣ однѣ бабы видятъ, а человѣкъ спитъ, такъ что̀ увидитъ? Глаза-то закрыты, вѣдь.. А и не любилъ я Мухоры!

— За что же? Развѣ онъ не ра̀боталъ?

— Нѣтъ, почто не работать! Въ иной работѣ самого Васюху за поясъ заткнетъ. Не любилъ я его за то, что ину пору не дѣло дѣлалъ. Ино, въ простую пору, чѣмъ бы около дому что, а онъ либо съ дѣвками ломается, либо ребятамъ свистульки вырѣзываетъ... ножи тупитъ. Одинова мы ямщину держали; такъ того и смотри, что лошадей упаритъ. А все изъ-за чего? Иной начальникъ на вино дастъ; а онъ про себя деньги копилъ, да вдругъ и купи бабушку... *) передъ дѣвками наигрывать, да у солдата зеленое экое перо отъ птицы отъ какой-то... Вотъ онъ какой былъ! Да это-то еще что... А какъ Горбуновъ-отъ этотъ проѣзжалъ, такъ онъ и тутъ... Мы съ Васькой-то думаемъ, какъ бы... А онъ подслушалъ ли что ли... разбудилъ мужика: «убирайся, говоритъ, по добру по здорову!» Васька воровски отъ него лошадь запрягъ, да едва сустигъ, говоритъ...

— Такъ вотъ какой этотъ Мухора былъ, в. б. За что его любить? Нѣтъ, вотъ Васюху-то выскрести бы какъ... Не воймешься ли ты въ это дѣло? Я бы...

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка, ты напрасно хлопочешь! Молись лучше Богу.

— Да почто бы не молиться! Только худъ сталъ... изробился... такъ и спина-то не гнется. А другое-опять и дорого. До того свѣчка-то—деньга была, а нонѣ три копѣйки съ деньгой подай. А Богъ-отъ, видно, все свое... Вонъ и Царь нонѣ все на войнѣ живетъ. Сказываютъ, опять Французъ находилъ... съ Туркомъ сговорились. За̀все рекрутчина! За̀все деньги подавай! Что не христи пота

---

* Гармонiя.

кать! Чѣмъ бы самому въ Царь-городѣ сидѣть, онъ тамъ Турку начальникомъ посадилъ. И еще старый Іерусалимъ придалъ... экіе города! Али у него своихъ нѣтъ начальниковъ? Такъ, ужь это, видно, Божье попущенье за грѣхи наши.—Какъ-то солдатъ выходилъ, такъ сказывалъ: на этого Турка бѣлый Арапъ находилъ. Такъ Царь-отъ на подмогу ему своихъ солдатовъ посылалъ. А Турка-то начальнику нашему Маравлеву золотое перо подарилъ... за то, что отстоялъ его. А тутъ вотъ... за спасибо-то! Я бы такъ этого же Маравлева и посадилъ тамъ губернаторомъ, коли самому не охота. А солдатъ сказывалъ, что губернія большущая и земля дородна... родитъ всячину...

— Да. А все-таки я совѣтую тебѣ молиться, хотя про себя... Ты одинокъ?

— Да какъ не одинокъ! И старуху-то тоже издержалъ.

— Какъ это издержалъ?

— Да какъ?... Какъ Ваську-то сослали, такъ выла все: все ей Мухоры жаль. А мнѣ Ваську: ну, такъ о ину пору и треснешь ее чѣмъ ни на есть. А она все ныть, да ныть .. да возьми, да и умри! А тутъ, прости ихъ Господи, и гробъ ей сколоти, и къ церкви отвези, и могилу выкопай—все раззоренье... Вотъ и молись тутъ! Какъ бы меня-то Господь поскорѣе прибралъ... Не жизнь, а маета стала! Ото всѣхъ весь свой вѣкъ, про все, терплю. Какъ сталъ я помнить—всѣ меня не любили. А я хошь бы малаго ребенка безъ дѣла задѣлъ. Всѣ, какъ волки, глядятъ. Одинъ Васька... тотъ законъ зналъ. Оттого мнѣ и жаль его. Какъ бы все экіе были! Народъ нонѣ дикъ сталъ. Ото всѣхъ обида..., а старъ... пособиться нечѣмъ!...

— Какъ же пособиться нечѣмъ? Ты, какъ видно,

былъ человѣкъ работящій... не мотъ... ну, и Горбуновскіе то...

При этомъ замѣчаніи моемъ старикъ вдругъ вышелъ изъ себя: онъ всталъ и выпрямился: изъ-подъ сѣдыхъ бровей его готова была сверкнуть молнія; его рука судорожно застучала о полъ костылемъ.

— Что ты дѣдушка Еремѣй? сказалъ я старику, недоумѣвая...

Но старикъ пошелъ отъ меня скорыми шагами, произнося страшныя ругательства. Ко мнѣ вбѣжали засѣдатель и писарь, чтобы освѣдомиться о случившемся, сообщивъ между прочимъ, что старика велѣли изъ правленія по шеѣ вытолкать, а если я желаю, то его посадятъ въ арестантскую, и во всякомъ случаѣ готовы быть свидѣтелями, что онъ оскорбилъ меня ни съ чего. Я отказался отъ такого обязательнаго предложенія.

— Да надо бы его поучить, в. в., сказалъ мнѣ засѣтель. Онъ ужь больно сталъ забываться. На той недѣлѣ чуть парня костылемъ не зашибъ.

— Да что же онъ, съ ума свихнулъ что ли?

— Не то, что свихнулъ, а жила! Да еще прозвища нелюбитъ: его зовутъ «горбуновскіе крестовики». Скажи ему это слово, такъ онъ чѣмъ ни попало свиснетъ. Вотъ каковъ этотъ старикъ!

— Отчего же онъ этого прозвища не любитъ?

— А вотъ изволите видить, в. в., отъ чего: слыхъ идетъ, что они съ сыномъ, съ тѣмъ, который въ каторгу-то ушелъ, можетъ-быть слыхали...

— Да.

— Такъ они Устюжанина торговаго ухайдакали... У это-

го Устюжанина деньги были... крестовиками все. Такъ вотъ эти крестовики-то дѣдушкѣ Еремѣю и достались... давно это было. Ну, и самъ онъ былъ мужикъ прожиточный... жила! Докамечи не выдерутъ—ни за что податей не положитъ; въ церковь не ходитъ: жаль на свѣчку подать. На что—на скупщину *) отъ роду не хаживалъ... жаль! Завально денегъ у него было, в. в. Только послѣ того, какъ большой-то сынъ у него Васька въ каторгу ушелъ, все не въ прокъ пошло: тягупишко такой сталъ... И домъ у него нарушился: старуха умерла... тоже, говорятъ, ухайдакалъ. Вотъ и пошелъ онъ ко внучкѣ въ домъ... къ дочерниной дочери. И кубышку съ крестовиками перенесъ, да все пряталъ, чтобы, то-есть, никому не доставайся. А все боялся, какъ бы свои-то не дошли; все по ночамъ вставалъ перепрятывать. Ну, вотъ этакъ пряталъ, да пряталъ—да и запряталъ такъ, что и самому не сыскать.—Отродясь этотъ человѣкъ не вывалъ, а тутъ взвылъ: сидитъ въ клѣвѣ, а самъ въ навозѣ роется. Свои услышали, прибѣжали: что дѣдушка Еремѣй? А онъ, знай, въ навозѣ копается. Такъ вотъ послѣ этого его все ребятишки дразнятъ: «Пойдемъ, дѣдушка Еремѣй, горбуновскихъ крестовиковъ искать» .. Какъ скажутъ это,—онъ чѣмъ попало, тѣмъ и свиснетъ. На той недѣлѣ парня чуть до смерти не зашибъ. Да плюнули...

— А за что старшій-то сынъ его убилъ младшаго?

— А кто ихъ знаетъ, в. в.! Давно, вѣдь, ужь это дѣло-то было. А слухъ есть, что будто изъ-за дѣвчонки изъ-за одной. Говорятъ, будто, она на убійцу-то и доказала...

*) Скупщина -это складчина на пиво и вино натурой и деньгами по случаю церковнаго праздника.

— Что же, она жива и теперь?

— Почему не жива? Жива: замужемъ ужь давно; ребятишки подростать начинаютъ.

— Хорошая она баба?

— Хорошая, примѣрная эта баба. Вскорѣ послѣ убійства-то ее и выдали.

— Кто же взялъ ее, если знали, что она любила убитаго?

— Да отчего не взять, в. в.? Вѣдь тотъ убитъ, такъ ужь что... Въ нашемъ крестьянскомъ быту это дѣлу не помѣха. Какъ бы она стаскалась съ кѣмъ... а то, видно, этого не было.

— И за хорошаго человѣка вышла?

— Тоже хорошій человѣкъ... смирный, честный мужикъ... Все его у насъ Алехой Долгимъ зовутъ... это прозвище, а настоящая-то фамилія Пожарскихъ.

— Старикъ говоритъ, что какой-то Алеха Долгій тоже была свидѣтелемъ убійства.

— Это онъ и есть, в. в...

— Это странно.

— Ужь такъ видно Богу угодно было, в. в. Не знаю, правда ли, а врали прежде, что Марья-то пошла въ лѣсъ за покойничкомъ... Примѣтила ли что она недоброе, или ужь сердце чуло... а Алеха-то увидѣлъ, что она пошла, такъ опять за ней по что-то пошелъ... и ему тоже она люба была. Будто такъ дѣло было, а, кромѣ того, кто ихъ знаетъ?..

— И хорошо они живутъ?

— Почему не хорошо,—хорошо живутъ. И Алексѣй и Марья добрые люди, такъ... Да и не въ кого имъ худымъ-то быть: вся родня у нихъ смирная. Можетъ и Марьѣ-то лучше, что покойничка убили, а не то, какъ за котораго Еремѣевича вышла бы, такъ натерпѣться бы ей было!..

— А развѣ покойникъ тоже нехорошій человѣкъ былъ?

— Нѣтъ, этотъ, говорятъ, выродокъ былъ,—въ мать пошелъ. Да всѣ другіе-то семейники въ старика удались. А какъ бы за убійцу-то угодила, такъ укоротали бы ей вѣку то, какъ и старухѣ-то Еремѣевой. Да, вѣдь, всѣ они вотъ какой народецъ, в. в.: сказызаютъ, ни одной панихиды не отпѣли надъ покойничкомъ; а вотъ Алексѣй-то Долгій,—вѣдь, что бы тотъ ему,—наравнѣ съ родителями въ поминанья пишетъ «убіеннаго Алексія»... Алексѣемъ тоже покойника-то звали. А можетъ онъ, мученикъ, самъ молитвенникомъ за нихъ предстоитъ предъ Господомъ; можетъ, изъ-за его мученическихъ молитвъ и домъ-то Долгаго—какъ полная чаша. Даромъ что семья у нихъ большая и все малъ-мала меньше, а нужда никакой ни въ чемъ не знаютъ. Вотъ не давно Долговязый то новый амбаръ подъ хлѣбъ срубилъ. Говорятъ, и деньжонки ведутся. И все это, в. в., вѣдь, не злымъ дѣломъ какимъ... не то, что у дѣдушки Еремѣя. Оттого у этого все прахомъ и разнесло... и Богъ знаетъ, достанется ли что кому! А вотъ Алексѣю-то ли, Марьѣ ли послѣ мученика какъ-то перо досталось зеленое... павлинье, такъ они его о сю пору за образомъ воткнуто держатъ; потому, видоки сказываютъ, какъ поутру освѣтитъ его солнышко, такъ какъ будто кровь мученическая проступаетъ на немъ... алая такая... Говорятъ, какъ проступитъ она—и солнышко веселѣе заиграетъ, а какъ спрячется—и солнышко облачкомъ задернетъ. Шибко дивятся наши диву этому дивному... Самъ я не видалъ... не доводилось, а видоки на то многіе есть.

IV.

Проказы лѣшаго.

Въ половинѣ іюня 186. года я получилъ отношеніе становаго пристава, которымъ онъ приглашалъ меня въ Монастырскую волость для нахожденія при вскрытіи трупа младенца мужскаго пола, найденнаго въ колодцѣ. Путь лежалъ мимо становой квартиры. Здѣсь, кромѣ становаго, я нашелъ уѣзднаго врача съ лѣкарскимъ ученикомъ, и мы двинулись къ мѣсту происшествія всѣ вмѣстѣ. Пріѣхавъ на послѣднюю станцію, я пригласилъ еще волостнаго засѣдателя въ качествѣ депутата при предстоящемъ слѣдствіи.

Монастырекъ собственно не волость въ оффиціальномъ смыслѣ, а маленькая группа деревушекъ, съ населеніемъ около 100 душъ. Это такая мѣстность, куда самъ Макаръ телятъ не гоняетъ; она лежитъ среди обширнаго, покрытаго лѣсомъ болота, въ сторонѣ отъ проѣздныхъ дорогъ, верстахъ въ 25, и то, быть-можетъ, семисотенныхъ, отъ ближайшаго селенія.

Большую часть этихъ 25 вертъ, которыя, какъ говорятъ, какая-то баба клюкой мѣряла, мы прошли пѣшкомъ, часто проступаясь въ болотистой почвѣ и запинаясь о пни и колоды. Только изрѣдка встрѣчались суходолы; но ничто

не веселило взора: однѣ болѣзненно-тощія ели разсѣяны кругомъ по болотистому желто-зеленому фону. Между тѣмъ сѣверное солнце вступило въ свои права. Разговоры не клеились, потому что всѣ мы находились подъ вліяніемъ тягостнаго утомленія. Я попробовалъ завести разговоръ съ ямщиками, чтобы узнать по крайней мѣрѣ слухи о происшествіи, которое мнѣ предстояло обслѣдовать; но попытка эта не имѣла успѣха.

— Да не доводилось намъ и бывать въ этомъ въ Монастырькѣ, ваше высокоблагородіе, отозвался одинъ изъ ямщиковъ. Дѣловъ тамъ не бывало, да и монастырчане-то къ намъ рѣдко бываютъ. Сами видите, какое дикое мѣсто у нихъ... и дороженки-то дѣланой пѣтъ къ нимъ. Тамъ и крещеные-то пополамъ съ лѣшаками живутъ. Вонъ и лонись *), сказывали, лѣшакъ дѣвку уносилъ....

— Какъ такъ?

— Ей Богу, говорятъ, не благословясь въ лѣсъ пошла. Вотъ, вѣдь, каковъ народецъ тамъ, в. в!.. Дикій народъ! А еще крещеными прозываются.

— А что же дѣвка-то вышла отъ лѣшаго?

— Вышла, говорятъ. Ужь въ избѣ у лѣшака догадалась перекреститься; такъ сосѣди еле живую подъ колодиной посередь болота нашли... на другой день никакъ.

Наконецъ вдали показалось поле. Мы повеселѣли. Даже лошади стали бодрѣе. Мы сѣли въ повозки и съ неслыханнымъ въ Монастырькѣ звономъ нѣсколькихъ колокольчиковъ вдругъ въѣхали въ первую деревушку.

Тотчасъ же замѣтили мы 3-хъ мужиковъ. Оказалось, что

*) Прошлаго года.

это были очередные караульные при трупѣ. Мы тутъ-же осмотрѣли его, и оказалось, что онъ значительно разложился.

Резиденціей свой мы избрали домъ, ближайшій къ трупу и колодцу, изъ котораго первый вытащенъ. Первымъ нашимъ дѣломъ было позаботиться о самоварѣ, а за тѣмъ и объ обѣдѣ. За самоваромъ послали къ священнику, котораго велѣли пригласить къ себѣ. Становой занялся распоряженіями о сборѣ народа, докторъ принялъ на себя заботы о столѣ, а я отъ нечего дѣлать отправился на крыльцо, которое уже успѣла окружить толпа ребетишекъ, почему я и захватилъ съ собой нѣсколько кусковъ сахару.

Когда я вышелъ, робкая толпа отодвинулась, но не разбѣжалась, замѣтивъ, что я сѣлъ на ступеньку. Бойчѣе другихъ оказалась дѣвочка лѣтъ 6. Она выдвинулась поближе ко мнѣ и стала внимательно меня разсматривать.

— Подойди ко мнѣ, дѣвушка. Чья ты?

— А не подойду.

— А я тебѣ чего-то далъ бы.

— А чего бы ты мнѣ далъ?

— Сладкаго, сахару.

— А что сахаръ?

— Сладкое, я говорю.

— Ну, а покажи.

Я показалъ. Дѣвочка подумала.

— Нѣтъ, не пойду, все-таки сказала она.

— Отчего-же?

— А какъ ты лѣшакъ?..

— Да съ чего же ты взяла, что я лѣшакъ?

— А ишь на тебѣ какая лопотина-то некрещеная.

— Нѣтъ, я человѣкъ крещеный.

— А ну-ка перекрестись.

Я перекрестился. Дѣвочка подошла ко мнѣ нерѣшительно. Я подалъ ей сахаръ, но она все таки не взяла.

— Ты сперва самъ поѣшь, сказала она.

Я откусилъ. Дѣвочка опять подумала.

— Да... А какъ ты лѣшакъ, такъ тебѣ-то ничего, а мнѣ какъ бы лягушъ не народить.

— Какихъ лягушъ?

— А вонъ лонись Машку лѣшакъ-отъ уносилъ; да какъ она у него напилась, такъ послѣ много, много лягушъ народила.

— Правду ли ты говоришь? Не врешь ли?

— Ишь ты—врать! Нѣтъ братъ, кто вретъ, такъ того на томъ свѣтѣ за языкъ повѣсятъ. Попробуйко, поври ты, такъ узнаешь.

— А гдѣ тотъ-то свѣтъ?

— Не знаю... тамъ! Тутъ она махнула на удачу ручонкой.

— Ну, такъ возьми же, отвѣдай.

— А перекрестися ты три раза.

Я перекрестился. Дѣвочка взяла кусокъ, перекрестилась и стала нерѣшительно его грызть.

— Про какую Машку ты говоришь?

— Про какую?... Про Чешихину. Право такъ! Хоть кого спроси. Нѣтъ, братъ, ужь я-то не совру.

Между тѣмъ маленькая дикарка вошла во вкусъ: сахаръ ей видимо понравился. Сначала она стала посмѣиваться, потомъ оборотилась къ своимъ, показывая имъ кусокъ, и побѣжала, а за ней бросилась вся толпа. Я остался одинъ, озадаченный сообщеннымъ мнѣ правдивой дѣвочкой свѣдѣніемъ о рожденіи Машкой Чешихиной лягушекъ.

Но вотъ, показался священникъ, а за нимъ посланный нашъ съ самоваромъ и какая-то женщина съ чайными чашками и чайникомъ на подносѣ. Я отрекомендовался священнику и мы вмѣстѣ съ нимъ вошли въ домъ. Тамъ мои спутники также познакомились съ нимъ. Это былъ человѣкъ почтенной наружности, уже далеко не молодой и, какъ послѣ оказалось, словоохотливый. Правда, тридцатилѣтнее, почти безвыходное, житье въ такой пустынѣ, каковъ Монастырекъ, наложило на него печать нѣкоторой дикости, но изъ всѣхъ рѣчей его видно было, что это человѣкъ съ сердцемъ, способнымъ откликаться на все то, что требуетъ отвѣта отъ сердца.

Докторъ и становой продолжали заниматься принятыми на себя обязанностями: одинъ не служебными, а другой-служебными. Я остался для бесѣдованія съ почтеннымъ священникомъ.

— Скучно вамъ здѣсь, батюшка?

— По началу скучно было, ваше высокоблагородіе, а теперь очень, весьма хорошо.

— Приходъ вашъ, какъ видно, бѣдный: можетъ-быть, вы нужду терпите?

— Нѣтъ, благодареніе Всевышнему, никогда не ропталъ на Промыслъ. Я здѣсь дѣтей воспиталъ. И вотъ, одинъ сынъ вышелъ во священника тоже, другой служитъ въ палатѣ государственныхъ имуществъ и ужь чинъ получилъ... Двухъ дочерей пристроилъ... А больше мнѣ что, ваше высокоблагородіе? Прихожане меня любятъ: азъ есмь пастырь добрый... Не хвастая, говорю, в. в: спросите у любаго. Я у нихъ не ищу, а они меня не обойдутъ. Здѣсь ужь мы со старухой, в. в., и кости

свои, видно, похоронимъ. Смирный здѣсь народъ, в. в. Вотъ что для нашего брата хорошо. Иной случится, по глупости, и обзоветъ непригоже... Ну, и скажишь ему: «иди съ миромъ». А послѣ тотъ же грубіянъ, яко Закхей мытарь, четверицею воздаетъ тебѣ. Есть этакіе люди, в. в.: я ужь это знаю. Дикіе они—это такъ, а Бога боятся. Вотъ здѣсь какой народъ, ваше высокоблагородіе: я не люблю, какъ скотъ тиранятъ; въ церкви не смѣлъ объ этомъ сказать... какъ отцу благочинному покажется!.. А такъ на сходкѣ сказалъ: братцы, говорю, Господь сказалъ: «блаженъ, иже и скоты милуетъ». Вѣдь, перестали, в. в. Человѣка, я говорю, обижайте, когда совѣсть есть: онъ самъ отвѣтитъ; а скотина безотвѣтна. Вотъ и вы, в. в., помилуйте нашихъ-то. Безъ вины, вѣдь. виноваты... Смирный народъ!

— Батюшка! мы винить никого не желаемъ, но согласитесь, что ребенокъ въ колодезь брошенъ: вѣдь, онъ также живое существо... и тоже безотвѣтное...

— Это точно, в. в... Мудро вы мыслите; только, можетъ, и со стороны кто-нибудь...

— Да согласитесь: кто можетъ рѣшиться идти сюда, худо за 25 верстъ, съ такимъ товаромъ?...

— Точно такъ. Одному Господу извѣстно... Неизслѣдимы пути Его!

Между тѣмъ самоваръ скипѣлъ. Все наше общество размѣстилось по лавкамъ и скамьямъ вокругъ стола.

— Мнѣ кажется, батюшка, у васъ народъ очень суевѣренъ?—спросилъ я священника.

— Это точно: дикій народъ! Какъ это вы-то, в. в., изволили это усмотрѣть?

— Да я-то, можетъ-быть, и ошибаюсь; но мнѣ показалось, что здѣсь очень крѣпко вѣрованіе въ лѣшихъ.

— Точно такъ, точно такъ, в. в.: сами видите, въ какомъ лѣсу мы живемъ. Вотъ наступитъ вечеръ, такъ услышите: какъ пѣтухи начнутъ перекликаться. Вонъ у насъ на родинѣ... тоже сторона лѣсная, а этой нечисти много меньше. Только чего ихъ бояться? Сколько разъ своимъ-то твердилъ, что именемъ Господнимъ бѣси изженутъ, что передъ крестнымъ знаменіемъ бѣжитъ всякая нечистая сила! Сколько разъ себя въ примѣръ выставлялъ: вотъ какъ я, говорю, ничего не начинаю не благословясь, такъ и не страшусь никакого навожденія нечистаго. И это точно, в. в., ни разу меня лѣшій не важивалъ, ни водянаго я не видывалъ. Впрочемъ, этихъ водяныхъ у насъ почти что нѣтъ: Господь избавилъ... Видали же другіе подъ Пежемской мельницей чертовку... космы расчесываетъ; однако я не видалъ, хотя и приводилось проходить мимо и не во благовременіи. Раза по два слыхалъ же, что какъ будто что-то плещется, да думаю, не рыбешка ли играетъ... Все это много разъ толковалъ имъ я, а они, глупые, говорятъ: ты—попъ, такъ оттого, видно... Вотъ какой народъ здѣсь, господа почтенные!

— Скажите, пожалуста, батюшка, что это за слухъ, будто одна дѣвица здѣсь лягушками разрѣшилась?

— Это точно... Марія Чешихина. Это точно случилось... на память Исаакія Далматскаго. По священству скажу, в. в., это точно было. Я самъ и лягушъ видѣлъ... велѣлъ ихъ въ банѣ сожечь... Вотъ опять скажу, какой здѣсь народъ простой. Сколько разъ поучалъ я: благословляйтесь, когда пьете и ѣдите... и на чашахъ, изъ

которыхъ піемъ... такъ нѣтъ! Напилась, глупая, изъ болота, не осѣнясь крестомъ. Я говорилъ ей, да запирается: я, говоритъ, перекрестилась. Да меня не обланешь. Однако, господа почтенные, нельзя съ нихъ за это и взыскивать: народъ простой. Вонъ у меня и пономарь тоже вздумалъ было вольнодумствовать. Я говорю, что̀ бываетъ отъ этого, и примѣръ привелъ: у насъ на родинѣ этакъ-то одна дѣвица змѣю выкинула... Такъ не вѣритъ: давайте, говоритъ, хоть цѣлое ведро болотной воды, не благословясь, при васъ высосу,—а ничего не будетъ... развѣ вырветъ. Однако я пригрозилъ: отцу благочинному, говорю, донесу на тебя, такъ онъ и языкъ прикусилъ. У насъ отецъ благочинный—строгій: онъ не то, что воду, такъ и вино пить претитъ; а паче не въ мѣру и не во благовременіи.

— Да онъ самъ пьетъ, вмѣшался становой,—да еще какъ!

— Это точно, в. б., отвѣтилъ батюшка, немного приподнимаясь,—пьетъ, да не такъ, какъ другіе грѣшные.... нашъ братъ. Вотъ и нынѣ, въ февралѣ мѣсяцѣ, вызывалъ онъ насъ со старостой къ себѣ съ книгами. Я, говоритъ, сами видите, пью, да не такъ: я воздержаніе знаю. По священству скажу, говоритъ, отецъ, что съ тѣхъ поръ, какъ во іерея рукоположенъ, не осквернилъ устъ ни словомъ непотребнымъ, ни козлогласованіемъ бѣсовскимъ. Другой, говоритъ, приметъ малую толику, да и пошелъ: «Посѣяли дѣвки ленъ»! А по-моему не такъ, говоритъ: пой хвалебную!... Все одно веселіе, да не то. Или къ боли позовутъ, говоритъ,... я во всякое время готовъ: и съ трудомъ, а требу исполню. Я хоть цѣлый штофъ выпью, а отъ дѣла не прочь.... не лѣнивъ. Какъ бы всѣ

такъ пили, такъ я-бъ и рукой махнулъ.... Вотъ за это-то я и получилъ.... Тутъ отецъ благочинный показалъ на камилавку.

Мы кончили чай, а обѣдъ ужь былъ на-готовѣ.—Отецъ Ликаріонъ отказался отъ трапезы, такъ какъ она была скоромная, и ушелъ, пообѣщавшись явиться по первому требованію.—Мы сѣли за столъ. Вотъ входитъ моя знакомая дѣвочка. Мнѣ пришло на мысль, что сахаръ ей понравился.

— Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?

— А какъ? Анюткой.... извѣстно.

— Хочешь еще сахару?

— Нѣтъ, отвѣтила дѣвочка нерѣшительно.

— Да подойди сюда.

— Дѣвочка подошла.

— Вотъ, возьми, сказалъ я ей, подавая кусокъ сахару.

Протянувъ ручонку и посмотрѣвъ въ блюдо, изъ котораго мы ѣли, она сказала:

— А какъ ты не лѣшакъ, такъ по что по постнымъ днямъ молочное ѣшь?

— Мнѣ батюшка позволилъ.

— А врешь! Смотри какъ за языкъ-отъ на томъ свѣтѣ повѣсятъ.

— А тебѣ жаль меня будетъ?

— А таковскій....

— Да вѣдь ты сама сейчасъ сахаръ ѣла; а онъ тоже молочный: видишь бѣлый.... изъ молока дѣлается....

— А мнѣ что? Мнѣ еще семи годовъ нѣтъ: мнѣ и до обѣдни о праздникахъ даютъ....

— Ну, такъ прощай.

— Нѣтъ.

— А не уйдешь. такъ я тебя за лѣкаря замужъ выдамъ....

Дѣвочка стала пятиться, потихоньку отворила дверь— и удрала.

Мы кончили обѣдъ.—Докторъ предложилъ намъ со становымъ дать ему вопросы, на которые онъ долженъ будетъ отвѣчать. Мы редактировали вопросы такъ:

1) Отъ чего послѣдовала смерть младенца?

2) Убитый, и если убитый, то какимъ образомъ, брошенъ онъ въ колодезь; или же живой?

3) Живой или мертвый онъ родился?

4) Если живой, то сколько времени прошло между рожденьемъ его и смертiю.

5) Сколько времени прошло, приблизительно, со времени его смерти?

Докторъ вскрылъ трупъ, и прежде, чѣмъ написалъ протоколъ вскрытiя и свидѣтельство, словесно сообщилъ мнѣ свои выводы въ такомъ видѣ:

Ребенокъ вполнѣ развитъ и родился живой.

По всей вѣроятности, онъ умеръ вслѣдъ за рожденiемъ.

Смерть послѣдовала отъ задушенiя; но задохся ли онъ въ колодцѣ, или задушенъ ранѣе, чѣмъ брошенъ туда, опредѣлить невозможно.

Умеръ онъ приблизительно не болѣе двухъ и не менѣе одной недѣли назадъ.

Заранѣе зная содержанiе медицинскаго свидѣтельства и полицейскаго дознанiя, я, не ожидая, пока то и другое будутъ облечены въ форму, приступилъ къ слѣдствiю, которое началъ повальнымъ допросомъ всей крошечной во-

лости; и прежде всѣхъ спросилъ мѣстную повивальную бабку и хозяина колодца, въ которомъ найденъ трупъ. Первая сказала, что въ послѣднее время, если она и принимала дѣтей, то всѣ они живы; за совѣтами къ ней никто не обращался; женщинъ и дѣвицъ, которыя бы разрѣшились безъ нея, она не знаетъ; кромѣ ея никто въ волости повивальнымъ искусствомъ не занимается; хотя и были признаки беременности у Марьи Чешихиной, но оказалось, что это отъ лягушекъ. Хозяинъ колодца показалъ, что кто сдѣлалъ надъ нимъ такую издѣвку—онъ не знаетъ; въ его же семействѣ, кромѣ жены, которая и до сихъ поръ беременна, взрослыхъ женщинъ нѣтъ. Показанія всѣхъ остальныхъ обыскныхъ людей были сходны до самыхъ мелкихъ подробностей.

— Ну, какъ ты думаешь, чей это ребенокъ?

— А Господь его вѣдаетъ, в. б. У насъ не кому; развѣ изъ другой волости кто.

— Да кто же пойдетъ къ вамъ такую даль съ этакой ношей?

— Ужь мы сами ума не приложимъ, в. б.

— Да, вѣдь, вонъ говорятъ же, что у Марьи Чешихиной былъ большой животъ, да вдругъ опалъ?

— Врали это, точно. По началу на Сеньку Буторича ляпали.... будто съ нимъ; а послѣ враки и вышли.... понапрасну бѣдную дѣвку безчестили: это въ ней лягуши завелись.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ, в. б. Лонись ее лѣшакъ уносилъ.

— Лѣтомъ?

— Да ужь передъ осенью: канунъ кануна Семенова ни. При мнѣ и дѣло-то было.

— Ну, такъ разскажи все скраю.

— Пошли мы это въ лѣсъ за скотиной; и людно насъ было; и Машка-то съ нами пошла. Солнышко ужь на закатѣ было: лѣшаки ужь начали поухивать. Подходимъ мы къ Коровьему Повороту. А это мѣсто самое нечистое у насъ слыветъ: кого-кого тутъ не важивало! На что скотина—и та тутъ то и дѣло блудится. Видно тутъ что не самый некошной водится. Идемъ это мы, и видимъ, Машка отставать стала; да ну, думаемъ, мало ли за чѣмъ дѣвкѣ отстать понадобилось.... догонитъ! А сами все идемъ, да идемъ; а ее все нѣтъ да нѣтъ. Вотъ мы и сомнѣваться начали, и голосъ стали подавать: «Машка»! А она и голосу не подаетъ... только лѣшаки отводятъ.... гагайкаютъ: «Машка! Машка!»—ровно дразнятся. Что дѣлать! Мы всѣ воротились—и о скотинѣ не думаемъ: человѣкъ пропадаетъ.... какъ бы судьбища не было. Разошлись мы это по лѣсу; другъ другу голосъ подаемъ; ну, и Машкѣ тоже. А только лѣшаки гугукаютъ, да дразнятся. Ужь поздно стало. Собрались мы вся ватага: какъ, братцы, быть?... Какъ отвѣчать начальству станемъ? Сперва надумали сказать: знать не знаемъ, и не ходила она съ нами. А другіе стали говорить: нельзя. Всѣ сосѣди видѣли, какъ мы съ ней пошли. — Тутъ дѣвчушка такая съ нами была.... недоростокъ. Та и говоритъ: да она съ Сенькой съ Буторичемъ ушла: я, говоритъ, сама видѣла.—Какъ такъ?—А такъ, говоритъ: еще какъ впередъ шли, такъ онъ издали манилъ кого-то; а послѣ, какъ Машка отстала, онъ позади ея идетъ.... а тутъ и пропали! Я, говоритъ, это своими глазами видѣла.—Ну, думаемъ, не ладно дѣло. Какой тутъ Сенька! Сенька еще съ обѣда на

посадъ ушелъ.... работы къ зимѣ искать; и харчей на недѣлю взялъ. А ей, глупой, это показалось. — А тебя не манилъ, говоримъ мы этой Пушкѣ дѣвочкѣ?—Манить-то, говоритъ, манилъ, да я перекрестилась. —Вотъ, пришли мы домой. Сказали Машкинымъ отцу и матери—и десятнику объявили. Тѣ говорятъ: куда мы въ этакую ночь пойдемъ! Быватъ, и сама выползетъ. Вотъ и утро пришло—нѣтъ. И день проходитъ—нѣтъ. Подъ вечеръ опять собрались мы волостью: какъ быть? И надумали всѣмъ идти.... отыскивать: что будетъ!.., Какъ пришли къ тому мѣсту, гдѣ она потерялась, да и сговорились, чтобы всякой шелъ, благословясь, прямо, чтобы ни за что никуда не сворачивалъ.... это для того, чтобы лѣшакъ отъ мѣста не отвелъ. Какъ пошли этакъ,—вскорѣ Машка и голосъ подала. Глядимъ: а она ни жива, ни мертва на трясинѣ такой, возлѣ ляги *) лежитъ. Какъ тебя, суку, занесло сюда?—Молчите, говоритъ, послѣ все разскажу. Это дивно намъ показалось, в. б., что наканунѣ близь самого этого мѣста проходили, а ничего не видали, не слыхали: вотъ, вѣдь, какъ нечистый надъ крещеными издѣвается!... Видно, отвелъ какъ-нибудь.

— Что же она-то, Машка-то, вамъ разсказывала послѣ.

— А все разсказала по правдѣ: какъ ее мать на походѣ выбранила; какъ ее подхватило вдругъ; какъ она очутилась у лѣшаго въ избѣ; какъ обмѣнка **) качала; какъ потомъ догадалась перекреститься; какъ послѣ того подъ

*) Лужа.

**) Такъ называется ребенокъ, унесенный лѣшимъ и оставленное, взамѣнъ его послѣднимъ, собственное нечистое дитя.

колодиной въ болотѣ очутилась; какъ изъ ляги воды напилась... все, какъ есть, по-правдѣ разсказала!

— Почему же ты знаешь, что по правдѣ: можетъ-быть, она вретъ?

— Нѣтъ, какъ можно врать въ такомъ дѣлѣ! Слово въ слово такъ же разсказываетъ, какъ и старики... До того тоже бывали такіе случаи. Да вотъ ты, в. в., лучше саму Машку допроси: она лучше разскажетъ... сама была, такъ...

— Хорошо. А какъ же послѣ того у ней животъ выросъ?

— А какъ? Изъ ляги воды напилась, такъ оттого лягуши завелись... Это тоже бываетъ. Вонъ и батюшко разсказываетъ, что на ихней сторонѣ этакъ же одна дѣвка змѣю выметнула.—Да чего! Я не одинъ лягушъ то досматривалъ!

— Это такъ; но какъ же ты объяснишь, что Машка ровно черезъ девять мѣсяцевъ съ того дня, какъ ее лѣшакъ унесъ, лягушъ выкинула, и у ней брюхо опало?

— А какъ напилась воды изъ ляги, да и все тутъ... это бываетъ.

— Какъ же самъ ты говорилъ, что одна дѣвочка видѣла, что въ то время, какъ вы съ Машкой ходили въ лѣсъ скотину искать, канунъ кануна Семенова дня, около васъ вертѣлся Семенъ Буторинъ; а между тѣмъ слухъ былъ, что у нея съ нимъ...

— Ой, в. в., да вѣдь она лягушъ выметнула, а Сенька-то парень совсѣмъ, какъ есть... Все общество лягушъ видѣло. Какъ отъ Сеньки лягушамъ завестись?—А что Пушкѣ Сенька показался, такъ, вѣдь, нечистый угораздится во всякомъ образѣ показаться. Я знаю: моего батюшку тоже этакъ водило... сказывалъ покойникъ.

— Ну, а что же говорили у васъ про связь Машки съ Сенькой?

— Врали все! Таковская ли эта дѣвка! Такіе ли у нея родители!... Строгіе это люди: у нихъ не только съ парнемъ сволочиться дѣвка, а и поглядѣть-то ласково не смѣй. Да чего: и по вечерованьямъ-то не пускаютъ, а не то что...

— А что Сенька-то тогда нашелъ работу на посадѣ?

— А нѣтъ. О Семеновѣ же дни и вышелъ. У всѣхъ хозяевъ, говоритъ, былъ, да ничего не могъ доспѣть *). И его тоже въ ту пору, в. в., водило, да скоро догадался. Пошелъ, говоритъ, прямо лѣсомъ, да какъ примѣтилъ, что не ладно идетъ, такъ перекрестился. Какъ перекрестился, вдругъ и захохотало: «А, говоритъ, догадался»!...

— Много же у васъ лѣшихъ-то!

— Людно, в. в.

Переспросивъ сосѣдей, я потребовалъ Машку. Та явилась вмѣстѣ съ отцомъ. Послѣдній никакъ не могъ согласиться, чтобы я допрашивалъ ее въ присутствіи одного депутата, и я уступилъ его настоянію. Машка оказалась молоденькой, 18 лѣтъ, дѣвушкой, съ довольно красивымъ и живымъ лицомъ, несмотря на его легкую болѣзненность.

— Всѣ сосѣди говорятъ, что у тебя былъ животъ большой и вдругъ опалъ не задолго передъ тѣмъ, какъ нашли въ колодцѣ ребенка, обратился я къ Машкѣ...

— За три дня, в. в., отозвался за нее отецъ... это отъ лягушъ... это всему міру извѣстно.

*) Сдѣлать, успѣть.

Я замѣтилъ отцу, что отвѣчать на мои вопросы, которые не обращены непосредственно къ нему, онъ не долженъ, и что если онъ не будетъ молчать, когда его не спрашиваютъ, то я его вышлю вонъ. Мужикъ обѣщалъ молчать.

— Ты что скажешь? опять обратился я къ Марьѣ.

— Да то же скажу, в. в., что и всѣ крещеные говорятъ...

— То-есть, что-же?

— Отъ лягушъ: лягуши во мнѣ развелись. Какъ лѣшакъ-отъ носилъ меня лонись, такъ я изъ ляги болотной воды напилась.

— Разскажи пожалуста, какъ это тебя лѣшакъ носилъ?

— Все тебѣ разсказывать?

— Все... скраю.

— Да страшно, вѣдь. .

— Ничего, все разсказывай... я не боюсь.

— Осенесь, канунъ кануна Семенова, дня... ладно-ли я молвила, батюшка?

Тотъ подалъ видъ, что ему запрещено говорить.

— Собралось насъ людно... скотину пошли искать, на Коровій Поворотъ,—потому все больше туда скотину уводитъ. Только я мѣшкотно оболокаюсь... страшно... мѣсто такое не баское *). А матушка и осердчай на меня: «что ты, говоритъ, сука, копаешься»? «А боюсь, говорю, матушка»! Она говоритъ: «не лѣшакъ унесетъ, а и унесетъ, такъ»....

При послѣднихъ словахъ Марьи, отца ея покоробило. Онъ не вытерпѣлъ, и сказалъ.

*) Некрасивое, нечистое.

— Почто пустяки врать?

— Виновата,—болѣ не буду, батюшко. Такъ это я обмолвилась, глупая.

— Этого и писать не почто, в. б., сказалъ мнѣ отецъ Марьи.

Я напомнилъ ему, что онъ обязанъ молчать и велѣлъ Марьѣ продолжать свой разсказъ.

— Вотъ, только пошли мы. Подходимъ къ Коровьему-то Повороту, а мнѣ и захотѣлось.... пріотстать то-есть....

Тутъ Марья какъ будто замялась, но ее на этотъ разъ выручилъ депутатъ:

— Ну, извѣстно, дѣвичье дѣло: его высокоблагородіе понимаетъ, вѣдь.

— Ну пріотстала, а близко.... и голоса всѣ слышны: на сумеркахъ ужь было. Догоню, думаю. Только вдругъ, какъ свиснетъ что-то! Такъ у меня ноженьки-то и подкосило. Тутъ опять какъ завьется вокругъ меня вихорь, да меня и подхватило! И пошло.... Тутъ ужь меня совсѣмъ изъ памятоньки вышибло....

Марья задумалась.

— Это точно бываетъ, замѣтилъ депутатъ.

— Извѣстное дѣло, Алексѣй Ивановичъ, отозвался отецъ Марьи.

— Не знаю я, долго-ли-коротко-ли я безъ памяти была; не знаю, что со мной въ ту пору и было. Только, какъ опамятовалась я,—вижу на лавкѣ лежу.... Хоть и темно было, а я таки осмотрѣлась кругомъ; и запримѣтила я, что лежу ногами къ переднему углу; избища матерущая.... лѣсъ такой красный, кондовый *); все въ избѣ,

*) Боровой.

какъ есть: и печь, и голбецъ, и лавки, и столъ въ переднемъ углу—все какъ у крещеныхъ, только на божницѣ, замѣсто образовъ, ставень стоитъ.... Ой, думаю, матушка, почто ты—экъ избранила меня!

— Не ляпай пустяковъ то, сказалъ Марьѣ отецъ, отворачиваясь сердито въ сторону.

— Нѣтъ, вѣдь, это бываетъ, Ефремъ Ивановичъ, замѣтилъ депутатъ.

— А ты, Марья Ефремовна, продолжай разсказывать попорядку, сказалъ я.

— Вотъ, в. б., оглянула я все. Вижу еще, что окна полы, а въ окна лѣсъ дремучій такъ и упирается Слышу я далеко гдѣ-то какъ будто сосѣди гаркаютъ: «Машка, Машка»! А подъ окномъ-то какъ ухнетъ какой-то мужикъ толстымъ голосомъ тоже: «Машка, Машка»! Шибко я перепугалась. Перекреститься хочу—не на что...

— Ой ты, глупая.... какъ тебя величать... Марья Ефремовна! замѣтилъ депутатъ: да ты бы такъ перекрестилась.... на востокъ....

— Не догадалась я, глупая, Алексѣй Ивановичъ!

— То-то, сказалъ отецъ Марьи: ты поклонись его благородію и Алексѣю Ивановичу,—тебя добру учатъ.

Марья отвѣсила почтительные поклоны мнѣ, депутату и, сверхъ того, отцу, приговоривъ послѣднему:

— И тебѣ, батюшка!

— Всю правду сказывай, сказалъ послѣдній: какъ было... ты знаешь меня,... а пустяковъ не ляпай!

— Ладно-хорошо, батюшко! Хайлаетъ онъ, а я и голосу своимъ подать не смѣю. Лежу все на лавкѣ, да слушаю: что, думаю, еще будетъ!—Только, вотъ, вдругъ дверь

сама отворилась.... это такъ мнѣ почудилось.... Вошла большая такая бабища.... еле въ дверь влѣзла. Сама несетъ подойникъ съ молокомъ. Какъ это, думаю, ничего не стукнуло, а дверь сама собой отворилась? Только ужь послѣ запримѣтила, что у нихъ дверь-то въ избу отворяется.

— Вотъ какъ! замѣтилъ депутатъ, очень заинтересованный разсказомъ Марьи: я еще этого не слыхалъ,—а, вѣрно, такъ.

— Такъ, точно такъ, Алексѣй Ивановичъ,—отозвался Ефремъ Ивановичъ.

При этомъ Марья мелькомъ улыбнулась, и стала продолжать.

— Вошла она, а сама на меня и не глядитъ. Поставила подойникъ на лавку и въ голбецъ пошла.... заскрипѣло такъ. Вышла потомъ изъ голбца съ кринками и молоко разливать стала. Ужь не знаю я, Алексѣй Ивановичъ, обратилась Марья къ депутату,—свои-ли у нихъ коровы, али нашихъ они выдаиваютъ?

— Говорятъ, и свои есть; а только я, братъ, не знаю отозвался Алексѣй Ивановичъ.—Самъ тутъ не былъ я, в. в., добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Не знаю ужь я, Алексѣй Ивановичъ, а только вдругъ входитъ въ избу большой такой мужикъ. И не перекрестился, и не присѣлъ; и говоритъ этой бабѣ: «Вотъ я тебѣ работницу принесъ: не обидь». «А коли будетъ робить, такъ и отъ меня обиды не будетъ», сказала лѣшачиха.... Я ужь вижу, Алексѣй Ивановичъ, куда я....

Тутъ Марья заплакала, утирая глаза рукавомъ.

— Это точно бываетъ, в. в., обратился ко мнѣ депутатъ.

— Точно, точно бываетъ, сказалъ Ефремъ Ивановичъ.

— Чтоже дальше было? спросилъ я Марью.

—«Садись, говоритъ, къ зыбкѣ: обмѣнка качай». Гляжу—и въ правду зыбка виситъ, а въ зыбкѣ младенъ лежитъ и реветъ.... жалостно таково.... Я встала, перешла къ зыбкѣ, стала качать,—а младенъ и затихъ.... «Ишь, говоритъ лѣшакъ, чуетъ крещеную кость! Даромъ, что обмѣнокъ». «Ой, сказала лѣшачиха, нелюбъ мнѣ этотъ обмѣнокъ: другаго-бы мнѣ». «А гдѣ я возьму? Нѣтъ нынѣ», говоритъ лѣшакъ.—А я знай качаю. Опять, слышу, наши кричатъ: «Машка, Машка»! «Постой ужо, говоритъ лѣшакъ лѣшачихѣ: «Надо отвести». Самъ пошелъ. Я опять слышу, какъ наши меня гаркаютъ.... и столь близко. А потомъ все тише, тише, да и совсѣмъ неслышно стало.

— Ну, такъ и есть: отвелъ, опять вмѣшался депутатъ. А тебѣ бы, глупой, тутъ-то и перекреститься.

— Не смѣла при нихъ-то, Алексѣй Ивановичъ.

— Ну, такъ сама виновата.

— Да ужь знаю я теперечи это; а что дѣлать—близокъ локоть, да не укусишь.—Только вотъ воротился лѣшакъ. «Ужнать давай», говоритъ лѣшачихѣ.... «домой пошли»... Это про нашихъ-то онъ сказалъ. Лѣшачиха собрала на столъ; только скатертки не постлала, а такъ.... на голый. Сѣли они, а ни рукъ не помыли и не благословясь. И меня зовутъ: «Иди, говоритъ, лѣшачиха, и ты садись».

— Не хочу, я говорю, тетушка. «Ну, говоритъ, не хошь, такъ какъ хошь: губа толще—брюхо тоньше». А сами, слышу, такъ за обѣ щеки и уписываютъ.... и ложекъ не облизываютъ.

— А что они ѣли-то? спросилъ депутатъ.

— А кто ихъ знаетъ Алексѣй Ивановичъ: хоть и тем-

но было, а огня они не вздували. Сперва она что-то изъ печи доставала,—я не знаю что,—а потомъ молока, кажись, изъ голбца приносила..., такъ изъ крипки прямо и жрали. Какъ пришло имъ вставать изъ-за стола, лѣшачиха опять мнѣ говоритъ: «ѣшь, коли хошь: я и убирать нестану, да и обмѣнка-то накорми». А я и говорю: ѣшьте сами-то во здравье.—Какъ сказала я это, лѣшакъ всталъ изъ-за-стола и вышелъ изъ избы, да какъ захохочетъ: «хо, хо, хо, хо, хо»! А тамъ широко по лѣсу стали откликаться другіе лѣшаки: хо, хо, хо, хо, хо! Трескотокъ по лѣсу пошелъ. А этотъ потомъ заголосилъ: «Ѣшьте во здравье! Ѣшьте во здравье»! Ну, и другіе тамъ тоже: ровно пѣтухи перекликаются. Потомъ этотъ-то подошелъ къ окошку, да какъ свиснетъ, да какъ ухнетъ,—тутъ ужь, сама не своя, я перекрестилась.... И вдругъ все пропало!

— Ну, такъ вотъ тото-же и есть, замѣтилъ депутатъ, нетерпѣливо поворачиваясь па лавкѣ.

Марья, какъ будто не обращая на это вниманія, продолжала:

— Вдругъ очутилась я.... какъ ужь и сказать?... Съ той стороны колодина, съ другой—пень; тамъ—сукъ въ рожу упирается; тамъ—въ спину чѣмъ-то колетъ. И мокро, и студено. Нельзя пошевелиться. Всякій суставчикъ, всякая косточка болитъ.... намялъ, видно, окаянный. А теметь такая вокругъ. Лѣшаки все гаркаютъ. Вотъ это лежу я и думаю: дождусь красна-солнышка, а тамъ что будетъ. Долга мнѣ, в. б., эта ноченька показалась: ни другу, ни недругу, ни злому татарину не хочу я напасти этакой. Только вотъ красна зорюшка зарумянилась. Перекрести-

лясь я, да и давай колоды отодвигать, сучья ломать, разный соръ выбрасывать... И вотъ, какъ взойдти солнышку—я совсѣмъ выскреблась. Слышу, птички трепещутся.... чирикаютъ. А я! Пересохло мое горлышко: пить охота страшная! Вотъ и поползла я... Доползла я до ляги,—вотъ, гдѣ и нашли меня крещеные.... Какъ доползла—и напилась. Горька мнѣ эта вода показалась!

— А перекрестилась-ли ты передъ тѣмъ? спросилъ Марью депутатъ.

— А ужь и не помню, Алексѣй Ивановичъ: самъ видишь.... не въ умѣ была.—Только какъ напилась, такъ на животѣ-то у меня и заурчало что-то, а вокругъ на зарѣ то, такъ лягуши и квакаютъ, а лѣшаковъ ужь не слышно стало. Вотъ пригрѣло меня солнышкомъ, я и забылась; и долго, долго спала: только подъ вечеръ разбудилась; слышу, наши ищутъ меня.

Тутъ Марья остановилась.

— А какъ лѣшачиха-то ходитъ? спросилъ ее депутатъ.

— А просто, Алексѣй Ивановичъ: отъ нашихъ бабъ почитай не отличишь: только шары *) у нея шибко велики мнѣ показались. И лѣшакъ-отъ тоже.

— Ну, лѣшаковъ то ужь мы знаемъ, а вотъ видока на лѣшачиху-то мы не встрѣчали. Да, это она вѣрно сказываетъ, в. в., замѣтилъ мнѣ депутатъ.

— Такъ точно, Алексѣй Ивановичъ,—отозвался отецъ Марьи.

— А какъ-же, спросилъ я, какая-то Пушка сказывала сосѣдямъ, что передъ тѣмъ, какъ ты пропала, видѣла, что тебя манилъ Сенька Буторичъ и потомъ былъ близъ тебя.

*) Шары—глаза, глазища.

— Никакого Сеньки не видала я, ваше благородіе.... не помню: можетъ, ей такъ показалось.

— Это можетъ быть, в. в., вступился депутатъ: вѣдь лѣшакъ и за̀все въ какого-нибудь знакомаго оборачивается. А велика-ли эта Пушка-то? спросилъ онъ отца Марьи.

— Да недоростокъ еще, Алексѣй Ивановичъ, отвѣчалъ тотъ,—годовъ двѣнадцати, не знаю, будетъ-ли.

— Такъ что, замѣтилъ Алексѣй Ивановичъ,—можетъ большимъ-то и не видно, а отъ младена не укрыться нечистому.

— Это вѣрно. Алексѣй Ивановичъ, замѣтилъ отецъ Марьи.

— Теперь объясни мнѣ, Марья, отчего у тебя животъ выросталъ? спросилъ я

— Не ужто ты еще не догадался, в. б.? отвѣдала Марья.

— Нѣтъ.

— А старые-то люди говорятъ отъ того, что, не благословясь, воды изъ ляги напилась. Это точно правда. Послѣ того. какъ подняли меня въ лѣсу-то. за̀все стало на животѣ урчать, а ину пору слышу, какъ будто что-то тамъ поворачивается. Тамъ смотрю и брюхо прибывать стало: ой, думаю, что это со мной доспѣлося? Батюшку съ матушкой, всѣхъ сосѣдей спрашиваю: а что. говорятъ, либо отъ лягушъ, либо отъ змѣй.

— А какъ-же потомъ опалъ у тебя животъ?

— А богомолка.... странница пособила, в. б. Дай ей, Господи, много лѣтъ здравствовать!

Тутъ Марья перекрестилась.

— Какъ-же она тебѣ пособила? Все разсказывай, какъ было.

— А вотъ какъ, в. б. Зашла къ намъ эта странница.... сперва она сказывала, будто думала, что у насъ монастырь, али икона какая явленная, потому что волость Монастырекъ прозывается,—да вретъ: я ужо послѣ разскажу, почто она къ намъ пришла. Такая просужая, рѣчистая.... ровно соловеюшко безъ умолку поетъ: все про угодниковъ, да про Іерусалимы разсказывала: гдѣ какія чудеса сотворились, гдѣ какія озера есть, гдѣ какъ у угодниковъ рученьки сложены, гдѣ изъ камня вода сама собой пробивается, гдѣ изъ какого образа масло течетъ.... все этакое, да по хорошему.—Живетъ она у насъ день, живетъ другой; гдѣ она, тутъ и мы собираемся.... все слушаемъ. Только, вижу я, она на меня все какъ-то этакъ посматриваетъ, а почто—спросить не смѣю. Стану этакъ стороной рѣчь пригонять, а она, будто нарочно, на другое вдругъ переведетъ, а на меня все смотритъ, да головушкой про себя покачиваетъ.—Всѣхъ она у насъ ублаготворила: всякому про его ангела все разсказала.... Такая ей честь была! Передъ походомъ ужь она и къ намъ пришла.... Мы ее всѣмъ.... да она ничего не пьетъ, не ѣстъ, окромѣ постнаго. Сварили мы ей на дорогу уху изъ харьюза, такъ и той съѣла ли, не съѣла ли съ полчашечки; только трубочку полотна ввернула же я ей, такъ что и сама она этого не запримѣтила. Тутъ почитай вся волость собралась, и всякій ей пихаетъ кто гривну, кто пятакъ серебра, кто два пятака, а кто и болѣ того.... чтобы ихнимъ ангеламъ, какъ дойдетъ до котораго, такъ бы либо свѣчку поставила, либо молебенъ отпѣла. А все мѣдью давали. Ой, говоритъ, христіане, какъ я донесусь съ этимъ: вѣдь, мнѣ многія тысячи верстъ странствовать; да какъ-бы и

не потерять. Лучше, говоритъ, вы сами здѣсь.... все равно молитва-то до Бога дойдетъ. Такъ нѣтъ, пристали всѣ къ ней: нѣтъ, говорятъ, самому-то угоднику, такъ все виднѣе будетъ! Лучше мы тебѣ на бумажки обмѣнимъ. Взяли у нея мѣдныя, сбѣгали къ старостѣ церковному, и принесли все бумажками. Только вотъ собралась она; помолилася, со всѣми попрощалася—и поплыла! Я опять ввернула ей серебряный двугривенничекъ: загодя *) припасенъ былъ. Всей волостью пошли мы провожать ее до очапа **). Вотъ, дошли. Опять она со всѣми въ конецъ распрощалася. Всѣ и пошли. А мнѣ говоритъ она: «попроводи-ко ты меня еще сестра.... мнѣ тебѣ надо словечко сказать». Взяла я это у нея котомочку, и пошли мы съ ней въ волокъ. «Знаешьли ты что, сестра»? вдругъ спросила она меня.

— Нѣтъ, говорю я, сестрица, не знаю: я человѣкъ простой....

— А, вѣдь, нездорова ты?

— Ой, шибко нездорова!

— Знаю я, чѣмъ ты нездорова: у меня у самой это бывало.

— А какъ такъ, матушка?

— А вотъ какъ. Шли мы по одинъ годъ этакъже отъ Соловецкихъ къ Селиверсту, новому чудотворцу. Людно было нашей сестры-странницъ; ну, и странники были же. Вотъ, и присталъ къ намъ дѣтина, изъ купцовъ сказывался, изъ какого-то города вашей-же губерніи. По обѣщанью шелъ къ угоднику. Разговоръ такой! И начетчикъ

*) Заблаговременно.

**) Рычагъ, посредствомъ котораго отворяются ворота въ поля.

большой.... почитай не хуже нашей сестры все знаетъ. Вотъ, идетъ онъ съ нами, и все на меня поглядываетъ; а самъ черноглазый, чернобровый такой. Страшно мнѣ стало. Вотъ, вѣдь, кажись, и все-бы тутъ. А нѣтъ! Отъ Селиверста преподобнаго пошли мы всѣ къ Бѣлозерскимъ. А онъ, не знаю, тамъ-ли отъ насъ остался, али домой вернулся,—только идемъ мы, а мнѣ все непоздорову. Потомъ вижу, вотъ какъ у тебя-же, сталъ и животъ прибывать....

— Такъ какъ-же ты, матушка?

— А пообѣщалась я сходить въ семьдесять монастырей, въ семьдесятъ пустыней, къ семидесяти явленнымъ образамъ Богородицы. Какъ обошла я семь монастырей, семь пустыней, помолилась семи Богородицамъ, и стало у меня все менѣ, да менѣ. А теперечи, видишь, и совсѣмъ пропало,—а еще не обошла я всего, что обѣщалась. И къ вамъ, вѣдь, сестра, я какъ попала? Слышу, ваша волость Монастырекъ слыветъ. Я и думаю: заверну.... все обѣщанью исполненье, каковъ ни есть монастырекъ. Только и вижу я сонъ... Ты когда имянинница бываешь?

— На Марью Магдалину, грѣшница! Такое ужь попъ прозвище далъ.

Странница усмѣхнулася, да и отвѣтъ держитъ:

— Такъ и есть: твой ангелъ мнѣ во снѣ снился: «гряди, говоритъ, въ монастырекъ. Тамъ отыщи дѣвицу и помоги ей. Это тебѣ за все обѣщанье засчитаютъ на небѣ». Вотъ какъ я къ вамъ попала! Могу тебѣ помогчи, вотъ какъ и себѣ помогла.

— Да у тебя, матушка, съ глазу было, а у меня, вѣдь, не то....

Тутъ я и разсказала, такъ же какъ и твоему благородію. Только, какъ договорилась я до того, какъ меня вихорь подхватилъ, она перебила меня:

— Знаю, знаю, говоритъ. У васъ сторона лѣсная— тебя лѣшакъ носилъ. Такъ неужто ты съ лѣшакомъ-то?

— Нѣтъ, матушка: что ты! Отъ этого то сохрани меня, Господи!

— Да, вѣдь, съ него съ окаяннаго не что возьмешь.

— Нѣтъ, матушка.

Тутъ стала я ей дальше разсказывать, опять потому же, какъ и твоему благородію; а она знай поддакиваетъ только: «такъ, такъ, говоритъ, знаю, знаю! бываетъ это». А какъ договорилась я до того, какъ изъ болота воды напилась, она такъ и охнула.

— Ой, говоритъ, сестра! Вѣдь, не по хорошему ты это сдѣлала! Лучше-бы не пить тебѣ, а перетерпѣть бы какъ-нибудь.

— Что дѣлать! Нынѣ и сама вижу, что не слѣдъ бы, да, видно, близко локоть, а не укусишь!

— Не змѣя-ли въ тебѣ завелась?

— Нѣтъ: отъ змѣй насъ Богъ помиловалъ.

— Ну, такъ, видно, лягушки развелись Какъ можно изъ болота пить! Вотъ и мы, странные, какъ идти въ долгой волокъ, такъ все беремъ ключевой водицы не то въ бутылочку, не то въ туесокъ по вашему *).

— Не знаешь ли, матушка, чѣмъ бы мнѣ помогчи?

Богомолка подумала, подумала, да и говоритъ:

— Вотъ что. Не обѣщалась ли ты кому?

---

*) Берестяный буракъ.

— Ой, нѣтъ! Смѣялись этта надо мной дѣвки-то: Буторичемъ корили, да врутъ!

— Нѣтъ, не Буторичу, а какому-нибудь угоднику?

— Нѣтъ, и угоднику никакому не обѣщалась.

— То-то. Бываетъ Божіе попущеніе, когда кто обѣщанья не исполнитъ: великій это грѣхъ!

— Нѣтъ, матушка, на мнѣ такого грѣха.

— А потрудись ты: пообѣщайся, да и сходи хоть въ Кіевъ, а не то еще лучше, 500 верстъ за Кіевъ, къ Почаевской Божіей Матери: большія чудеса тамъ ежеденъ бываютъ!

— Нѣтъ, матушка, не можно этого. Пообѣщайся я, а наши знаю, что не отпустятъ; а пообѣщайся, да не исполни, такъ еще больше распучитъ. Помоги ты мнѣ лучше инымъ чѣмъ, коли ужь ты про меня видѣнье видѣла.

— Знаю, знаю... дѣлать нечего.... полюбилась ты мнѣ ласковая.... ты мнѣ и котомочку понесла.... и жаль мнѣ тебя... Только смотри, до времени, никому не сказывай— лучше муку вытерпи: ни про видѣнье мое, ни про то, чего я дамъ тебѣ.

Тутъ стала она въ своей котомкѣ копаться, и вытащила маленькую такую бутылочку—такъ съ косушку—и на бутылочкѣ этой слова какія-то написаны. Вытащила, перекрестилась, и говоритъ:

— Вотъ, эта водица дороже для меня злата-сѐребра, всякаго каменья самоцвѣтнаго: въ этой водицѣ разведена слезка Пресвятой Богородицы Троеручицы. Возьми, глони глоточекъ, благословясь, да съ вѣрой.

Вотъ глонула я немного; подала богомолкѣ бутылочку, а на животѣ-то у меня такъ и заворочалось.

— Ну, что? спросила странница.

— А развѣ не слышишь?

— Какъ не слышать,— слышу. Теперь иди съ миромъ. Спасибо тебѣ за ласку. Только смотри-же, молись теперечи и денно и ночно Троеручицѣ Пресвятой Богородицѣ, да, какъ можно, постись. А про видѣнье и про это никому не ляпай.

— Ладно, ладно! Только дай ты мнѣ еще глонуть для вѣрности.

— Ой, ты, неразумная! Вѣдь, этого все равно, хоть море выпей, хоть каплю единую глони—лишь-бы вѣра была.

— Да вѣрить-то, матушка, я вѣрю.... какъ не вѣрить! Знаю, вѣдь, я, какъ не повѣришь, такъ и не поможетъ. Только въ томъ сомнѣваюсь я: не мало-ли.... дошло-ли до утробы-то?

— Какъ-же не дошло: я, вѣдь, слышала, какъ у тебя заурчало.

— Да заурчать-то оно заурчало, да думаю не отъ другаго-ли чего?

— Ой, ты сестра неразумная! Вѣдь, не гороху-же ты объѣлась. Иди съ вѣрой, да дѣлай, какъ я учила.

Вотъ распрощались мы съ богомолкой. Пришла я домой, да и ну Богу молиться! И день и ночь—все поклоны бью... до шишки на лбу наколотилася. Свои не надивятся:

— Что ты, дѣвка, шибко богомольна стала? Не въ монастырь-ли за богомолкой идти собираешься?

— Молчите ужо! До времени не велѣно сказывать.

Только все болѣ и болѣ пучитъ меня; болѣ и болѣ въ животѣ урчитъ, да ворочается; все болѣ и болѣ молюсь я Пресвятой Троеручицѣ; пить, ѣсть совсѣмъ перестала. По-

томъ меня въ концѣ изъ силы выбило, и мутить стало. Инда матушка испугалася: «что ты, дѣвка, говоритъ?» «Ой, говорю, ничего: дайте мнѣ одной еще Пресвятой Богородицѣ помолиться, какъ богомолка научила меня.» —Гдѣ еще за-свѣтло уползла я на повѣть въ горницу, и какъ доползла — такъ на постелю и мякнулась! Дологъ часъ я мучилась. А потомъ ужь меня и изъ памяти вышибло. Опамятовалась я, какъ ужь широко разсвѣтало. Вижу—по горницѣ все лягуши скачутъ.... большія такія! Ой, думаю, какъ да опять влѣпятся! Закричала я не своимъ голосомъ. Прибѣжала матушка, да такъ и охнула. Давай лягушъ выгонять, а тѣ, знай, скачутъ въ разныя стороны, да шлепаютъ. Побѣжала матушка по сосѣдей. Пришли сосѣди. Всѣхъ лягушъ перебили, затопили печку въ банѣ, да туда ихъ и бросили. Такъ вотъ отчего у меня, в. б., животъ пучило! Вотъ какъ я лягушъ выжила!

— А чѣмъ-же у тебя лягуши вышли? спросилъ я Марью.

— Извѣстно чѣмъ.... горломъ, надо быть: и теперь еще такъ и зудится въ немъ. Ой, в. б.! Лихо мнѣ было! Такъ лихо, что и теперь лютому врагу-татарину закажу воду пить болотную! Правду-ли я тебѣ сказываю—допроси сосѣдей, всѣхъ до единаго: всѣ они сами видѣли. Да и батюшко скажетъ: онъ надо мной и молитву читалъ и святой водой кропилъ; онъ велѣлъ и лягушъ-отъ не въ избѣ, а въ банѣ сожегчи: опоганятъ, говоритъ....

Марья кончила свое показаніе. Я прочиталъ ей записанное почти слово въ слово:

— Такъ-ли?

— Точно такъ, все какъ есть, въ одинъ голосъ сказали и она, и ея отецъ, и депутатъ.

Послѣдній сказалъ мнѣ комплиментъ по тому случаю, что я записалъ показаніе собственными словами допрашиваемой.

— Прежде, замѣтилъ онъ, не такъ водилось: когда слѣдствія производили исправники да засѣдатели, такъ показанія отъ себя, изъ своей головы писали; а тутъ не урвешь: какъ есть!—Ну, братъ, и ты, Марья, бой-дѣвка! Другая-бы такъ испугалась, а ты, какъ есть, все обсказала.... право! прибавилъ Алексѣй Ивановичъ, обращаясь къ Марьѣ, видимо довольный ея показаніемъ.

Марья улыбнулась.

Я пріостановился производствомъ слѣдствія, чтобы напиться чаю. Опять собралось наше чиновничье общество вокругъ стола. Пришелъ къ намъ и добрый священникъ, и принесъ трехъ большихъ харьюзовъ на уху къ ужину.

Во время чаю было разсказано нѣсколько анекдотовъ о похожденіяхъ и проказахъ лѣшихъ, одинъ другаго занимательнѣе. Между тѣмъ, докторъ и становой, въ виду увѣсистыхъ харьюзовъ, согласились, пока я окончу слѣдствіе, подождать меня.—Покончивъ чай, всѣ, кромѣ меня и доктора, отправились гулять по окрестностямъ.

Я допросилъ отца и мать Марьи. Они подтвердили показанія дочери; но мать заперлась въ томъ, что посылала дочь къ лѣшему.

Семенъ Буторинъ также не сообщилъ ничего новаго, кромѣ того, что когда, канунъ кануна Семенова дня, онъ пошелъ на посадъ, такъ его тоже лѣшакъ водилъ.

— Какъ-же онъ тебя водилъ? полюбопытствовалъ я.

— Да, вѣдь, какъ? Извѣстно, какъ водитъ.

— Все-таки ты разскажи.

— А вотъ такъ, в. б., началъ Сенька весьма развязно.

Пошелъ я на посадъ—работы на зиму искать.... да съ дуру-то выгадать хотѣлъ: не по дорогѣ пошелъ, а прямо лѣсомъ. Думаю—что? Съ нами крестная сила! Вотъ это иду. Ужь верстъ съ пятокъ за Коровій Поворотъ этотъ подался... только вдругъ вижу—догоняетъ меня мужичекъ. Поздоровкались. Вижу, рожа ровно знакомая.

— Здорово, знакомый, говоритъ.

— Здорово, говорю: да какъ тебя по имени-то звать?

— А неужто не помнишь, какъ мы лонишную зиму у Степана Поліевктовича на заводѣ робили?

— Да съ рожи-то ты мнѣ примѣтенъ; только прозвища на память не возьму.

— Да неужто не помнишь Олеху съ Рогачихи, голова?

— Ой, лѣшакъ тебя возьми! И въ правду Олеха. Да куда тебя лѣшакъ несетъ этимъ мѣстомъ?

— А на посадъ пошелъ... на зиму хозяина искать.

— Такъ пойдемъ, Алексѣй: вдвоемъ веселѣе будетъ. Найдемъ-ли только, паре, работу?

— Какъ не найдти! Слышно, нынѣ будетъ работы завально.

— Ладно бы это.

— А нѣтъ-ли, Сенька, у тебя табаку понюхать?

— Ой, голова! Развѣ не знаешь, что я не нюхаю?

— Такъ-то такъ, да шибко охота; а свою тавлинку *) потерялъ.

Вотъ, идемъ мы съ нимъ; только я примѣчаю, что не такъ идемъ.

— Паре! Вѣдь, не ладно мы идемъ.

---

*) Берестяная табатерка.

— Что ты, голова! Мнѣ, вѣдь, не въ первой здѣсь.... знаю, вѣдь, я.

Попошли мы еще; я ужь по солнышку вижу, что неладно идемъ.

— Нѣтъ, братъ, стой, Алексѣй, не водитъ-ли насъ? Не на той сторонѣ солнышко закатывается.

— Да, вѣдь, поводитъ, поводитъ, да и отстанетъ: далѣ посада не заведетъ.

— Нѣтъ, постой: ужо-ко я перекрещусь.

Какъ перекрестился я, Алексѣюшко мой сталъ рости да рости, да и загагайкалъ: «Догадался! Догадался»! Только смотрю я вокругъ.... опознаюсь.... вплоть за Коровьимъ Поворотомъ очутился.—Домой идти—облаютъ.... не повѣрятъ. Взялъ, да и пошелъ напрямикъ: думаю, будь, что будетъ. Подался я верстъ пятокъ, да такъ въ лѣсу и ночевалъ.—Такъ вотъ, в. б., хотѣлъ выгадать верстъ десятокъ, а прогадалъ пятнадцать!

— А не встрѣтилъ ты въ это время Марьи?.. Она тоже тутъ тогда заблудилась...

— Нѣтъ! До дѣвокъ-ли мнѣ тутъ было? Съ Машкой-то я и ранѣ-то почти что не видался.

Наконецъ призвалъ я къ допросу маленькую Пушку. Она оказалась Пульхеріей. Это была дѣвочка лѣтъ тринадцати. Она тоже пришла съ отцомъ.

— Какъ Машка пропала лонись, ты была тутъ? спросилъ я ее.

— Какъ не быть! Была.

— Видѣла, какъ къ Машкѣ Сенька Буторичъ подходилъ?

— Да это лѣшакъ изъ Коровьяго, а не Сенька.—Сеньки и близко тутъ не было.

— Да, вѣдь, ты раньше говорила, что видѣла въ то время Сеньку?

— А это мнѣ такъ показалось.

— А можетъ, и вправду Сенька былъ?

— Нѣтъ! Какъ наперво я его увидѣла, такъ ровно Сенька... манитъ, а послѣ, какъ онъ перебѣжалъ съ другой-то стороны, такъ больше сталъ. Какъ выросъ онъ, да загагайкалъ—только ужь тутъ я догадась.

— А ты не врешь?

— А почто врать? Не вру я.

— А врешь! раздался откуда то знакомый уже дискантъ: смотри, какъ дьяволы-то тебя на томъ свѣтѣ за языкъ повѣсятъ! Ты раньше про лѣшака не поминала?

— Ну, ты! сказала, круто повернувшись, Пушка.—Смотри, тебя-то бы не повѣсили!

Я кончилъ допросы. Мнѣ оставалось выполнить самое непріятное для меня слѣдственное дѣйствіе—освидѣтельствовать Марью черезъ врача и женщинъ - экспертовъ; такъ какъ мы съ докторомъ въ вольнодумствѣ пошли еще дальше пьянаго монастырскаго пономаря: мы убѣждены были, что не лѣшакъ ее носилъ и не отъ болотной воды у ней животъ выросъ. Я долженъ былъ взять на себя иниціативу оффиціальнаго посягательства на честь дѣвушки, пользовавшейся въ общественномъ мнѣніи доброю репутаціей. Хотя я и былъ увѣренъ, что такое мое распоряженіе будетъ оправдано передъ закономъ и судомъ результатами его; но мнѣ тяжело было возмущать нравственное чувство всего населенія этого дикаго захолустья. Самъ Алексѣй Ивановичъ, только скрѣпя сердце и въ виду необходимости, согласился подписать постановленіе. Во избѣ-

жаніе скандала, я предполагалъ было вызвать Марью въ городъ и тамъ освидѣтельствовать ее со всѣми предписанными законами формальностями; но докторъ объявилъ мнѣ, что въ такомъ случаѣ будетъ пропущено время и освидѣтельствованіе не дастъ столь рѣшительныхъ данныхъ для заключенія, на которыя онъ теперь разсчитываетъ.— Дѣлать было нечего. Марью осмотрѣли двѣ женщины. Они объявили, что хотя и нашли всѣ признаки разрѣшенія отъ бремени, но къ этому, не на вопросъ, присовокупили, что, можетъ-быть это и отъ лягушъ, что, можетъ быть, лягуши и не черезъ одно горло выходили.

На такое заявленіе Марья сказала, что она въ то время безъ памяти была, такъ противъ этого не споритъ, и что если раньше иначе думала, такъ потому, что послѣ того, какъ изъ нея лягуши вышли, у ней только въ горлѣ скребло.

— Нѣтъ, ужь какъ, голубушка, сказала одна изъ женщинъ, не скребло! Вездѣ, поди, скребло, да ты съ переполоху-то не расчухала. Вотъ, вѣдь, какія притчи бываютъ!

Послѣ этого, по закону, я долженъ бы былъ отправить Марью въ острогъ; но, рискуя маленькою отвѣтственностью, отдалъ ее отцу на поруки.

Само собой разумѣется, что для Марьи этимъ дѣло не кончилось: я представилъ его въ уголовную палату, которая тотчасъ же распорядилась о заключеніи обвиняемой въ тюремный замокъ, а мнѣ прислала указъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: а судебному слѣдователю Попову велѣть указомъ, дабы онъ на будущее время ни подъ какимъ предлогомъ не осмѣливался уклоняться отъ точнаго исполненія предписанныхъ закономъ правилъ о пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣд-

ствія и суда и не руководствовался личными своими убѣжденіями, что въ настоящемъ дѣлѣ достаточно отдачи на поруки и т. д.

Впрочемъ, при рѣшеніи дѣла, палата переложила гнѣвъ на милость: по обвиненію въ дѣтоубійствѣ, она Марью оставила свободною, за неимѣніемъ уликъ, а по обвиненію въ незаконномъ прижитіи ребенка оставила въ сильномъ подозрѣніи. Надобно полагать, и палата убѣждена была, что отъ Сеньки лягушамъ быть не почто... парень, какъ есть....

V.

Не срывай платка съ бомбардирши!

Разъ, по одному дѣлу, привелось мнѣ заѣхать въ Т. волостное правленіе или приказъ удѣльнаго вѣдомства, какъ говорится тамъ по старой привычкѣ и какъ я буду говорить. Остановившись въ зданіи приказа, я нашелъ здѣсь кое-кого изъ волостныхъ начальниковъ, но долженъ былъ долго ожидать подлежавшихъ допросамъ крестьянъ, такъ какъ въ то время началась жатва, и весь народъ былъ въ поляхъ. Отъ скуки, я ходилъ на рѣку выкупаться, при чемъ заключилъ съ ватагою мальчишекъ условіе, въ силу котораго они обязались выловить для меня всѣхъ раковъ въ рѣкѣ, а я—заплатить имъ за то по копѣйкѣ на брата. Контрагенты мои тотчасъ же приступили къ исполненію своего обязательства, а я, полагаясь на ихъ совѣсть, пошелъ въ приказъ. Дорогой мнѣ встрѣтилась какая-то баба, чисто одѣтая и еще молодая. Поравнявшись со мной, она остановилась и привѣтствовала меня по военному:

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!

— Здравствуй, матушка. Ты имѣешь до меня какое-нибудь дѣло? спросилъ я ее.

— Имѣю, имѣю, в. б.

— Какое же у тебя дѣло?

— А развѣ тебѣ наши-то разбойники-то не донесли?... міроѣды-то?

— Какіе это разбойники?

— Да старшина-то эта ихняя.

— Не знаю. Какъ твоя фамилія?

— А фамиль-то у меня нонѣ не какая-нибудь: Ершихой прозываютъ, в. б.

— Не помню я такого дѣла; да скажи въ чемъ оно?

— А опростиволосили! Вотъ, вѣдь, какое у меня дѣло-то!

— Такого дѣла у меня нѣтъ. Да какъ же это опростоволосили?

— А вотъ такъ! Да еще принародно: вотъ, вѣдь, что, в. б.!

— Все-таки я не пойму, въ чемъ дѣло.

— А вотъ пойдемъ въ приказъ. Я, вѣдь, и при нихъ все разбрякаю... Я не боюсь ихъ: мнѣ что!

Мы пошли, и дорогой Ершиха сообщила мнѣ слѣдующее:

— Ты, вѣдь, в. б., государевъ человѣкъ, и я тоже: такъ ты скорѣе по мнѣ потянешь, чѣмъ по нимъ. Они тоже прежде государевы, удѣльные были. А, вотъ, зимусь, государь отъ нихъ отказался—указъ такой выдалъ: не надо, говоритъ, мнѣ васъ... разбойниковъ этакихъ. Ну, а я-то какъ была государева—такъ и осталась. Такъ вотъ они изъ за этого-то на меня и стали палегать.

— Какъ же такъ только ты одна государева осталась?

— А, вишь ты, мужа-то моего въ солдаты взяли, такъ

онъ тоже самому царю служитъ. . присягу принималъ. Да онъ ужь теперь до большаго чину дослужился. И по началу-то онъ не въ простые солдаты попалъ, а въ матросы. Еще тогда все надо мной смѣялись: эй ты, матроска-смоленая....! А теперь онъ ужь чинъ получилъ другой... мудреной такой, что и не выговоришь: банъ-мандель-ли, какъ-ли?

Ершиха засмѣялась, не знаю, надъ собой, или надъ названіемъ мудренаго чина.

—Ну, да какъ придемъ въ приказъ, такъ я тебѣ грамотку покажу.—самъ увидишь, сказала она.

Мы пришли, и она подала мнѣ какія-то бумаги, донельзя засаленныя и отчасти изорванныя. Первая оказалась черновымъ прошеніемъ въ Т. волостное правленіе. Въ прошеніи этомъ значилось, что просительница—матроска Авдотья Ермолаева Ершова, что она жалуется на крестьянина одной съ ней деревни Петра Егорова Молчанова, который, безъ всякаго съ ея стороны повода, во время храмоваго праздника, на улицѣ, принародно сперва обругалъ ее всякими непотребными словами; когда же она не сказала ему противъ его брани ни одного слова, принародно же сорвалъ съ головы ея платокъ, началъ таскать за волосы и всячески немилосердно бить, похваляясь зашибить до смерти, и, можетъ-быть, зашибъ бы, еслибы ее не отняли бывшіе тутъ имя-рекъ, на которыхъ просительница и ссылается, какъ на свидѣтелей.

— Да эта просьба написана въ волостное правленіе, такъ ты и подай ее туда или, все равно, въ волостной судъ, сказалъ я Ершовой, прочитавъ прошеніе.

— Подавала я, да что въ томъ! Вишь, они все по

немъ, по Петрухѣ-то тянутъ: имъ отъ государя отказали, такъ они государевыхъ людей и стали нажимать, а за своихъ-то разбойниковъ стоятъ.—А я на ихній-то судъ плевать хотѣла, а то и хуже—только при твоемъ благородіи молвить непригоже. Вотъ что!

— Ну, плевать не слѣдуетъ.

— Да я, вѣдь, это только такъ говорю, для примѣра...

— Однакожь, ты подавала эту просьбу въ ихнее же правленіе?

— Подавала; только не эту. Да и въ той въ другой то тоже выписано.

— Такъ что нибудь тебѣ объявили же?

— Промололи что-то; да не такъ... неладно! Я ужъ и прошенье-то просила назадъ,—хотѣла подать кому-нибудь изъ городскихъ начальниковъ... та была не столь запичкана... да не отдаютъ разбойники! Прими уже эту, в. б. Да заступись за меня: я государевъ человѣкъ, какъ и самъ ты.

— Матушка! Да вѣдь это такое дѣло, что его волостной судъ рѣшаетъ, и жалобы нѣтъ, если не было какого-нибудь нарушенія порядка.

— Было, было порушенье. Все не по порядку сдѣлано!

— Ну, погоди,—я узнаю.

Я позвалъ писаря.

— Было производство по этой просьбѣ? спросилъ я его.

— Какъ-же-съ,—было.

— А чѣмъ кончено?

— А вотъ я книгу принесу-съ

Оказалось, что судъ, обвинивъ Молчанова, приговорилъ его къ аресту на недѣлю и къ денежному штрафу въ мірской капиталъ.

— Ну, такъ что же тебѣ матушка? обратился я къ Ершовой. Видишь, Молчановъ наказанъ.

— Врутъ это они, врутъ, в. б! И пальцемъ не дотронулись; а не то, чтобы хорошенько взъерепенить....

— Да, вѣдь, онъ изъ за-тебя въ арестантской сидѣлъ, и еще штрафъ заплатилъ. Чего же тебѣ еще?

— А что̀ что заплатилъ? А въ ихнюю-же казну. Мнѣ отъ того не легче...

— Ну, подъ арестомъ сидѣлъ.

— И не сиживалъ онъ ни подъ какимъ подъ арестомъ. Врутъ все!

— То-есть здѣсь, при правленіи недѣлю высидѣлъ, за замкомъ.

— Врутъ, врутъ это они. Все по волѣ ходилъ: я сама сколько разъ видала. Еще надо мной же смѣется. Да наплевала бы я на это: мнѣ хоть сиди онъ, хоть не сиди—все однако! А онъ мнѣ платъ на голову накинь: умѣлъ сорвать, такъ умѣй и накинуть! Вотъ что, в. б. Я не какая-нибудь, а мужняя жена.

— Да будто самой тебѣ тяжело надѣть?

— Тяжело—не тяжело, а онъ сорвалъ, онъ опростоволосилъ—онъ и голову покрой. Мнѣ безъ того въ храмъ Божій нельзя ходить. Хорошо, что батюшка разрѣшилъ: ходи, говоритъ... ничего!..

— Ну, да, вѣдь, ты такъ-то, я думаю, носишь же его?

— И не надѣвывала! Сохрани меня, Мати Пресвятая Богородица, отъ сраму этакого! Ношу, да другіе—есть ихъ у меня, слава Тебѣ, Господи! А того не надѣну; и не взяла и не возьму руками, покуда самъ Петруха не накинетъ.

— Гдѣ же твой платъ?

— Да гдѣ? Надо-быть здѣсь, въ правленіи, какъ не пропили.

— Ну, вотъ ты сама неладно говоришь, матушка.

— А почто неладно? Они не по правилу судятъ, а мнѣ что? Съ меня что возьмешь? Я—государевъ человѣкъ. Какъ бы мнѣ до самого-то царя дойдти, такъ онъ ихъ всѣхъ духомъ бы въ таръ-тарары сослалъ. Самимъ бы имъ такъ насмолили... узнали бы они матроску смоленую... Только идти далеко!

Я освѣдомился у писаря о платкѣ Ершихи, и оказалось, что онъ дѣйствитильно въ правленіи, но она не соглашается взять, если Молчановъ самъ не наложитъ его ей на голову, а Молчановъ на то не соглашается.—Я далъ слово матроскѣ похлопотать объ исполненіи ея желанія. Она видимо осталась довольна и тотчасъ же предложила принести мнѣ малины; когда же я отклонилъ такое предложеніе, она, въ видахъ поощренія и какъ бы по секрету, сообщила мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о своемъ мужѣ:

— Вѣдь, отчего я, в. б., воюю съ ними? На мнѣ не что возьмешь! Я ужь проляпалась было тебѣ, что Ершъ-отъ мой у самого царя служитъ.

Тутъ Ершиха близко подошла ко мнѣ, ткнула пальцемъ въ плечо и чуть не на ухо сказала:

— На одномъ, чуешь, кораблѣ съ царемъ-то плавалъ: такъ ему просто! Такъ де и такъ, царь милостивый!... Обиждаютъ-де.... Насмолили бы имъ! Не вѣришь, в. б., такъ самъ вычитай грамотку: я тебѣ вмѣстѣ съ той отдала. . съ прошеньемъ-то.

Эта грамотка была письмо Ершова къ женѣ.—Я сталъ читать его про себя.

— Нѣтъ ты вслухъ, в. б., да потихоньку, чтобы разбойники то эти не знали,—пусть ихъ!

Ершова, говоря послѣднія слова, погрозила кулакомъ на дверь, ведущую въ комнаты, занимаемыя правленіемъ. Я началъ читать вслухъ; какъ водится, письмо начиналось поклонами. При каждомъ поклонѣ Ершова съ чувствомъ замѣчала:

— Вишь ты какъ выписываетъ!... Золотыя рученьки!

— Золотыя рученьки! сказалъ я ей; да онъ, вѣдь, не самъ пишетъ: за него кто-то другой руку приложилъ. Значитъ, онъ неграмотный?

— Такъ что? Все его же басни писаны.

Когда же я дочитался до поклона Молчанову—«другу моему любезнѣйшему», то Ершова сказала громко:

— Ну, вотъ этому-то не по-что бы. Да не знаетъ, вѣдь, онъ этого.

— Сказала ты этотъ поклонъ?

— Сказать-то сказала... нельзя не сказать, коли въ письмѣ написано, а только отъ себя прибавила, что не по-что бы.

Существо письма заключалось въ postscriptum. Здѣсь Ершовъ прежде всего увѣдомлялъ жену, что онъ плавалъ на одномъ кораблѣ съ Императоромъ и съ Великимъ Княземъ, и что Императоръ пожаловалъ ему награду.

— Вишь ты! Не правду ли я тебѣ сказала? замѣтила Ершова шепотомъ, толкая меня въ плечо.

Далѣе Ершовъ писалъ, что у него теперь подъ начальствомъ сто человѣкъ.

— Эко мѣсто! опять, громко сказала Ершова. Болѣ ста человѣкъ! А поди всѣ говорятъ: здравія желаемъ, в. б! Сказываютъ, у насъ и въ городѣ-то всѣхъ солдатовъ эстолько не наберется.

Потомъ въ письмѣ было объяснено, что, по случаю такого повышенія, Ершовъ очень въ деньгахъ нуждается, потому что теперь, изъ анбиціи, надобно и мундиръ завести не то, что у простаго матроса: такъ нельзя-ли-де сколько-нибудь прислать на подмогу,—а послѣ онъ и самъ не оставитъ.

Въ концѣ письма написанъ адресъ: «№№ флотскаго экипажа бонбандеру, имя рекъ, въ Кронштатъ.»

На это моя собесѣдница не сдѣлала никакого замѣчанія. За то я, въ свою очередь, спросилъ ее:

— Что же, ты денегъ-то послала?

— Нѣтъ. Съ кѣмъ пошлешь? Не прилучилось такого вѣрнаго человѣка. Да опять и послала бы я, да мало-то на что ему? Не посылать же ему рубль, коли онъ въ начальники этакіе вышелъ, коли у самого подъ началомъ болѣ ста человѣкъ, да отъ самого царя награды получаетъ. А много-то мнѣ гдѣ взять?

— Да ты бы хоть простое письмо послала,—хоть и безъ денегъ....

— Безъ денегъ-то?

— Да.

— Послала, послала. Только отъ Петрухи поклона не сказывала; а велѣла написать, что меня опростоволосили.

— Давно ли ты послала?

— А не такъ давно. Тутъ богомолка приходила, такъ съ ней.

— Съ богомолкой?

— А что?

— Да твой мужъ не получитъ: ей не увидѣть его.

— Почто не увидѣть! Она каждый годъ всѣхъ угодниковъ обходитъ.

— Если не вретъ, такъ правда. Да только дѣло-то въ томъ, что въ Кронштатѣ, гдѣ твой мужъ служитъ, и угодниковъ-то вовсе нѣтъ.

— Какъ нѣтъ, коли туда самъ царь наѣзжаетъ? Не на простой-же образъ онъ молится.

— Да нѣтъ.

— Не обманетъ же богомолка: она и въ старомъ Ерусалимѣ была, и въ Новомъ. Пятно на рукѣ показывала.. синее такое! Это ее въ Старомъ Ерусалимѣ запятнали, что была-де тамъ. Эта обманетъ-ли? Она у насъ двои сутки жила.... все о чудесахъ разсказывала. Ей и самой во снѣ святые снятся. Я ей и на дорогу-то дала. А она хотѣла и деньги-то снести,—да только я не надумала.

— Нѣтъ, это письмо не дойдетъ. Тебѣ бы лучше на почту положить.

— Экъ ты, в. б! Да до городу-то, вѣдь, полтораста верстъ!

— Ну, такъ что же? Изъ правленія каждую недѣлю ѣздятъ въ городъ....

— Съ этими-то разбойниками!... Сохрани меня Царица Небесная! воскликнула Ершова, кладя на себя большой крестъ.

— Ну, теперь ты иди; а тамъ я за тобой пошлю: платъ на тебя надѣнут

Бомбардирша ушла въ веселомъ настроеніи.

Я позвалъ помощника старшины.

— Народъ никакъ весь готовъ, сказалъ тотъ, входя. Да на улицѣ ребятишки съ раками.... говорятъ, вы приказали наловить.

— Прекрасно. А между тѣмъ у меня есть до тебя просьба...

— Что прикажете, в. в. б.?

— А вотъ что: не уговоришь-ли ты Петра Молчанова, чтобы онъ надѣлъ на эту солдатку платокъ? Ему, если онъ не дуракъ, это ничего не сто́итъ, а вамъ будетъ лучше, потому что Ершиха говоритъ, что онъ уходилъ изъ-подъ ареста. Можетъ-быть, это и не правда: а все лучше, какъ дѣла не будетъ....

— Сколько угодно, в. б., хоть три плата, такъ надѣнемъ.

— Ну, хорошо. Теперь пусть войдетъ сюда народъ и я сейчасъ приступлю къ дѣлу, а между тѣмъ пусть кто-нибудь сходитъ за Ершихой и Молчановымъ.

Я вышелъ на улицу. Тамъ меня дожидалась толпа мокрыхъ крикуновъ, которые въ подолахъ грязныхъ рубашенокъ держали множество раковъ.

— Всѣхъ ли выловили? спросилъ я.

— Всѣхъ, в. б., отвѣчалъ предводитель толпы, повидимому, старшій лѣтами.

— А вре! возразилъ кто-то: одинъ у Егорши въ омутъ ушелъ.

— Молчи, сказалъ нескромному товарищу предводитель сердито, но въ полголоса. Только ты, в. б., намъ денеги отдай всѣмъ, а Егоршѣ не давай, коли упустилъ....

— Ну, ничего: я и ему отдамъ. Только отнесите сперва раковъ къ сторожу.

— Да и раченокъ-отъ былъ пустой,—ровно муха какая, замѣтилъ кто-то въ толпѣ, вѣроятно, Егорша.

Ловцы, сложивъ, по указанію, добычу и получивъ деньги, съ веселыми криками разбѣжались въ разныя стороны.

Сдѣлавъ нѣсколько допросовъ, я получилъ отъ помощника старшины извѣстіе, что Ершова и Молчановъ пришли. Ихъ позвали.

— Что же, Молчановъ, надѣнешь на нее платокъ? спросилъ я его, указывая на Ершиху.

— Почему-же нѣтъ, в. в. б?

— Ну, такъ идите въ сборную, и тамъ ты, Молчановъ, наложишь его на нее.

— Да тутъ не всѣ наши собраны, в. б.! возразила Ершиха.

— Не всѣ ваши! А за то сколько изъ другихъ деревень? Вездѣ разблаговѣстятъ: вотъ какова у насъ Авдотья Ермолаевна! Добилась-таки своего!

Слова мои подѣйствовали на Ершиху, и она согласилась.

— Ну, ладно, в. б., пусть накинетъ хоть при этихъ, сказала она.

Всѣ мы вышли въ сборную, куда принесенъ былъ и платокъ. Внимательно разсмотрѣвъ его, Ершиха, должно-быть, нашла его въ исправности, подала Молчанову, который и наложилъ его ей на голову.

— Нѣтъ, какъ былъ, сказала она, такъ и повяжи, а этакъ мнѣ не надо!

— Да я не умѣю: вѣдь, я не баба. Какъ бы умѣлъ, такъ что! возразилъ Молчановъ.

Я съ своей стороны поддержалъ Молчанова, находя его

замѣчаніе основательнымъ. Ершиха сама повязалась и значительно оглянула зрителей.

Церемонія кончилась, Ершиха ушла, внѣ себя отъ восторга; каждый мускулъ ея тѣла, казалось, не трепеталъ, а какъ-то странно подергивался.

Часа черезъ два, когда я, кончивъ занятія, готовъ былъ сѣсть въ повозку, Ершиха снова явилась съ корзиной малины.

— Да на что мнѣ это, матушка? сказалъ я.

— А хоть дорогой покушаешь: не столь тоскливо будетъ. А наберуху-то *) ямщику отдай... вывезетъ: это— вѣрный парень.

— Лучше сама кушай.

— Ой ты, в. б.! Да захочу, такъ, вѣдь, этого дерма-то у насъ слава Богу!

Вѣрный парень принялъ корзину, и мы тронулись, напутствуемые благожеланіями Ершихи.

— Ой Ермолаевна, Ермолаевна! сказалъ ямщикъ, будто самъ себѣ.

— А что? спросилъ я его.

— Да ужь шибко занозлива нынѣ стала.

— Отчего такъ?

— Да вотъ такъ. Сама-то о себѣ она бы баба хорошая: золото—не работница! И поведенья добраго: вотъ сколькой годъ окромѣ мужа живетъ, а ничего такого не слыхать за ней.... ну и въ семьѣ уживчива... Только какъ мы изъ-подъ конторы-то вышли... подъ посредниковъ то-есть, такъ она все собачиться, дразниться стала:

*) Корзина для собиранья грибовъ и ягодъ.

«вамъ, говоритъ, царь-то отказалъ, а я, говоритъ, по прежнему казенная осталась». Ну, да это что! И мы ей на то: ой ты, матроска-смоленая!... Ну, и ничего.—А тутъ, какъ мужъ отписалъ ей, что чинъ какой-то получилъ-надо-быть писарь на смѣхъ написалъ, а она и за правду думаетъ, какой это чинъ! При в. в. и сказать непригоже; да она сама, поди, сказывала?

— Да, бомбардирша.

— Ну, такъ и есть, в. в. сказалъ, смѣясь, ямщикъ.— Такъ послѣ этого она еще занозливѣе стала: слово скажешь—какъ сабака облаетъ! Вѣдь, вотъ и съ Молчановымъ-то она же болѣ виновата.

— Какъ-же такъ?

— А вотъ какъ, в. в. О Троицынѣ дни у нас храмовой праздникъ, такъ общество пиво варило... скупштына была... Молчановъ навеселѣ былъ; встрѣтилъ онъ Ермолаевну-то, да и спрашиваетъ: «куда, говоритъ, ползешь, смоленая»?... Да тутъ чинъ-то ея и молвилъ. Какъ взъяритъ Ермолаевна, да и брякъ: «А въ Усолье по соль собралась: не хошь-ли вмѣстѣ, Петръ Егоровичъ»?—Такъ, вѣдь, вотъ что она, в. в., брякнула!

— Ну, такъ что-же тутъ такое?

— А нельзя этихъ словъ говорить Молчанову: хоть вы, хоть кто скажи ему: «каково Петръ Егоровичъ по соль въ Усолье съѣздилъ, такъ что подъ руку попадетъ— тѣмъ и пуститъ: человѣка, одинока, чуть не до смерти жердью ушибъ... въ острогѣ сидѣлъ. Хорошо еще, что въ ту пору въ рукахъ ничего не случилось,—такъ только потрепалъ.... эту Ершиху-то....

— Отчего-же онъ не любитъ этого?

— А кто его знаетъ, в., в.! До того онъ солью переторговывалъ, такъ въ Усолье ѣздилъ. Только что-то и случилось съ нимъ одинова: поѣхалъ на подводахъ и съ деньгами, а домой пѣшій пришелъ—и безъ соли, и безъ денегъ, и. безъ лошадей. Его стали всѣ спрашивать; а ему это нелюбо. Сперва отмалчивался, а послѣ ужь и драться сталъ. Не по что бы этихъ словъ Ермолаевнѣ говорить... Эй, вы, банманделы! крикнулъ ямщикъ, въ заключеніе, на лошадей, которыя, прислушиваясь къ разсказу его, едва переступали съ ноги на ногу. «Грабятъ!» прибавилъ онъ Тройка ринулась, и понеслась, какъ бѣшеная...

VI.

Лѣкарье-самозванцы.

Вообще въ маленькихъ городкахъ, не имѣющихъ никакой промышленности и населенныхъ почти одними чиновниками, да служащими и отставными солдатами, время набора считается самымъ веселымъ временемъ въ году. Святки, Масляница и Пасха, даже взятыя въ совокупности, не даютъ столько удовольствій, какъ наборъ. При томъ же, святочныя, масляничныя и т. п. удовольствія всегда сопряжены съ сверхсмѣтными издержками и скучными хозяйственными заботами; а тутъ—цѣлый мѣсяцъ удовольствій и, вмѣстѣ, нажива! Всѣхъ болѣе радуются набору лѣкаря и начальникъ уѣздной команды внутренней стражи, конечно, не безъ исключеній, особенно въ послѣднее время. Они радуются по причинамъ, столь общеизвѣстнымъ, что распространяться о нихъ нѣтъ надобности. Остальное уѣздное чиноначаліе, хотя и не имѣетъ столь основательныхъ поводовъ радоваться наступленію набора, но все-таки питаетъ разныя розовыя надежды, которыя почти никогда не обманываютъ. Чиновники покрупнѣе всегда впередъ увѣрены, что имъ удастся поиграть въ большую, такъ какъ военный пріемщикъ, — обыкновенно молодой офицеръ,—уже закономъ обязанъ играть, и иг-

рать, для поддержанія чести своего мундира, рискуя значительными кушами. Въ томъ, что пріемщикъ будетъ вести большую игру, почтенные сановники никогда не обманываются; очень рѣдко обманываются они и въ томъ, что прогоны, порціоны и т. д. пріѣзжаго останутся въ ихъ карманахъ: исключенія случаются лишь тогда, когда пріемщикъ, вмѣстѣ съ бѣлыми перчатками, привозитъ и шестой пальчикъ. Мелкіе служащіе и отставные приказные знаютъ, что каждый рекрутъ напишетъ какое-нибудь прошеніе и заплатитъ за трудъ не двугривенный съ придачей полштофа, какъ въ обыкновенное время, а цѣлковый съ четвертной. Радуются набору мелкіе промышленники, разсчитывая на вѣрные барыши. Радуются полицейскіе солдаты, такъ какъ имъ придется получить отъ пьяныхъ рекрутъ по нѣскольку оплеухъ и за каждую оплеуху по рублю, а иногда и болѣе, вознагражденія. Радуются солдаты внутренней стражи, потому что имъ предстоитъ сопровождать новобранцевъ и по пути отпускать ихъ къ роднымъ, конечно, не даромъ. Изъ солдатъ особенно радуются цирюльники, которымъ предстоитъ брать деньги съ тѣхъ, кого они будутъ стричь, и еще болѣе съ тѣхъ, кого стричь не будутъ. Радуются уѣздныя барышни, потому что наборъ сулитъ имъ обновы, танцы и любезность пріемщика. Въ обновахъ и танцахъ онѣ никогда не обманываются; но любезность пріемщика всегда ограничивается тѣмъ, что онъ разъ или два покажетъ имъ какъ откалываютъ суздальцы или тарутинцы, и, за тѣмъ, всецѣло предается пеструшкамъ.—Однимъ словомъ, все въ городѣ радуется набору, за исключеніемъ только сапожника Орлова, да портнаго Воробьева, которымъ шило и иглу приходится промѣнять на штыкъ.

Совершенно противоположную картину представляютъ во время набора деревни: онѣ дѣлаются юдолью плача и рыданія. Хотя теперь, даже въ самыхъ глухихъ захолустьяхъ, крестьяне знаютъ, что солдату житье стало не хуже, чѣмъ въ крестьянствѣ, а иногда даже лучше; но все-таки большинство страшится набора, такъ какъ, не говоря о семейныхъ и другихъ привязанностяхъ, лишеніе работника и сопряженные съ проводинами его расходы, очень часто разстроиваютъ хозяйства, а иногда имѣютъ возмущающія сердце послѣдствія.

Вотъ одинъ случай изъ моей слѣдственной практики.

Только что начался наборъ въ г. В..., какъ въ одно январьское утро явился ко мнѣ полицейскій съ пакетомъ, а при пакетѣ — мужикъ. Послѣдній былъ человѣкъ довольно пожилой, маленькаго роста. Простодушное и доброе лицо его было полно живой и глубокой скорби. Я пробѣжалъ заключавшееся въ пакетѣ полицейское дознаніе, содержанія котораго теперь передавать не буду, такъ какъ оно войдетъ въ подробности настоящаго разсказа, и отпустилъ полицейскаго.

Мы остались съ мужикомъ одни.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я его.

— Меня-то?

— Да.

— А Миканомъ зовутъ, в. б.

— А по отчеству?

— А по отчеству—Ивановичъ.

— Ну, а фамилія?

— Фамиль-та?—А Тархановыхъ.

— Какого ты правленія?

— А нашего правленія, в. б.

— Да какъ оно пишется?

— А нонѣ Гавшенское стало.

Послѣ нѣкоторыхъ другихъ формальныхъ вопросовъ, я прочиталъ Тарханову полицейское дознаніе и спросилъ его:

— Такъ ли тутъ написано, какъ дѣло было?

— Дородно выписано, В. Б.: все, какъ есть, выписано!

— Не хочешь-ли прибавить чего?

— Нѣтъ: почто пустое врать!

— А все-таки подумай: можетъ быть, что нибудь и еще припомнишь.

Мужикъ подумалъ.

— А вотъ что, в. б,—сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ разудумья.—Меня этотъ солдатъ, который къ тебѣ привелъ, дорогой-то надоумливалъ: «смотри ты, говоритъ, голова, денегъ ему не давай, а такъ поконайся; такъ онъ, быватъ, и вдосталь разыщетъ твою потеряху: нонѣ, говоритъ, у насъ большіе-то начальники, опричь наѣзжаго лѣкаря, не берутъ». А я своимъ-то умомъ думаю: не вретъ-ли солдатъ? Быватъ, большіе люди,—такъ только помалу не берутъ, а какъ поболѣ-то сунешь, такъ какъ не взять? Кто себѣ ворогъ? Какъ-бы ты, в. б., мнѣ парня-то выстаралъ, такъ я бы тебѣ всѣ двадцать три рубля посулилъ... вотъ что! Потому—парень-отъ онъ у меня смиреный!

— Нѣтъ, вотъ что, Тархановъ: парня твоего я выстарывать не буду,—это не мое дѣло,—а постараюсь разыскать твою потеряху.

— Такъ хоть потеряху-то разыщи в. б! Мнѣ ты одно сдѣлай: либо парня оставь, либо, коли не хошь, такъ деньги мнѣ возвороти: половина моя, а половина твоя... вотъ что!... А болѣ мнѣ парня-то жаль, потому — смиреный... и работникъ! Мнѣ-бы, вѣдь, что? Нонѣ, сказываютъ, солдатамъ житье стало лучше, чѣмъ во крестьянствѣ. До того хуже каторги было, а нонѣ — солдаты выходятъ, такъ сказываютъ — не хуже поселенья... Дородно бы такъ буде не врутъ! Да парень-отъ онъ у меня золотой работникъ! Что я безъ него?

— Да онъ всѣмъ здоровъ?

— Всѣмъ, всѣмъ, в. б! слава Тѣ, Господи!

Мужикъ перекрестился.

— Ну, можетъ быть, онъ неправильно на очередь поставленъ?

— Какъ не по правилу?—По правилу: пожалиться ни на кого нельзя! Только смиренъ шибко... Какой онъ воинъ!

— Ну, такъ разскажи-же мнѣ, какъ у тебя потеряха случилась; а о сынѣ не хлопочи, чтобы хуже чего не было.

— Ты думаешь, самого не залобанили бы?

— Нѣтъ, не то: а зачѣмъ взятки даешь?

— Да, вѣдь, не я одинъ даю, в. б!... Всѣ даютъ.

— Да зачѣмъ даете?

— А какъ не давать? Люди говорятъ, что лѣкарье то это выстарываетъ... только дай!

— Пусть такъ. Только ты дѣло-то разсказывай.

— Вишь ты, в. б. Тебѣ-то что? А мнѣ-то каково... все про свое горе разсказывать? Колькой разъ я разска-

зываю, а помочи ни съ которой стороны нѣтъ.... Какъ бы зналъ я это ранѣ, в. б., такъ отпѣлъ бы молебну Матушкѣ Пресвятой Богородицѣ, благословилъ бы парня, сказалъ бы ему: «иди, служи Царю вѣрой и правдой; да, какъ воевать будешь,—не обидь крещеныхъ... помни отца и матерь». Вотъ бы что я сдѣлалъ, в. б! А тутъ? Легче бы мнѣ было живому въ могилу легчи; лучше бы мнѣ въ каторгу угодить.... тамъ бы сердце не болѣло такъ! Коли есть у тебя дѣти, в. б., такъ пожалѣй ты меня бѣднаго! Нельзя ли какъ выстарать?

Мужикъ низко мнѣ поклонился; на глазахъ его выступили тугія слезы.

— Выстарать сына я не берусь. Да, вѣдь, самъ ты знаешь, что солдатамъ нынѣ житье хорошее; и домой скоро выходятъ: такъ что тебѣ горевать.

— Такъ-то такъ, в. б.,—да парень-отъ онъ у меня смиреный: обижать станутъ!

— Эхъ, ты! Да нынѣ, вѣдь, только смирныхъ въ солдаты-то и берутъ; такъ кто его обижать будетъ?.. Нынѣ солдатъ не бьютъ... Лучше я постараюсь какъ-нибудь деньги тебѣ воротить!

— А дородно бы было, какъ бы ты мнѣ хоть это-то сдѣлалъ.

— Такъ разскажи же все дѣло скраю,—безъ этого не видать тебѣ ни парня, ни, можетъ-быть, денегъ.

— Такъ все тебѣ скраю разсказывать? спросилъ меня бѣднякъ, сквозь слезы.

— Да.

— А извѣстно: сперва некрутчина вышла, потомъ парню жеребій выпалъ, а тутъ ужъ извѣстно что!

Мужикъ задумался.

— А что же, однако?

— А тутъ извѣстно: люди говорятъ, надо лѣкаря ублаготворить. А чѣмъ сняться? Вотъ я и продалъ Климу пеструху-то... продешевилъ; да пудовъ десятка съ два муки—землемѣру. Тутъ денегъ-то у меня и грудно накопилось: двадцать три цѣлковые съ собой взялъ, какъ сюды поѣхалъ!... Старшина Петръ Игнатьевичъ отпустилъ: «ничего, говоритъ: ты, Миканъ, вѣрный человѣкъ; только навѣдывайся какъ я въ городъ съ некрутами буду: сына, говоритъ. ты мнѣ тамъ приставь». — «Ладно, говорю я, Петръ Игнатьевичъ, приставлю»! Ну, поѣхалъ я. Какъ ѣхали мы по крестьянству, такъ все люди — хрестьяне, ровно, какъ и у насъ: гдѣ Господь приведетъ пристать,—и сами поѣдимъ, и лошадь покормимъ. Только подъ городомъ насилу сѣнца сѣрку выпросили: говоритъ: сами покупаемъ. Вотъ и въ городъ пріѣхали. Ѳедька говоритъ: «куды приворачивать?... Хоромы, говоритъ, все баскія, большущія: на начальника бы на какого не навернуть»! — «Такъ что! я говорю: вороти въ избу, какая похуже». — Вотъ приворотили. Я вошелъ въ избу; помолился. Вижу—хозяйка блины печетъ».

— Здравствуй, говорю, тетушка!

— Здравствуй! говоритъ та. Отколь ты?

— А изъ Гавшеньги. Токо слыхали Тархановыхъ Микана, съ Верхней,—такъ я и есть.

— А почто ты сюды пріѣхалъ?

— А сына привезъ брить, такъ у тебя пристать лажу.

Тутъ она разспросила про все, да все пустое спрашивала; а потомъ говоритъ:

— У насъ не пристаютъ.

— А гдѣ же пристать-то?

— А ѣдь къ Гаврилу Ивановичу.

— Не доведешь ли до него, тетушка?

— Не время мнѣ. А и самъ найдешь: вонъ, въ окно видно.

Тутъ она мнѣ показала Гавриловы-то хоромы. Вотъ, подъѣхали мы, а я ужь догадался: наперво спросилъ: «не здѣсь ли, говорю, крещеные пристаютъ»? «Тутъ и есть», говорятъ. Ну, думаю,—слава Тѣ, Господи!... Добрались! Велѣлъ Ѳедькѣ сѣрка выпрягать, а самъ въ избу поползъ; помолился, разболокся и на лавку сѣлъ. А тутъ нашего брата людно сидитъ. Одинъ,—по одежѣ-то ровно начальникъ какой,—съ мужичкомъ вино пьетъ и что-то хвастаетъ. Я посидѣлъ, да и спрашиваю: «гдѣ, говорю, у васъ тутъ хозяинъ-отъ»? А Гаврило тутъ и есть.

— Что тебѣ? говоритъ.

— А натакалъ бы ты меня, гдѣ этта у васъ лѣкарье стоитъ?

— А ты отколь?

Я сказалъ отколь.

— Стало, удѣльный?

— Былъ удѣльный.

— Есть здѣсь и вашъ лѣкарь.

— Такъ, кто бы меня довелъ до него? Онъ мнѣ начальникъ знакомый; лонись, какъ воспица была на ребятахъ, такъ онъ въ нашемъ приказѣболѣ сутокъ стоялъ.

— Нѣтъ къ этому ты не ходи, потому — дуракъ: денегъ не беретъ; а посулишь — такъ по шеѣ вытуритъ. Да у него, какъ наборъ, такъ и ворота на запорѣ.

— А коли такъ, дядюшка Гаврило, такъ не натакаешь-ли меня на другаго, который посмирнѣе... хоть на русачка на какого ни на-есть: только бы парня-то мнѣ выстаралъ; потому—парень-отъ смиренъ шибко!

— Да, вѣдь, и къ этому тоже нельзя прямо-то идти, потому—указъ нонѣ царскій вышелъ, чтобы большіе начальники прямо изъ рукъ въ руки не брали, а велѣно-де черезъ другихъ: ну, такъ и другой-отъ лѣкарь такъ-то не возьметъ, а какъ посулишь, такъ, пожалуй, тоже по шеѣ вытуритъ. А надо дать либо подлѣкарю, либо хозяйкѣ. Онъ не нашъ, а изъ другаго города наѣхалъ; потому—тоже съ своихъ-то не велѣно брать, такъ ихъ въ чужіе города посылаютъ. Этому брать запрету нѣтъ; а еще и прогоны изъ казны выдадутъ.

— Ну, такъ какъ бы мнѣ хоть до подлѣкаря то доползти?

— А выйди, говоритъ, на улицу, да спроси Степана Миколаевича, такъ тебѣ всякій укажетъ.

Вотъ, хорошо! Поѣли мы съ Ѳедькой въ сухомятку; я оболокся и поползъ. А самъ Ѳедькѣ говорю: «смотри, говорю: неравно Петръ Игнатьевичъ съ некрутами наѣдетъ, такъ ты тутъ будь».—«Ладно, говоритъ Ѳедька: знаю, вѣдь, я»—Вотъ, выбрелъ я на улицу; попошелъ немного; гляжу: и впередъ — улица, и взадъ — улица и направо — улица, и налѣво — улица: во всѣ четыре стороны улицы! Стою я—и дивуюсь: куда идти! А самъ все думаю: не обманываетъ ли Гаврило? Бưватъ, ему нашъ-отъ лѣкарь не любъ, такъ онъ къ своему пріятелю не натакиваетъ ли? Думаю я это, а вдругъ Митрей и идетъ.

— Здорово говоритъ, знакомый!

— Здравствуй, другъ, говорю я; только ты какъ меня знаешь-то?

— А какъ? Мой отецъ тебѣ пріятель былъ.

Я и догадался.

— Да не солдатъ ли онъ былъ? говорю. До того къ намъ изъ городу солдатъ наѣзжалъ, такъ все у меня приставалъ.

— Солдатъ и есть.

— А не Митреемъ-ли его звали?

— Митреемъ.

— А тебя-то какъ звать?

— А тоже Митреемъ.

— А отецъ-отъ у тебя, Митреюшко, умеръ, поди? Давненько ужь онъ пересталъ къ намъ ѣздить; а до того на году-то неодинова побываетъ.

— Умеръ и такъ.

— Такъ! А вотъ что, Митреюшко: не доведешь-ли ты меня до лѣкаря?

— А какого тебѣ лѣкаря надо?

Тутъ я рѣчи-то Гавриловы и позабылъ.... перепуталъ:

— А Миколая, говорю.

Ужь послѣ я догадался, что не ладно это имя вымолвилъ.

— А начто тебѣ его? спрашиваетъ Митрей.

— А Ѳедьку-то, говорю, ставить привезъ. Отецъ-отъ не сказывливалъ ли тебѣ, что у меня парень растетъ?... Такъ выстарать бы его какъ ни на есть; потому — парень смиреный выросъ.... и работникъ. Вотъ что!

— А пойдемъ, говоритъ Митрей, ко мнѣ въ фатеру;

такъ я тебя научу: потому — мнѣ все лѣкарье знакомо.

Я обрабѣлъ: вотъ, думаю, Господь, за старую-то хлѣбъ соль добра человѣка посылаетъ!

— Ладно, говорю, пойдемъ. Эка ты, паре! У тебя бы и пристать-то мнѣ.

— А почто не присталъ?

— Да не зналъ, вѣдь.

— Ой, голова! Да спросилъ бы ты Митрея Попихина, такъ тебѣ всякъ бы указалъ.

— А вотъ и не догадался я этого-то, Митреюшко.

— Ну, такъ пойдемъ!

Вотъ пришли. Я сѣлъ, и не разболокался. Тутъ мнѣ Митрей и говоритъ:

— Вѣдь, безъ денегъ, дядя, не выстарать тебѣ Ѳедьки.

— Да деньги-то у меня, Митреюшко, есть.

— А колько?

— Двадцать три цѣлковые.

— Ну, такъ ладно—пойдемъ!

Вотъ, пошли мы. Я ему и говорю:

— Веди ты меня напервò къ нашему-то, къ удѣльному-то лѣкарю, потому—онъ мнѣ начальникъ знакомый. Хошь Гаврило и калякаетъ, что онъ денегъ не беретъ, да я думаю, не понасердкамъ ли какимъ онъ вретъ.... отводитъ отъ него крещеныхъ.... Этотъ лѣкарь лонишный годъ, какъ воспица была, наѣзжалъ къ намъ, да никому обиды не сдѣлалъ.... даромъ, что изъ большихъ начальниковъ!... Сказываютъ, съ самимъ управляющимъ съ одной ложки пьютъ и ѣдятъ!

— Нѣтъ, говоритъ Митрей, тебѣ Гаврило вправду сказывалъ: вашъ лѣкарь точно что дуракъ, потому—денегъ

не беретъ. Да онъ и не набольшій. Въ лонишній наборъ, чтобы ему незавидно было, посылали было на испытанье. А онъ все на зло дѣлалъ: которыхъ не надо лобанить— всѣхъ залобанилъ, а которыхъ надо — нѣтъ! За это въ нонѣшнемъ году къ нему и перестали посылать на испытанье,... чтобы опять за спасибо-то не напакостилъ.

Подались мы небольницу, а тутъ елка — кабакъ то есть.

— Зайдемъ, говоритъ Митрей.

— А ты развѣ пьешь? молвилъ я: твой отецъ, такъ тотъ капли въ ротъ не бралъ.

— Да и я, говоритъ Митрей, капель-то не примаю, а по пятницамъ, на голодную утробу, стаканчикъ выпиваю.

Зашли. А онъ и велитъ цѣловальнику два стакана налить, а мнѣ велитъ деньги подать.

— Я, говоритъ, изъ-за тебѣ весь день проманю, а у меня тоже работа есть.

— Да, Митреюшко, этакъ хватитъ-ли у меня лѣкарье-то это ублаготворить?

— Какъ не хватить! Хватитъ.

А у меня мелкихъ не было: была пятирублевая, да двѣ трехрублевыя, а тутъ все цѣлковые. Я выкопалъ одинъ цѣлковый, который похуже, подалъ цѣловальнику, да и говорю:

— Сдачу подай!

Тотъ пошеперилъ этакъ бумажку-то, да и говоритъ:

— А нѣтъ у меня теперь сдачи.

— А коли нѣтъ, я говорю, такъ бумажку назадъ подай. А мнѣ и вина не надо.

— Да несумлѣвайся, голова! говоритъ Митрей: это

человѣкъ знакомый.... я послѣ самъ получу, какъ взадъ пойдемъ.

— Да смотри, Митреюшко, говорю я, какъ-бы недохватки не было.

— Не будетъ, говоритъ онъ мнѣ, недохватки.—А цѣловальнику говоритъ: «наливай».

Тотъ налилъ два стакана; Митрей одинъ себѣ беретъ, а другой мнѣ подаетъ.

— Не до того мнѣ, говорю, Митреюшко!

— Выпей, говоритъ, голова.... на сердцѣ веселѣе будетъ!

— Нѣтъ, ужъ лучше самъ ты оба выпей на здоровье.

Митрей выпилъ, и говоритъ:

— Пойдемъ.... этакъ ловчѣе будетъ съ начальствомъ толковать.

Вотъ, пошли мы. Гляжу — хоромы большущія стоятъ, о два жила.... и краской окрашены, ровно голбецъ у богатаго мужика; только синихъ птицъ не написано. «Вотъ этта и лобанятъ»! говоритъ Митрей. Какъ скажетъ онъ это — такъ у меня ноги-то и подкосились! Видитъ это Митрей, и говоритъ: «Чего боишься? Головы, вѣдь, не снимутъ»!—Ну, думаю, снимутъ — не снимутъ, а идти надо, потому — парень-отъ онъ у меня смиренъ шибко. Наперво во дворъ вошли. Дворъ большущій, а все въ немъ пусто: только полѣнницы у заплоту стоятъ. Потомъ въ хоромы вошли. Сѣни холодныя, а свѣтлыя; а въ сѣняхъ лѣстница большущая, широкая, съ частыми ступенями. «Постой тутъ», сказалъ мнѣ Митрей; а самъ въ верхнее жило убѣжалъ :«Я тѣ, говоритъ, человѣка вышлю». Поманилъ я немного; какъ

вдругъ идетъ съ верху какой-то начальникъ.... моложавый такой изъ себя.... и безъ шапки, а такъ. Идетъ онъ, а самъ на меня такъ и смотритъ. Я шапку еще ранѣ скинулъ; такъ только поклонился ему, да и спрашиваю:

— Ты, в. б., не лѣкарь ли и есть?

— А что тѣ, борода? молвилъ онъ.

Я ужь по нарѣчью догадался, что онъ большой начальникъ, потому — сразу заругался; взялъ, да и палъ ему въ ноги. А онъ говоритъ.

— Вставай, борода, да прямо говори, что тѣ отъ меня надо?

Я всталъ, и говорю:

— А какъ бы мнѣ парня-то выстарать? Потому—смиренъ шибко! Малаго ребенка отродясь не изобидѣлъ: такъ какой онъ воинъ?

— То-то, мошенникъ! промычалъ это лѣкарь сквозь зубы.... сердито таково.... Иди, говоритъ, за мной!

Я пошелъ. Онъ вывелъ меня на дворъ опять, да и говоритъ:

— Сколько ты мнѣ дашь?... Да смотри, борода, не торговаться!

— Почто торговаться, в. б.! На, вотъ, возьми, отсчитай, что тѣ по царскому указу слѣдуетъ: ты, вѣдь, болѣ знаешь!

Тутъ я выволокъ деньги, да и подалъ ему всѣ. Онъ взялъ; считаетъ, а самъ бранится:

— Вы, говоритъ, сиволапые, всѣ мошенники! Отъ всѣхъ отъ васъ псиной воняетъ: такъ и деньги-то душныя у тебя. Знаю, я вашу благодарность: не возьми съ васъ впередъ, такъ и съ деньгами простись. Вотъ, я возь-

му, что мнѣ по царскому указу положено.... да понимаешь-ли ты, сукинъ сынъ?

— Какъ не понимать, я говорю, в. б.! Понимаю.

А самъ обрадѣлъ, что лѣкарь деньги примаетъ. Только взялъ онъ одну пятирублевую, да въ рыло-то мнѣ ей и тычетъ. Я думалъ и взаправду ткнетъ, однако — нѣтъ.

— Вотъ, что я беру, говоритъ: понюхай, борода! А эти, достальные то къ старшему лѣкарю отнеси; потому — я моложе его.... понимаешь ли, борода, отчего я съ тебя только это беру?

Тутъ онъ опять мнѣ пятирублевой-то и тычетъ въ рыло. Только, какъ взялъ онъ, такъ я и посмѣлѣе сталъ, да и молвилъ:

— А тебя, в. б., не Миколаемъ ли зовутъ?

— А что тѣ, борода, въ томъ, какъ меня зовутъ? Ну— Миколаемъ.

— Такъ ты-бы, в. б., достальныя-то деньги самъ бы отдалъ старшему начальнику.

— Дуракъ ты, сиволапая псина! По царскому указу всякъ беретъ самъ на себя: мнѣ до старшаго лѣкаря дѣла нѣтъ, и ему—до меня!

— А какъ-же, в. б., Гаврило-то сказывалъ, что ты и на старшаго лѣкаря берешь?

— А скажи ты своему Гаврилу отъ меня, что вретъ онъ.... не въ свое дѣло суется.

— Такъ хоть укажи ты, какъ мнѣ старшаго то отыскать?

— Вотъ тѣ достальныя деньги; а ищи его самъ, какъ знаешь: языкъ до Кіева доведетъ.

Тутъ лѣкарь пошелъ въ хоромы; я поподался за нимъ, да на лѣстницѣ опять и сталъ: думаю, что будетъ? Только вдругъ Митрей и бѣжитъ съ верху:

— Что? говоритъ.

— А взялъ, говорю я, слава Богу! Только на старшаго не беретъ, а велитъ самому сыскать.... не доведешь-ли ты меня, Митреюшко, до старшаго-то?

— А этотъ-то, спрашиваетъ Митрей, колько съ тебя взялъ?

— Молчи ты! шепнулъ я Митрею: только пятирублевую!

— Ладно, говоритъ Митрей, пойдемъ!

Вотъ, пошли мы. И малостъ поподались — а тутъ старшій-то и живетъ.... Хоромы не мудрые.... Однако зашли».

— А дома Стапанъ Миколаевичъ? спросилъ Митрей.

— Дома, говорятъ, идите!

Тутъ я и догадался, что про этого подлѣкаря мнѣ Гаврило-то и говорилъ, а тотъ, Миколай-отъ, который пятирублевую-то у меня взялъ—не тотъ. Вошли мы въ горницу; вижу—начальникъ смирный. Митрей ему обо мнѣ обсказалъ. «Ладно, говоритъ подлѣкарь: давайте двадцать пять цѣлковыхъ»! Какъ скажетъ онъ это—такъ у меня ноженьки и подкосились! «Да не будетъ у меня эстолько, в. б.! У меня только, вотъ, и есть»! А самъ подаю ему двадцать три безъ шести рублевъ. Лѣкарь не беретъ; а самъ говоритъ: «Нѣтъ, мнѣ ни копѣйки нельзя взять менѣ»! Тутъ Митрей сталъ конаться лѣкарю: такъ и такъ, говоритъ. Потомъ они промежъ себя стали шушукаться. Что они шушукались — я не чулъ, а памятно

мнѣ, будто Митрей говоритъ лѣкарю: «что тебѣ! Возьми, да и все тутъ»! А лѣкарь, будто, говоритъ: «Менѣ, Митрей Петровичъ, ни копѣйки не возьметъ! А мнѣ, вѣдь, не своихъ прикладывать». Опять мнѣ дивно показалося: какъ это, думаю, у Митрея и отецъ Митрей-же былъ, а его величаютъ Петровичемъ? Только думаю я это, а Митрей и зоветъ меня: «Пойдемъ говоритъ!... коли этотъ не беретъ, такъ мы получше найдемъ.... знающаго»! Пошли мы, а я и спрашиваю: «Пошто тя этотъ лѣкарь Петровичемъ величалъ, коли у тебя отецъ Митрей былъ»? «Экой ты, говорилъ Митрей, голова! Митрей-отъ мнѣ не родной отецъ былъ, а вотчимъ; а роднаго-то отца у меня Петромъ звали, такъ то меня Петровичемъ люди и величаютъ»! Завернули мы за уголъ, потомъ—за другой. «Вотъ, говоритъ Митрей: тутъ и есть»! Гляжу—опять изба небольшая, и ужъ шибко ветха. Вошли мы въ избу. Тутъ нашъ братъ мужики стоятъ, а по горницѣ ходитъ начальникъ.... тороватый такой, старенькій.... и подъ хмѣлькомъ. Митрей ему обсказываетъ: «вотъ, говорить, я тѣ, Василій Степановичъ, мужичка привелъ.... о сынѣ»...

— Здравствуй, здравствуй, говоритъ лѣкарь, мужичекъ! Что надо?

— А о сынѣ, говорю, в. б.: какъ-бы его выстарать; потому—смиренъ шибко!

— Можно, можно! Не такія дѣла выстарывали. Пойдемъ со мной!

Пошли. На-перво вышли въ сѣнцы, а изъ сѣней въ горенку. Горенка холодная, а въ ней—чисто.

— А что, говоритъ лѣкарь, ты мнѣ положишь?

— А вотъ, говорю.

Тутъ я выволокъ опять деньги, да какъ не на чт положить, такъ я ихъ пополу и расклалъ. А лѣкарь присѣлъ на кукорки, да и собралъ ихъ.

— Не мало-ли, говорю, будетъ, в. б.?

— Довольно, довольно! говоритъ: выстараемъ! А какъ другое какое дѣло будетъ, такъ опять приходи.

Тутъ лѣкарь пошелъ въ избу, а я за нимъ. Гляжу—а Митрея ужъ и нѣтъ тутока! «Гдѣ, говорю, онъ»? «А, говорятъ, ушелъ куды-то».

Я поманилъ, да и говорю самому лѣкарю:

— Такъ ужь ты, одно слово, выстараешь, в. б.? Потому—и подлѣкарье по мнѣ тянутъ.

— Выстараю, говоритъ, выстараю! Ты не сумлѣвайся.

— А какъ-бы мнѣ Метрея-то найдти? Потому—не забылъ-бы онъ у цѣловальника сдачу съ цѣлковаго взять.

— Такъ ты иди къ нему на фатеру, говоритъ лѣкарь.

— А я дороги не знаю, в. б.; потому—кружились.... кружились!

— Ой ты, другъ! говоритъ. Какъ выйдешь за ворота, такъ свороти налѣво, а тутъ и иди все прамо; перейдешь улицу, а тутъ пятый домъ на лѣвои рукѣ и будетъ.

Я опять поконался, да и пошелъ. Какъ сказалъ мнѣ лѣкарь, такъ я Митріеву фатеру и нашелъ. Взошелъ. Гляжу—а Митрея нѣтъ. «Гдѣ онъ»? спросилъ я. А говорятъ: «послѣ того не бывалъ». Ой! думаю.... парень молодой: не допиваетъ-ли онъ моего цѣлковаго! Только гляжу—а молодой-отъ Миколай—лѣкарь, тутъ на кровати и лежитъ!

— Что ты, говоритъ, борода, на меня уставился?

— А не ты-ли, говорю, Миколай-лѣкарь?

— А что тебѣ?

— Да какъ-бы мнѣ Ѳедьку-то выстарать? Потому — смиренъ шибко.... какой онъ воинъ!

— А у старшаго былъ?

— Былъ.

— А деньги отдалъ?

— Отдалъ.

— Ну, такъ смотри ты у меня, мошенникъ, иди къ сыну, да скажи ему, чтобы онъ, какъ его приведутъ лобанить, такъ лѣвую руку поднялъ-бы, какъ велятъ, а правую-бы, хоть и велятъ, не поднималъ-бы:... будто отсохла!

— Нѣтъ, я говорю, в. б.! Почто мнѣ парня портить. Экъ и взаправду прикинется; такъ на что мнѣ онъ? А коли ты деньги взялъ, такъ по добру дѣлай!

— Я вижу, говоритъ лѣкарь, ты мошенникъ.

— Нѣтъ, почто мошенникъ? А коли ты не хошь парня по доброму ослободить, такъ подай назадъ деньги!

Какъ взъяритъ тутъ лѣкарь! «Ахъ ты борода, говоритъ, сиволапая! Я зашлю тебя, куды Макаръ телятъ не гоняетъ!—И пошелъ, и пошелъ! Все къ рылу подскакиваетъ, а самъ оболокается. Оболокся — и убѣжалъ. А я стою, да думаю: что дѣлать? Только вдругъ Митрей приходитъ.... выпивши. Ой, думаю, пропилъ онъ мои денежки!

— Митреюшко, говорю, взялъ-ли ты сдачу-то?

— Помани, говоритъ онъ: сдача не уйдетъ, потому— человѣкъ знакомый.

— Ну, ладно, говорю; только какъ-бы съ молодаго-то ѣкаря деньги возворотить, — потому, онъ ладитъ парня

портить; а для меня ужь лучше пусть онъ на царскую службу идетъ, да былъ-бы здоровъ... вотъ что, Митреюшко!

Тутъ Митрей вдругъ схватился за руку, да и побѣжалъ изъ избы: «Ой, говоритъ, руку вывихнулъ, такъ къ костоправу надо»! И убѣжалъ. А тутъ двѣ бабы остались. Я имъ и говорю: «Какъ-же быть»? А онѣ говорятъ: «Мы вашихъ дѣловъ не знаемъ: иди отколь пришелъ».—«Да вы хошь до Гаврила-то, говорю, меня доведите»!—«Не наше, говорятъ, дѣло: иди, какъ знаешь»!—Вышелъ я на улицу; а ужь стемнѣло: гляжу—звѣзды на небѣ... Тоскливо таково мнѣ стало! Потому—и домъ раззорилъ, и деньги безъ пути отдалъ, и парня не выстаралъ. Не знаю куды и ползти: стою — ревлю. Только, вотъ, вижу, идетъ кто-то крещеный.

— О чемъ ты плачешь, говоритъ, мужичекъ?

А я по голосу-то его и призналъ: это— у насъ мѣрщинъ жилъ.... Миколай Петровичъ. Я обрадѣлъ.

— Ты это, Миколай Петровичъ? говорю.

— Я, говоритъ; а ты не Миканъ-ли?

— Миканъ, говорю, и есть.

— А что ты тутъ ревешь?

— Да какъ не реветь, батюшко, Миколай Петровичъ! Это лѣкарье-то всѣ деньги у меня выманили, а парня не выстарывать ладятъ, а портитъ!

— Какое лѣкарье?

— А, вотъ, одинъ въ этой избѣ стоитъ.

— Какъ-такъ?

— А вотъ такъ!

— Да это не лѣкарье, а ссыльные мошенники тебя обманываютъ?

— Такъ, какъ-же быть мнѣ? Не поучишь-ли ты меня, Миколаюшко?

Тутъ онъ велѣлъ мнѣ разсказать, какъ что было. Я ему вотъ, какъ и тебѣ, в. б., и разсказалъ.

— Бѣжи, говоритъ мнѣ Миколай Петровичъ, скорѣе къ исправнику, покамѣсть деньги твои не промотаны.

— А я не знаю, Миколай Петровичъ, двора-то исправникова: въ кую сторону бѣжать?

— Ну, такъ пойдемъ вмѣстѣ.

Дошли мы до большущихъ хоромъ. Вошли въ переднюю горницу; а тутъ солдатъ съ синимъ воротникомъ сидитъ. Миколай Петровичъ и говоритъ солдату: «Вышли намъ исправника»! Солдатъ пошелъ, да вскорѣ и вернулся: «Идите»! говоритъ. Мы вошли въ другую горницу. Горница матерая такая. А тутъ изъ другой опять горницы выскочилъ начальникъ черномазый, долгоносый и пучеглазый такой! Это исправникъ отъ и есть. «Что вамъ»? спрашиваетъ онъ. А Миколай Петровичъ и обсказалъ ему все, какъ есть. Какъ взъяритъ онъ!...«Эй»! говоритъ. Прибѣжалъ этотъ солдатъ. «Тащи живѣе сюда это лѣкарье! Слышалъ кого»?—«Такъ точно», говоритъ солдатъ, а самъ побѣжалъ. «А ты, говоритъ мнѣ исправникъ, посиди, гдѣ солдатъ сидѣлъ». А Миколая отпустилъ: «Я ужь самъ теперечи знаю», говоритъ. Сѣлъ я это: а тутъ ночникъ горитъ.... въ стеклѣ какое-то масло налито—и свѣтло таково: что твоя свѣчка! Долго манилъ я тутъ... тоскливо было. Только вдругъ слышу, кто-то по лѣстницѣ скоро таково поднимается. Вдругъ колоколецъ надъ самымъ ухомъ у меня, самъ о себѣ, зазвенѣлъ; дверь отворилась... гляжу—а это Митрей пришелъ... Видитъ онъ меня, и сер-

дито посматриваетъ... а самъ выпивши. Ой, думаю, пропилъ онъ достальныя мои денежки! А на звонъ-отъ самъ исправникъ и выбѣгаетъ. «А! говоритъ онъ Митрею: ты ужъ готовъ? Идите-ко оба сюды»? Мы пошли опять въ большую горницу. Тутъ исправникъ спрашиваетъ Митрея:

«По какимъ лѣкарямъ ты водилъ этого мужика»? А тотъ говоритъ: «Ни по какимъ лѣкарямъ я не водилъ его, а водилъ къ такому-то, да къ такому-то—о сынѣ прошенье писать».—«Правду это онъ говоритъ?» спрашиваетъ меня исправникъ.—«А третъ, говорю я, в. б! На что мнѣ прошенья?... Мнѣ лѣкаря надо было. А они отъ нашего-то лѣкаря отвели: тотъ, можетъ, и не обманулъ-бы, потому—свой начальникъ»... Тутъ опять исправникъ Митрея спрашиваетъ: «Почто ты, говоритъ, рубль у него выманилъ?» «Нѣтъ, говоритъ Митрей, онъ самъ его цѣловальнику подалъ, самъ и сдачу взялъ»!—«Что ты, что ты Митреюшко! говорю я: этакъ-то ты?... за старую-то хлѣбъ-соль»! «Отдай, говоритъ Митрею исправникъ, деньги ему, а не то худо будетъ: мошенникъ, говоритъ, ты»! А Митрей все свое: «Не бралъ, говоритъ, такъ не отдамъ»! Да такъ на томъ и сталъ. Исправникъ загагайкалъ и пришелъ Митрофанъ—такой же короткохвостый.—«Ты, говоритъ ему исправникъ, напиши бумагу, что этотъ мужикъ да Митрей сказывали, да такъ, говоритъ, пиши, чтобы ровно листъ вышло, потому—другіе будутъ писать, такъ чтобы не знали. Тѣ, пусть, пишутъ всякъ на своемъ листѣ». Митрофанъ съ Митреемъ ушли опять въ другія двери; а тутъ этотъ колоколецъ и зазвенѣлъ опять. Гляжу—старый лѣкарь идетъ! И этотъ шибко хмѣленъ. «А за что, спрашиваетъ его исправникъ, ты у этого мужика

деньги взялъ»? Лѣкарь, хоть и пьянъ, а испужался: заикается, а самъ говоритъ: «За прошенье о сынѣ, Ехремъ Ивановичъ». «А прошенье ты написалъ ли ему»? спрашиваетъ исправникъ лѣкаря. «А и не написалъ», говоритъ лѣкарь. «А почто не написалъ, опять пристаетъ исправникъ, коли эко мѣсто денегъ взялъ»? А лѣкарь и соври: «Почто онъ мнѣ бумагъ ни принесъ»? Тутъ исправникъ меня спросилъ: «Почто ты, говоритъ, ему бумагъ не принесъ»? Я говорю: «Вретъ онъ все, в. б! Какія у меня бумаги... мнѣ и безъ бумагъ-то какъ тошно!» «А подай, говоритъ лѣкарю исправникъ, этому человѣку деньги!» Лѣкарь выволокъ трехрублевую бумажку, да и подаетъ исправнику: «Вотъ»! говоритъ. «Врешь, говоритъ ему исправникъ, ты подай все». «А болѣ нѣтъ у меня, сказалъ лѣкарь, да такъ на томъ и сталъ. Тутъ и этого исправникъ къ Митрофану послалъ. Гляжу,—а молодой лѣкарь ужь и пришелъ. Какъ заскачетъ надъ нимъ исправникъ! Я думалъ, онъ его въ кровь разобьетъ. Однако не тронулъ. Потомъ пріутихъ: сталъ его корить: «я, говоритъ, тебя, мальчишка, на мѣсто посадилъ... жалѣлъ тебя, а ты вотъ какъ»! Только гляжу,—Миколай не сробѣлъ, а еще огрызается: «пошто ты кричишь на меня»? говоритъ онъ исправнику. Тутъ исправникъ заскакалъ пуще прежняго: «Отдай, говоритъ, этому мужику деньги, а не то я самого тебя зашлю, куды Макаръ телятъ не гоняетъ»! «Какія деньги»? спрашиваетъ Миколай. «А пять рублевъ», говоритъ исправникъ. Тутъ онъ опять стихъ: «посмотримъ, говоритъ, какую ты пѣсню у слѣдователя запоешь»! А меня исправникъ спрашиваетъ: «этотъ у тебя пять рублевъ взялъ»? «Этотъ самый, говорю я: какъ-же ты, Ми-

колаюшко, запираешься»?—«Врешь ты, борода»! говоритъ Миколай, а самъ мнѣ въ глаза смотритъ. Опять заскакалъ исправникъ: «Такъ ты, говоритъ онъ лѣкарю, Миколаемъ назвался? Да еще при мнѣ мужика бородой ругаешь»!.. И пошелъ, и пошелъ! «А я, говоритъ лѣкарь, не ругаюсь, а называю его бородой, потому—не знаю его; да и никакихъ мужиковъ я знать не хочу, потому—отъ нихъ ото всѣхъ псиной воняетъ, всѣ они въ полушубкахъ ходятъ, всѣ они мошенники, всѣ съ бородами! Есть у него борода—я бородой и называю». Вотъ, велитъ исправникъ опять писать. Написали. «Подпиши, говоритъ исправникъ Миколаю, свою сказку, что ты Тарханова и въ глаза не видалъ». «А дай, говоритъ Миколай, мнѣ все вычитать». «Нѣтъ, вре! говоритъ исправникъ: ты только за себя ручи.» Миколай тутъ и заручилъ. Потомъ пришли еще какіе-то руку прикладывать; и за меня приложили. Исправникъ подалъ мнѣ трехрублевую. Гаркнулъ онъ солдата, да и говоритъ: «засади этого Миколая-лѣкаря при полиціи». «Ладно, говоритъ солдатъ, в. б»! а самъ Миколая за локоть, и беретъ. «Нѣтъ, говоритъ Миколай, это не правилу въ бумагѣ того я не ручилъ». «А коли такъ, говоритъ исправникъ, такъ тащи его лемистративнымъ *) порядкомъ». Тутъ солдатъ лѣкаря за шиворотку и сталъ забирать лемистративнымъ порядкомъ. Тотъ говоритъ: «Нѣтъ, ужь лучше я самъ пойду»!—Ушли. А меня исправникъ накормить велитъ. А я говорю: «Ужь мнѣ не до ѣды, в. б., потому—онъ парень-отъ смиреный»! «Ну, какъ хошь», говоритъ исправникъ. Тутъ онъ велѣлъ другому солдату меня до Гаврила довести. Я, было, сталъ

*) Административнымъ.

о сынѣ ему копаться, а онъ говоритъ: «Нѣтъ»! Такъ я и ушелъ. А вотъ сегодня пришелъ ко мнѣ тотъ-же солдатъ, да и привелъ меня къ тебѣ... вотъ и вся сказка, в. б!..

— Хорошо! А деньги, которыя ты отдавалъ, узнаешь-ли, если тебѣ ихъ показать?

— А этотъ рубль, который въ кабакѣ отдалъ, такъ тотъ признаю, потому—худъ шибко: я и у землемѣра-то не бралъ-было, да въ правленьи всѣ говорятъ, что гожъ; а землемѣръ говоритъ: не возьмутъ, такъ я обмѣню... потому я его въ кабакѣ-то перваго и выволокъ.

— Ну, а другія бумажки?

— А другія всѣ, какъ есть... Только коли правду Миколай-лѣкарь сказываетъ, такъ по духу-ту нельзя-ли какъ доискаться: бывать и вправду отъ нихъ псиной воняетъ.

— А когда вы съ Дмитріемъ были въ кабакѣ, были или нѣтъ тамъ посторонніе?

— Были, в. б.

— Ты не знаешь ихъ?

— Я-то не знаю, а Митька, такъ тотъ знаетъ, потому—зубоскалилъ съ ними.

— А когда ты отдавалъ молодому Николаю-лѣкарю пять рублей, такъ тоже не видѣлъ-ли кто этого?

— А какъ не видѣть! Тамъ изъ верхняго жила начальники глядѣли, да зубоскалили на насъ.

— А когда у подлѣкаря вы съ Дмитріемъ были, такъ не было-ли тутъ еще кого-нибудь?

— Нѣтъ, тамотко никого не было; да, вѣдь, подлѣкарь и не взялъ съ меня ничего: «нѣтъ, говоритъ, двадцати пяти,—такъ, вотъ тебѣ и деньги назадъ». И возворотили.

— Ну, а когда у стараго лѣкаря былъ, такъ не встрѣтилъ-ли тамъ кого-нибудь знакомаго?

— Нѣтъ, знакомыхъ тутъ не было, потому, по нарѣчью-то, все кулояна-драчи.—А Митька,... такъ тотъ, поди, ихъ знаетъ, потому—говорилъ съ ними.

Я считаю лишнимъ излагать подробности слѣдствія и сообщу въ сжатомъ видѣ достигнутые имъ результаты. Дмитрій Попахинъ оказался в.... мѣщаниномъ изъ солдатскихъ дѣдей; молодой Миколай-лѣкарь—сосланнымъ въ г. В... за мошенничества чиновникомъ Бондыревымъ; старый лѣкарь—отставнымъ чиновникомъ, занимающимся составленіемъ прошеній.—Бондыревъ, сначала утверждавшій, что вовсе не знаетъ Тарханова, на очной ставкѣ проговорился, что тотъ былъ у него въ квартирѣ; а чиновники полицейскаго управленія сказали, что видѣли, какъ первый бралъ у послѣдняго деньги на дворѣ полицейскаго управленія. Противъ остальныхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ формальныхъ уликъ не оказалось. Но и Бондырева уголовная палата оставила лишь въ сильномъ подозрѣніи.

Лѣтомъ того же года мнѣ случилось быть въ Гавшенскомъ правленіи. Я освѣдомился о Тархановѣ.

— Умеръ, сказали мнѣ.

— Какъ-такъ?

— Да такъ, вотъ! Какъ выѣхалъ зимусь изъ города, такъ и зачахъ; потому—и сына забрили, и деньги потерялъ, и домъ раззорилъ. Послѣ масляной и съ печи не сталъ слѣзать, а ко Христову Дню—и душеньку Богу отдалъ.—А шибко жаль, потому—смиреный это былъ мужикъ: всѣ волощана его за простоту любили!.. Такъ, вотъ, сгибъ человѣкъ отъ недобрыхъ людей, а самъ, на вѣку, поди, мухи худой не изобидѣлъ!... Бываетъ это, в. б.!

КОНЕЦЪ.

ЦѢНА 75 КОП.

